

**АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

- ◆ Экономика
- ◆ Политика
- ◆ Право

**2017
№ 4**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Журнал основан в 1999 году

Учредитель журнала – Дальневосточный федеральный университет
Министерства образования и науки Российской Федерации

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков, С.Д. Князев, А.И. Коробеев, Ли Се Ун,
Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю**

**2017
№ 4**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ,
корп. А (24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2383). Факс: +7 (423) 243-23-15

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4

Владивосток

Дальневосточный федеральный университет

2017

PACIFIC RIM

- ◆ Economics
- ◆ Politics
- ◆ Law

The Journal was established in 1999

The founder: Far Eastern Federal University
The Ministry of Education and Science of the Russian Federation

EDITOR-IN-CHIEF

**V.I. Kurilov, Professor, Doctor of Law,
Honorary University Educationalist of the Russian Federation**

EDITORIAL BOARD

**C.R. Irish, P.Y. Baklanov, V.G. Belkin,
E.P. Zharikov, S.D. Knyazev, A.I. Korobeev, S.U. Lee,
N. Park, V.F. Pecheritsa, N.G. Prisekina,
D. Sneider, K.C. Fu and D. Huang**

**2017
№ 4**

**Research
and Socio-political
Journal**

Address:

Far Eastern Federal University
A920–923 Office, Bldg. A (2), Ajax St.,
Vladivostok, Russky Island, Russia, 690922
Tel.: +7 (423) 265-22-35 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15

Registration Certificate ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4

Vladivostok
Far Eastern Federal University
2017

Содержание

К читателям журнала	6
УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА	9
<i>Заусаев В.К., Антонова А.И., Воробьёва А.И.</i> Совершенствование программно-целевого управления в регионе	9
<i>Кравченко А.А., Сергеева О.О., Сусану И.А.</i> Производство биотоплива как фактор роста цен на сельскохозяйственные культуры	18
<i>Подошвелёв Р.А.</i> Влияние рыбной ренты при установлении режима управления рыбопромысловой отраслью	32
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН АТР	47
<i>Бойко И.В.</i> Структурные диспропорции в экономике тихоокеанского региона Канады	47
<i>Попова Л.В., Субботина К.В.</i> Стратегия диверсификации прямых иностранных инвестиций Японии в начале XXI века	60
<i>Жариков Е.П.</i> Тенденции развития мировых морских перевозок и портового хозяйства	72
<i>Сибирская А.В.</i> Объективная необходимость и экономический механизм валютной интеграции на территории стран ЕАЭС	79
ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И КОРРУПЦИИ	92
<i>Лун Чанхай, Коротких Н.Н.</i> Исследование вопросов, касающихся контроля над террористической и экстремистской преступностью в России и Китае . . .	92
<i>Басова Т.Б., Антропов В.С.</i> Законодательное противодействие преступным проявлениям коррупции в Японии	107
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ	118
<i>Кучина Я.О.</i> Убийство в общем праве (на примере уголовного права Австралии) и его отличие от института убийства в российском уголовном законе	118
<i>Стоун Е.М.</i> Сравнительный анализ личностей лиц, совершающих преступления особой тяжести на территории Магаданской области, российского Дальнего Востока и Российской Федерации в целом	129
<i>Агаева Н.Р.</i> Правовые аспекты защиты трудовых прав работодателей в условиях развития международного сотрудничества Приморского края со странами АТР	141
<i>Белобородов М.В.</i> Правовые аспекты изменения условий договора на поставку товаров для государственных нужд в случае выявления недостатков, препятствующих исполнению обязательств	151
Сведения о членах редколлегии	161

Contents

To the Readers	6
MANAGEMENT BY ECONOMY OF REGION	9
<i>Zausaev Vadim K., Antonova Anastasia I., Vorobeva Aleksandra I.</i> Streamlining management by objective in the region	9
<i>Kravchenko Alla A., Sergeeva Olesya O., Susanu Igor A.</i> Biofuel production as a factor of agricultural cultures price increase	18
<i>Podoshvelev Roman A.</i> Impact of fish rent on fisheries management choices ...	32
SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF APR COUNTRIES	47
<i>Boiko Irina V.</i> Structural disproportions in the Canadian Pacific Region	47
<i>Popova Liudmila V., Subbotina Ksenia V.</i> Japanese diversification strategy in the early 21 st century	60
<i>Zharikov Evgenie P.</i> Development trends in the world marine transportation and port facilities	72
<i>Sibirskaya Albina V.</i> Objective needs and economic mechanism for foreign exchange integration in the territory of EAEU countries	79
LEGAL ISSUES OF COUNTERACTION TO EXTREMISM AND CORRUPTION	92
<i>Korotkikh Natalya N., Lung Chang Hai.</i> Investigation of issues relating to control over terrorist and extremist crime in Russia and China.	92
<i>Basova Tatyana B., Antropov Vitaly S.</i> Legislative counteraction to criminal manifestations of corruption in Japan	107
CRIMINAL LEGAL MATTERS	118
<i>Kuchina Yaroslava O.</i> Homicide in the common law (on the example of the Australian criminal law) and its difference from the institution of murder in the Russian criminal law	118
<i>Stoun Elena M.</i> Comparative analysis of core crime committers in Magadan Region, Russian Far East and Russian Federation in Whole	129
<i>Agaveva Natella R.</i> Legal aspects of protecting employers' labor rights in the context of international cooperation between Primorsky Region and Asia Pacific countries	141
<i>Beloborodov Maxim V.</i> Legal aspects of changing the conditions of the contract for delivery of goods for state needs in case of revealing obstacles to the performance of obligations	151
Editorial Board's Data	161

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому издание журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуально в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- социологические исследования по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объемом не более 15 страниц машинописного текста, включая список литературы;

- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках, E-mail для связи с читателями;
- название статьи, УДК, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20);
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5]», или при цитируемой ссылке «[5, с. 18]»;
- Список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике;
- поля: все – 20 мм. К рукописи прилагать электронный вариант, шрифт Times New Roman, № 14.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу:

690950, Владивосток, ул. Суханова, 8, зам. гл. редактора.

Информация о журнале в Интернете: apr-magazine.dvfu.ru

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2383). Fax: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

To the Readers

Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the publication of "PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;

- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, with a volume of no more than 15 pages of text, including references;
- Full NAME (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages; access to e-mail for communication means with readers;
- the manuscript's title, UDC, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20);
- links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";
- list of Literatours (in Russian languages) and References (in English languages) should be placed at the end of the article;
- margins: all – 20 mm. The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to:

8, Sukhanova St., Vladivostok, 690950, RUSSIA, Deputy Chief Editor.

Use the following internet link to access the journal's website:

apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (* 2383). Fax: +7 (423) 243-23-15.

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА MANAGEMENT BY ECONOMY OF REGION

УДК 332.145(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/9-17

В.К. Заусаев¹

Восточный центр государственного планирования, г. Хабаровск, Россия

E-mail: zausaev_inst@mail.ru

А.И. Антонова²

Восточный центр государственного планирования, г. Хабаровск, Россия

E-mail: antonovaai@bk.ru

А.И. Воробьева³

Восточный центр государственного планирования, г. Хабаровск, Россия

E-mail: a.i.vorobeveva@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Аннотация. Программно-целевое управление в настоящее время служит важным инструментом социально-экономического развития регионов. Ключевым элементом здесь выступают государственные программы Российской Федерации и её субъектов. Реализуемые на определённой территории, они связывают разные уровни государственной власти, позволяя тем самым сформировать ресурсное обеспечение приоритетных мероприятий. Для совместного решения поставленных задач государственные программы субъектов должны соответствовать целям и задачам государственных программ федерального уровня. На сегодняшний день эта связь проявляется в недостаточной степени. Ввиду особого внимания Президента России

¹ Вадим Константинович Заусаев, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Восточного центра государственного планирования, г. Хабаровск, Россия.

² Антонова Анастасия Ивановна, ведущий экономист Восточного центра государственного планирования, г. Хабаровск, Россия.

³ Воробьева Александра Игоревна, заведующий лабораторией, учёный секретарь Восточного центра государственного планирования, г. Хабаровск, Россия.

Для цитирования: Заусаев В.К., Антонова А.И., Воробьева А.И. Совершенствование программно-целевого управления в регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 9–17.

к Дальнему Востоку и созданию на нём территории опережающего развития, необходимо стремиться к тому, чтобы государственные программы субъектов имели одинаправленный с государственными программами РФ вектор.

В статье рассмотрены основные проблемы формирования государственных программ субъектов и их соответствие целям и задачам государственных программ федерального уровня. Выявлены основные недостатки, негативно влияющие на содержание государственных программ регионов ДФО. Определены основные направления, на которые региональным органам власти необходимо сделать акцент при формировании государственных программ субъектов.

Ключевые слова: программно-целевое управление, государственная программа, стратегия развития, регион, дальневосточный раздел.

Vadim K. Zausaev¹

Eastern center of state planning, Khabarovsk, Russia

E-mail: zausaev_inst@mail.ru

Anastasia I. Antonova²

Eastern center of state planning, Khabarovsk, Russia

E-mail: antonovaai@mail.ru

Aleksandra I. Vorobeva³

Eastern center of state planning, Khabarovsk, Russia

E-mail: a.i.vorobeva@gmail.com

STREAMLINING MANAGEMENT BY OBJECTIVE IN THE REGION

Abstract. Management by objective presently serves as an important instrument of social and economic development in regions. Key moments here include the government programs of the Russian Federation and its subjects. While realized at the specific territory, they link different levels of governmental authorities, thus providing the resource funds for top priority measures. In order to mutually address the tasks, the government programs of region must correspond to the aims and tasks of the federal government pro-

¹ Vadim K. Zausaev, Doctor of Economics, Professor of the Eastern center of state planning, Khabarovsk, Russia.

² Anastasia I. Antonova, Leading Economist of the Eastern center of state planning, Khabarovsk, Russia.

³ Aleksandra I. Vorobeva, Operate laboratory, academic secretary of the Eastern center of state planning, Khabarovsk, Russia.

For citing: Zausaev V.K., Antonova A.I., Vorobeva A.I. Streamlining management by objective in the region // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 4. P. 9–17.

grams. As of today, these connections appear insufficient. Due to the special attention that the President to Russia pays to the Russian Far East and establishment of the territory of advanced development, the government programs of the region have to follow the vector of the federal government programs of the Russian Federation.

The article looks into the basic problems of developing the government programs of subjects and their compliance with the goals and tasks of the federal government programs. The major defects that negatively influence on the maintenance of government programs in the Far Eastern Federal District have been revealed as well as the priority areas that have to be emphasized by regional governmental bodies while developing the subjects' programs.

Key words: management by objective, government program, development strategy, region, Far Eastern heading.

Российский Дальний Восток (далее – ДФО, макрорегион) исторически развивался под патронажем государства, что определяло его устойчивое и сбалансированное развитие. Экономическая специализация ориентировалась на ресурсодобывающие отрасли с экспортным уклоном. Формирование более высоких переделов, особенно машиностроения, выполняло важную воспроизводственную роль, поддерживая уровень образованности, наукоёмкости и трудовой квалификации работающего населения.

Годы рыночных преобразований сформировали истощительные тенденции, затронув не только природно-ресурсный, но и социально-производственный потенциал. Складывающиеся угрозы, дополняя и стимулируя друг друга, создают отрицательную мультипликативную среду, реальную угрозу коренным интересами безопасности России в макрорегионе.

В этих условиях на правительственном уровне принимается стратегическое решение о формировании новой модели развития Дальнего Востока, обеспечивающей интеграцию России в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Это требует изменения не только структуры экономики ДФО, но и её динамики. Современным инструментом решения подобной задачи стало программно-целевое управление.

История программно-целевого управления (далее – ПЦУ) началась с США, где для планирования государственного бюджета внедрили систему Planning-Programming-Budgeting System (PPBS). Впервые она была использована Министерством обороны США. В России переходом на ПЦУ стало формирование федеральных и региональных государственных программ (далее – ГП). Предпосылками для широкого использования методов ПЦУ в стране стало развитие процессов произ-

водства, разделение видов деятельности, ведомственная разобщенность, дефицит финансовых ресурсов [4].

Применение ПЦУ США, Россией и странами ЕС позволило выделить ряд преимуществ программного подхода:

- планирование мероприятий и механизмов на несколько лет, при этом обеспечивается стабильность для хозяйствующих субъектов;
- учёт региональных особенностей и условий при разработке программ, что помогает выявить дополнительные возможности территорий, а также оценить возможные риски;
- эффективное распределение денежных средств благодаря их направленности на конкретные цели;
- мобилизация знаний и ресурсов региональных органов власти, которые выступают ответственными исполнителями за реализацию программ;
- возможность использования проектного подхода, т.е. концентрация ресурсов и действий на конкретные проекты.

Программно-целевое управление позволяет достигнуть цели, которые влекут за собой коренные изменения в социально-экономическом развитии субъекта, переводя его в новое качественное состояние, которое невозможно достигнуть при реализации частных целей развития отдельных отраслей и территорий. При этом ПЦУ позволяет обеспечить качественную постановку целей, без использования числовых выражений, но достаточно ясную, чтобы обеспечить направленность программных действий [3, с. 39–40].

Инструментом реализации ПЦУ являются ГП Российской Федерации (ГП РФ), ГП субъектов и муниципальные программы. Согласно Федеральному закону «О стратегическом планировании в Российской Федерации» перечень ГП субъекта утверждается высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Они могут иметь отличную от ГП РФ группировку по отраслям и направлениям реализации.

Наши исследования показали, что наименования программ и их компоновка в субъектах отличаются. В условиях дефицита бюджета субъектов важным местом в реализации их ГП являются федеральные субсидии. Предоставляются они преимущественно на конкурсной основе. Один из главных критериев их получения – наличие соответствующей региональной (муниципальной) программы. Субсидии, выделяемые в рамках ГП РФ, носят целевой характер. Качество проработки целей и задач ГП субъектов является важным условием для привлечения федеральных средств.

Поскольку ДФО является территорией повышенного внимания Президента России и эпицентром интеграционных процессов страны, требующим опережающего развития, использование программно-целевого управления приобретает здесь

особое значение. Так, на Восточном экономическом форуме в 2016 г. В.В. Путин отметил, что в ближайшие три года необходимо выйти на устойчивый прирост численности населения в макрорегионе. В связи с этим следует нацелиться на ГП, касающиеся здравоохранения, образования, жилищной и социальной политики.

Изменившиеся условия развития России в последние годы потребовали более рачительного отношения к бюджетным ресурсам. В целях повышения действенности ГП РФ в отношении ДФО в них разрабатываются дальневосточные разделы (далее – ДФ разделы), которые позволят выделить приоритеты, поставить акценты, мониторить эффективность их реализации.

Объём финансирования по конкретным направлениям должен рассчитываться таким образом, чтобы не просто восполнить отставание, а обеспечивать опережающее развитие и наращивание человеческого капитала дальневосточных территорий.

Формирование ДВ разделов включает мероприятия, учитывающие социальные, экономические, территориальные и климатические особенности субъектов. Их выполнение позволит достичь значения показателей, целей и задач социально-экономического развития субъектов ДФО выше среднероссийского уровня, повысить качество жизни населения макрорегиона.

По состоянию на 1 июня 2017 г. ДВ разделы представлены в 18 ГП РФ. Кроме того, упоминание Дальнего Востока содержится в 22 ГП РФ, показатели развития – в 19, в том числе в 6 из них – в разрезе субъектов РФ в ДФО.

Анализ показал, что объём денежных средств, выделяемых из федерального бюджета на спецразделы, составляет около 30–40%. Остальная часть — это бюджеты субъектов и внебюджетных источников. В этой связи особое значение приобретает однонаправленность формирования ГП федерального уровня и ГП субъектов.

Нами была проведена систематизация 27 ГП РФ[1] по трём группам направлений развития (рис. 1).

Наибольшее количество ГП РФ имеют отраслевую и социальную направленность. Их анализ путём сравнения целей и задач позволил выявить основные недостатки, негативно влияющие на содержание ГП субъектов ДФО (рис. 2).

Более 80% субъектов не формируют в своих программах существующие подпрограммы федеральных ГП. Это объясняется более узким кругом полномочий субъектов и ведёт к торможению развития основных направлений, обозначенных в ГП РФ.

Следующие особенности формирования ГП встречаются в 70% регионов:

- несоответствие региональных целей и задач программы или подпрограммы при соответствии названия программы/подпрограммы ГП РФ;
- объединение нескольких программ (направлений) в одной программе (например, в Чукотском автономном округе действует программа развития образования, культуры, спорта, туризма и молодежной политики);
- разделение одной программы на две.

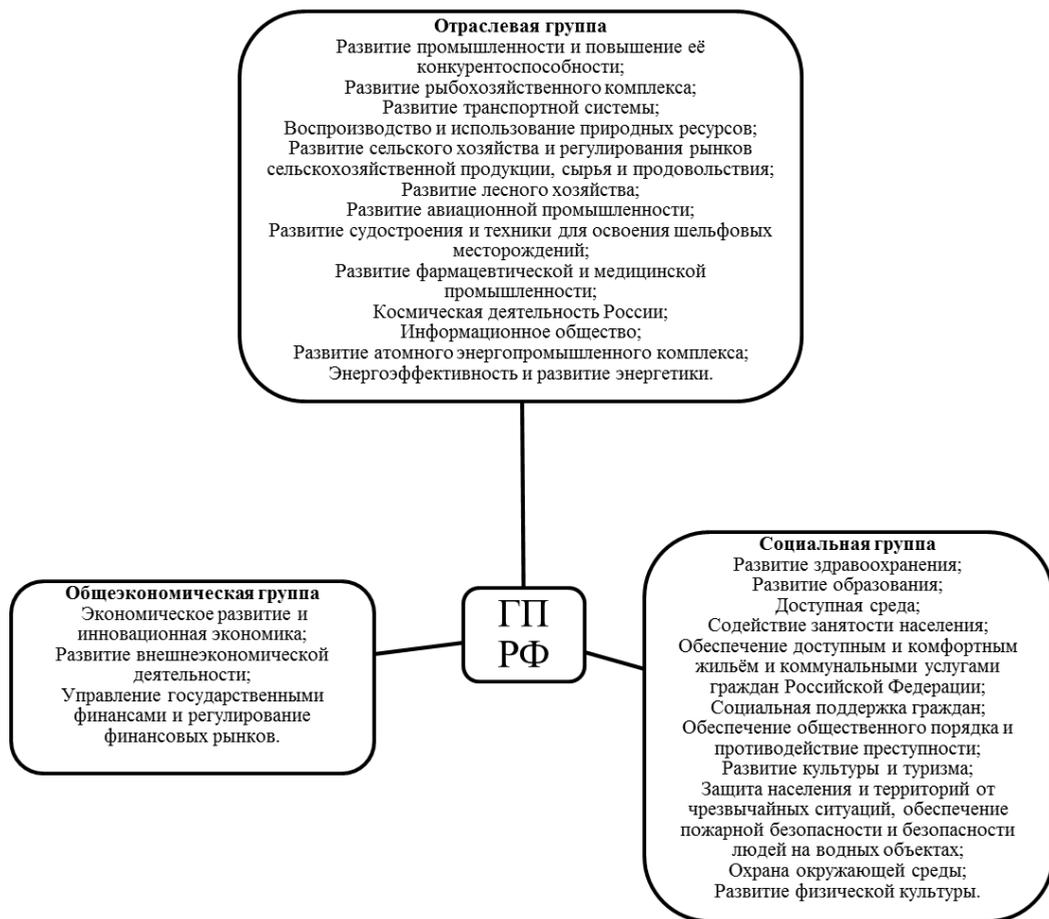

Рис. 1. Группировка Государственных программ Российской Федерации по направлениям специализации

Все три вышеперечисленные особенности приводят в той или иной мере к выделению дополнительных направлений в программах регионов, которые отсутствуют в ГП РФ. Так, в ГП «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» субъектами обозначена проблема, не рассмотренная в программе федерального уровня, – снижение аварийности жилья и повышение надёжности и эксплуатации объектов коммунальной инфраструктуры. Республика Саха (Якутия) и Сахалинская область в ГП «Развитие транспортной системы России» выделяют дополнительные задачи по решению проблемы приведения в нормативное состояние сети автомобильных дорог.

В 60% случаев на региональном уровне наблюдается дублирование целей и задач ГП субъекта с целями и задачами её подпрограмм. Поскольку подпрограммы должны усилить эффективность реализации ГП и глубже проработать проблемные

вопросы, подобные повторения приводят к отсутствию конкретики и территориальных особенностей.

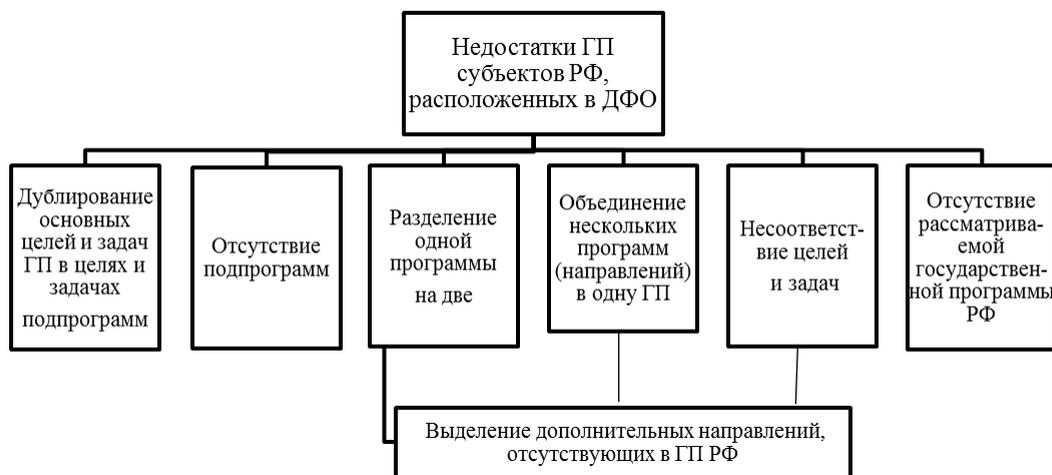

Рис. 2. Группировка недостатков, негативно влияющих на содержание государственных программ субъектов Российской Федерации, расположенных в ДФО

При анализе федеральных и региональных ГП социальный, экономический и отраслевой блоки были распределены по группам соответствия целей и задач ГП субъектов ГП РФ. Группы были сформированы путём процентного соотношения целей и задач ГП субъектов с целями и задачам ГП РФ. Максимальное соответствие составляет 30–35% по ГП «Развитие здравоохранения», «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Промежуточное положение (от 10 до 30%) занимают ГП «Информационное общество», «Развитие образования», «Социальная поддержка населения», «Развитие культуры и туризма», «Развитие физической культуры и спорта», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Доступная среда», «Охрана окружающей среды», «Развитие транспортной системы России». Минимальное соответствие (до 10%) в ГП «Энергоэффективность и развитие энергетики».

Таким образом, проведя оценку ГП РФ и ГП субъектов ДФО, можно выявить следующие недостатки:

- использование в названиях целей и задач общих формулировок, таких как развитие, улучшение, увеличение и др.;
- размытость (не конкретность) ответственности за реализацию той или иной программы;
- формулировка задач не определяет конечный результат реализации мероприятий и не достаточна для достижения соответствующих целей;

- цели и задачи имеют характер конкретных мероприятий;
- цели и мероприятия региональных государственных программ идут вразрез с отраслевыми стратегическими документами.

Выявленные недостатки позволяют утверждать, что уровень разработки региональных ГП не позволяет эффективно выполнить достижение цели и решение задач регионального развития. Необходимо акцентировать внимание региональных органов власти на движение в следующих направлениях:

- повышение качества проработки целей и задач в ГП субъектов, что позволит активизировать привлечение федеральных средств;
- приведение к единству направлений ГП РФ и ГП субъектов ДФО;
- выделение территориальных особенностей в ГП субъектов ДФО.

Различия в части целей и задач ГП федерального и регионального уровня могут повлечь за собой риск невыполнения программы и привести к радикальным решениям о финансировании программных мероприятий. Для эффективного использования методов ПЦУ в региональных ГП необходимо усилить ответственность органов исполнительной власти за реализацию программ, формировать цели исходя из проблем отрасли и территорий, формулировать задачи таким образом, чтобы они позволяли преодолевать социально-экономические различия между крупными экономическими районами и кризисными, депрессивными территориями. ПЦУ должно базироваться на научной обоснованности, сбалансированности, адресности целей.

Отсутствие единообразия в определении перечня и содержания ГП РФ и её субъектов при едином подходе к распределению субсидий и бюджетному процессу приводит к снижению однонаправленности действий региональных и федеральных властей. Решение проблемы лежит в усилении контроля со стороны ответственных исполнителей региональных ГП за этапом формирования и исполнения ГП субъекта, а также совершенствовании методических рекомендаций по формированию, разработке и реализации ГП РФ [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об обеспечении выполнения поручений Президента России по итогам Восточного экономического форума 4 сентября 2015 года // Правительство России. – Режим доступа: <http://government.ru/orders/selection/404/19989>.
2. Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ Минэкономразвития России от 16 сентября 2016 г. № 582 (ред. от 15 марта 2017 г.) // Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrategy/20162112_05.

3. Калимуллин, Л. В. Программно-целевое бюджетирование в управлении социально-экономической системой: зарубежный опыт и практика применения в России / Л. В. Калимуллин. – Саратов : Наука, 2007. – 44 с.

4. Оценка эффективности реализации региональных целевых программ (на примере Тюменской области) / И. Н. Ильина, А. Н. Кириллова, Е. Е. Плисецкий, Г. С. Копыченко, Е. Г. Рыбина // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – Т. 12, вып. 46 (373). – С. 37–55.

REFERENCES

1. On ensuring compliance with the instructions of the President of Russia on the results of the Eastern Economic Forum on September 4, 2015 Available at: <http://government.ru/orders/selection/404/19989> (accessed 15 August 2017). (In Russian).

2. About claim of the Methodical pointing on development and realization of the government programs of Russian Federation: Order Ministry of economic development of Russian Federation on 2016.09.16 № 582 (wording on 2017.03.15). Available at: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depstrategy/20162112_05 (accessed 15 August 2017). (In Russian).

3. Il'ina I.N., Kirillova A.N., Plisetskii E.E., Kopychenko G.S., Rybina E.G. Otsenka effektivnosti realizatsii regional'nykh tselevykh programm (na primere Tyumenskoi oblasti) [Estimation of efficiency of realization of the regional having a special purpose programs(on the example of the Tyumen region)]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2014, vol. 12, iss. 46 (373), pp. 37–55.

4. Kalimullin L.V. *Programmno-tselevoe byudzhetrovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskoi sistemoi: zarubezhnyi opyt i praktika pri-meneniya v Rossii* [Programmatic-having a special purpose budgeting in a management socially – by the economic system: foreign experience and practice of application in Russia]. Saratov: Nauka Publ., 2007. 44 p.

УДК 338.439.6-049.5:338.516.22:620.95

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/18-31

А.А. Кравченко¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

О.О. Сергеева²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: sergeeva.oo@dvfu.ru

И.А. Сусану³

Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

E-mail: susanu.ia@yandex.ru

ПРОИЗВОДСТВО БИОТОПЛИВА КАК ФАКТОР РОСТА ЦЕН НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В контексте проблем мировой экономики, связанных с использованием энергоресурсов, особое место отводится возобновляемым источникам энергии. Их развитие в последние десятилетия приняло ускоренный характер в связи с многофакторными кризисными явлениями в энергетике. В структуре возобновляемых источников энергии биотопливо имеет принципиальное значение, так как сочетает в себе не только энергетический и сельскохозяйственный рынки, но и рынок машиностроения и химической промышленности. Однако в настоящее время рост производства биотоплива совпал с самым высоким уровнем цен на основные продовольственные товары. Это, в свою очередь, поднимает вопрос об угрозе продовольственной безопасности. В связи с необходимостью уменьшить зависимость от традиционных источников энергии и обеспечить население достаточным количе-

¹ Алла Анатольевна Кравченко – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Олеся Олеговна Сергеева – ассистент кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

³ Игорь Александрович Сусану – магистрант направления «Мировая экономика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.

Для цитирования: Кравченко А.А., Сергеева О.О., Сусану И.А. Производство биотоплива как фактор роста цен на сельскохозяйственные культуры // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 18–31.

ством продовольственных товаров возникает конфликт интересов между производством биотоплива и обеспечением продовольственной безопасности.

В 2015 г. лидерами по производству биотоплива являлись США, Бразилия и Европейский Союз, при этом на долю США и Бразилии приходилось 70% мирового производства. Немаловажным фактором является и то, что именно Бразилия и США стали первыми странами, где были созданы рынок этанолового биотоплива и индустрия производства биотоплива, сырьём для которой в Бразилии стал сахарный тростник, а в США – кукуруза. Именно поэтому конфликт интересов производства биотоплива и продовольственной безопасности рассмотрен на примере двух стран – Бразилии и США.

В ходе исследования проведён анализ связей между объёмами производства биотоплива и сельскохозяйственными культурами, являющимися сырьём для его производства. В работе рассмотрена методика вейвлет-когерентности. Определено, что среди всех видов сырья, используемых для производства биотоплива, влияние на его производство оказывает лишь кукуруза. Цена на кукурузу прямо влияет на производство биотоплива, в частности этанола.

Для проверки гипотезы о влиянии увеличения производства биотоплива на продовольственную безопасность за счёт увеличения цен биотопливных культур и как следствие продовольственных товаров, в данной статье был проведён эконометрический анализ. В качестве объектов исследования были выбраны Бразилия и США. В результате анализа сделан вывод о том, что увеличение объёмов производства биотоплива не всегда является причиной роста цен на продовольственные товары. Влияние биотопливного рынка на продовольственную безопасность было выявлено только для США.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, цены на сельскохозяйственную продукцию, биотопливо, этанол, энергетическая безопасность, методика вейвлет-когерентности, спрос и предложение на продовольственные товары, эластичность спроса, эластичность предложения.

Alla A. Kravchenko¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kravchenko.aa@dvfu.ru

Olesya O. Sergeeva²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: sergeeva.oo@dvfu.ru

Igor A. Susanu³

Higher school of Economics, Moscow, Russia

E-mail: susanu.ia@yandex.ru

BIOFUEL PRODUCTION

AS A FACTOR OF AGRICULTURAL CULTURES PRICE INCREASE

Abstract. In terms of the world economy problems, related with the use of energy resources, there is special emphasis on renewable sources of energy. Their development has been rapid during the recent decades due to the numerous crises in the energy sector. Biofuel has its fundamental importance in the structure of renewable energy sources, as it combines not only energy and agricultural markets, but also the machinery and chemical industry markets. However, currently the growth of biofuel production has come together with the highest prices for basic food products. Consequently, the issue regarding the threat to food security is being raised. The need to reduce dependence on traditional energy sources and to provide the population with sufficient amount of food product has led to a conflict of interests between biofuel production and food security.

The USA, Brazil, and European Union were leaders in the production of biofuels, while the share of the United States and Brazil accounted for 70% of global production. Another important issue is that Brazil and the USA were the first countries where the market for ethanol biofuel and biofuels industry was created, raw material for which was sugar cane in Brazil and corn in the United States.

The research involved the analysis of the links between the volume of production of biofuels and agricultural crops, which are used as raw materials for its production. The wavelet-coherence technique was used in the analysis. As a result, it was found out that

¹ Alla A. Kravchenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Olesya O. Sergeeva, Assistant of the Department of World Economics, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ Igor A. Susanu, Graduate student of “World Economy” direction of National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

For citing: Kravchenko A.A., Sergeeva O.O., Susanu I.A. Biofuel production as a factor of agricultural cultures price increase // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 4. P. 18–31.

among all the types of raw materials used for the production of biofuels, only corn has the impact on its production. The price of corn affects the production of biofuels directly, particularly of ethanol.

To verify the hypothesis about the impact of increased biofuel production on food security due to increasing prices of biofuel crops and, therefore, the prices for food products, an econometric analysis was conducted in the article. Brazil and the United States were chosen as objects of the research. The analysis indicates that the increase in biofuel production is not always the cause of increase in food prices. The impact of the biofuel market on food security was revealed in the United States only.

Keywords: food security, prices for agricultural products, biofuels, ethanol, energy security, wavelet-coherence technique, supply and demand for food products, elasticity of demand, elasticity of supply.

Мировое сообщество находится в поисках рационального и эффективного использования энергоресурсов, в том числе среди возобновляемых источников энергии. За последнее десятилетие мировой рынок биотоплива возник и был установлен как конкурентоспособная, возобновляемая составная часть мирового энергетического рынка в противовес традиционным нефтепродуктам, которые больше загрязняют окружающую среду при сгорании. Многими странами данная отрасль рассматривается как точка сельскохозяйственного развития в частности и общеэкономического роста в целом, поэтому некоторыми странами (США, Бразилия) и группами стран (Евросоюз) приняты государственные программы в развитии биотопливных рынков.

Одной из характерных черт современного мирового рынка энергоносителей является быстрый рост производства жидкого биотоплива. Согласно рисунку 1 в 2015 г. оно достигло 74,85 т нефтяного эквивалента, увеличившись за 15 лет более чем в 8 раз. Среднегодовые темпы прироста выпуска составляли около 15 %. Такой рост мирового производства биотоплива во многом обусловлен политикой в ряде стран, нацеленной на внутреннюю энергетическую безопасность, повышение экономического роста в сельских районах, решение проблем глобального потепления, снижение цен на традиционные источники энергии.

США, Бразилия и Европейский Союз, являясь лидерами по производству как биотоплива в целом, так и по отдельным, основным видам (этанол и биодизель), обеспечивают около 85% его производства. Страны-лидеры по производству биотоплива в 2015 г. представлены на рис. 2.

В 2015 г. лидером по производству биотоплива являлись США, где объём производства составил 30,98 тыс. т нефтяного эквивалента. Второе место принадлежит Бразилии с объёмом производства 17,63 тыс. т нефтяного эквивалента. По оценкам

экспертов, наибольшие перспективы роста объёмов производства биотоплива имеются (помимо Бразилии) у Китая и Индии. Ожидается, что к 2020 г. на эти три страны придется 85 % всего производства биоэтанола среди развивающихся стран (71 млрд л) [2].

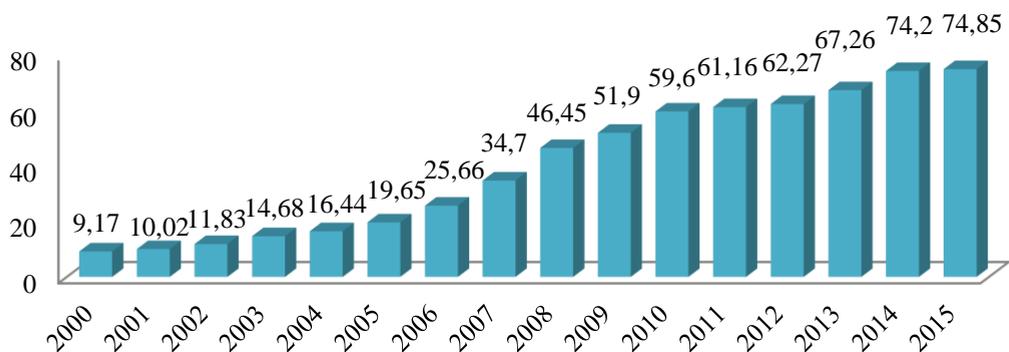

Рис. 1. Мировое производство биотоплива с 2000 г. по 2015 г., млн т нефтяного эквивалента [1]

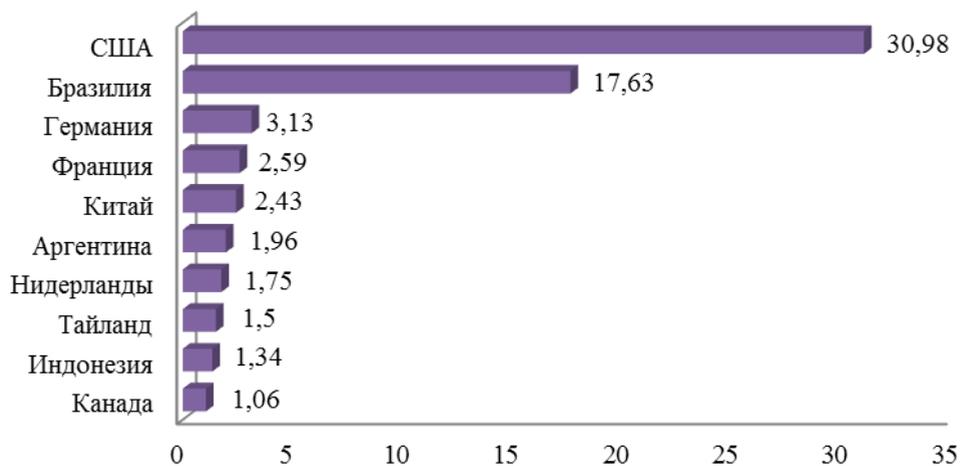

Рис. 2. Страны-лидеры по производству биотоплива в 2015 г., млн т нефтяного эквивалента [2]

Самыми важными продуктами жидкого биотоплива являются биоэтанол и биодизель, так как именно они составляют основу рынка. Их доля в 2015 г. составляет 74% и 22% соответственно, ещё 4% приходится на гидрированное растительное масло. Коммерциализация биотоплива происходит за счёт биотоплива первого поколения, т.е. биотоплива, полученного из сельскохозяйственных культур, насы-

ценных сахаром, крахмалом и с высоким содержанием масла (кукуруза, сахарная свёкла, соя, рапс).

51% этанола производят из кормового зерна, а именно из кукурузы (например, в США) и сахарного тростника (например, в Бразилии) [3]. Биодизель главным образом получают из растительных масел: рапса в Германии и Франции, соевого масла в США, Бразилии и Аргентине, пальмового масла в Тайланде и Индонезии. Изъятие сельскохозяйственных культур, используемых в качестве продовольствия и корма, в пользу производства биотоплива приводит к обострению проблемы продовольственной безопасности. В этой связи возникает конфликт интересов развития рынка биотоплива и обеспечения продовольственной безопасности.

Таким образом, с одной стороны биотопливо должно обеспечивать энергетические потребности, а с другой стороны – не распространять воздействие на цены продовольственных товаров, вызывая тем самым продовольственный кризис.

Подавляющее большинство научных публикаций по проблеме конфликта интересов биотоплива и продовольственной безопасности посвящено влиянию роста объёмов производства биотоплива на уровень цен продовольственных товаров. Анализ опирается на частичные и общие модели равновесия в качестве методологического подхода для характеристики экономического воздействия роста объёмов производства биотоплива.

Поэтому, в продолжение исследования конфликта интересов развития рынка биотоплива и обеспечения продовольственной безопасности, рассмотренного в ранее опубликованной работе [4], в настоящей работе рассматривается взаимосвязь между производством биотоплива и ценами на продовольственные товары.

Рост объёмов производства биотоплива влечёт за собой изменение в равновесии спроса и предложения на продовольственные товары, а значит и изменение цен на них. Чтобы оценить производство биотоплива как фактор повышения цен на продовольственные товары, необходимо проследить реакцию производителей и потребителей на изменение цен данной категории товаров.

Повышение цен на продовольственные товары прямым образом побуждает людей потреблять меньше продовольствия и косвенным – кормовых культур. В странах с высоким уровнем дохода населения происходит незначительное сокращение объёмов потребления, в отличие от стран с низким уровнем дохода населения, где происходит существенное сокращение объёмов потребления продовольствия. Сокращение объёмов потребления среди бедных слоев населения приводит к голоду, который, в свою очередь, является одной из главных проблем в обеспечении продовольственной безопасности. Однако данное утверждение ложно, так как бедные слои населения продолжают потреблять продовольственные товары, тем самым нивелируя повышение цен. Это говорит о том, что спрос на продовольственные товары неэластичен.

С точки зрения производителей, повышение цен на продовольственные товары может способствовать увеличению объёмов производства и, следовательно, росту предложения. Рост цен на продовольственные товары может объясняться как повышением спроса, так и возможностями производителей, в частности, когда достигнуты пределы в производстве. Если увеличение объёмов производства соответствует увеличению спроса, то уровень повышения цен не будет превышать предельного уровня увеличения затрат на производство, направленных, например, на повышение урожайности, введение новых посевных площадей и пр. Поэтому в вопросе влияния развития рынка биотоплива на цены продовольственных товаров ключевое значение имеет способность производителей быстро реагировать на изменение спроса.

Чем более эластичны спрос и предложение на продовольственные товары, тем меньше рост цен при увеличении объёмов производства биотоплива, а значит факторы, влияющие на эластичность, приобретают первостепенное значение.

Эластичность предложения обуславливается такими факторами, как развитие производственных технологий, введение прецизионного сельского хозяйства, численным составом и уровнем образования сотрудников, наличием земельных ресурсов и т.д. Эластичность спроса в разных регионах и странах отличается и зависит от распределения доходов, демографической ситуации, уровня урбанизации и пр.

Среди множества работ, посвящённых изучению конфликта интересов развития рынка биотоплива и продовольственной безопасности, стоит выделить работу учёных L. Vacha, K. Janda, L. Kristoufek и D. Zilberman, которыми впервые была применена методика вейвлет-когерентности при анализе биотоплива (этанола и биодизеля), а также широкого спектра сопутствующих товаров (сырая нефть, газ, кукуруза, пшеница, соя, сахарный тростник и рапсовое масло) [5].

В данной работе авторами были проанализированы время и частота зависимости между объёмами производства биотоплива и сельскохозяйственными культурами, являющимися сырьём для его производства.

Среди всех возможных пар товаров авторы сосредоточили внимание на двух ветках биотоплива: этанол (вторым элементом были выбраны кукуруза, пшеница, сахарный тростник) и биодизель (вторым элементом были выбраны соевые бобы, рапсовое масло). В результате проведённого исследования было обнаружено, что из анализируемых пар только пара этанол – кукуруза показывает экономически интересный и статистически значимый результат. На рис. 3 изображены результаты для пары этанол – кукуруза.

Вейвлет-когерентность рассматривается как корреляция между анализируемыми товарами. Цветом выделена область для соответствующего значения корреляции (от 0 до 1). Ось ординат обозначает недели в году, по оси абсцисс откладываются года. Статистически значимые периоды корреляции граничат с ярко чёрной линией, направление корреляционной связи отмечено чёрной стрелкой.

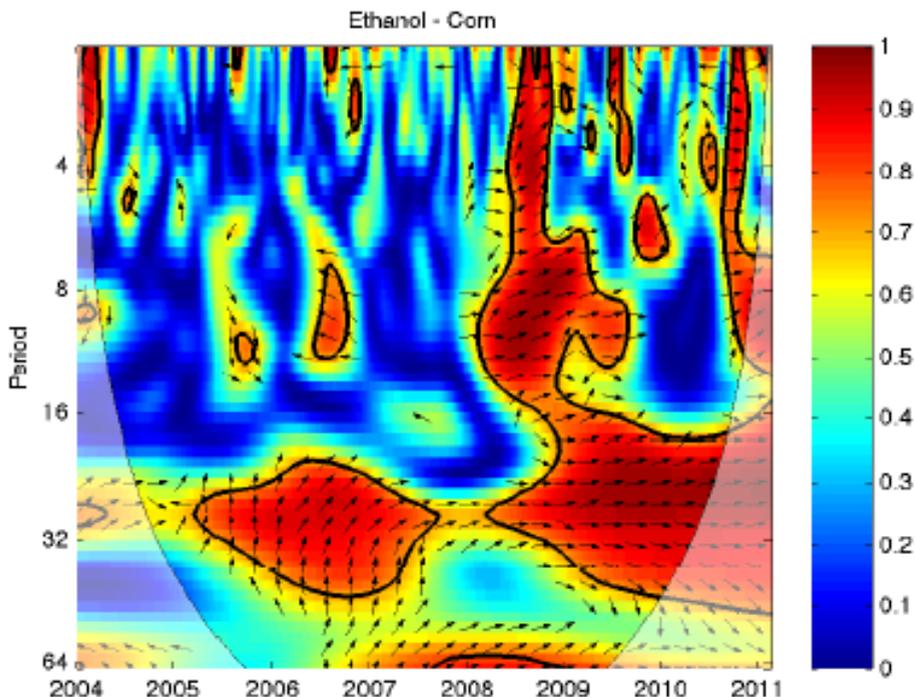

Рис. 3. Вейвлет-когерентность для этанола и кукурузы [5]

Анализируя рис. 3, можно сделать вывод, что в первой половине рассматриваемого периода этанол и кукуруза слабо коррелируют, а статистически значимые корреляции наблюдаются в период между 2007–2011 гг. В этот период цена на кукурузу прямо влияет на производство этанола. Как видно на рисунке, кукуруза ведёт этанол (стрелка указывает вверх) почти два месяца во второй половине 2005 г., ведущий период уменьшается начиная с 2006 г. и достигает незначительной корреляции в 2007–2008 гг. С 2008 г. наблюдается резкое увеличение корреляции при любых масштабах (временных периодов), что совпадает с продовольственным кризисом. На более низких частотах можно наблюдать высокую корреляцию, но не ясно, какой товар является ведущим. Чем выше частота, тем очевиднее, что кукуруза ведёт этанол. Продвигаясь вперёд во времени, видно, что с начала 2009 г. связь этанол – кукуруза становится наиболее очевидной. До продовольственного кризиса доминирующий товар определить не удалось.

Корреляционные связи изменяются под влиянием продовольственного кризиса в период 2007–2008 гг., который характеризовался беспрецедентно высокими ценами практически на все виды сырьевых товаров для производства биотоплива. В период кризиса доминирование кукурузы относительно этанола проявляется только в короткие периоды времени.

Для проверки гипотезы о влиянии увеличения производства биотоплива на цены биотопливных культур и, как следствие, продовольственных товаров, мы применим эконометрический метод анализа. В качестве объектов исследования выберем Бразилию и США, поскольку именно они являются лидерами по производству биотоплива.

Рассмотрим для Бразилии пару этанол – сахарный тростник.

Бразилия является ярким примером конфликта интересов производства биотоплива и обеспечения продовольственной безопасности, так как биоэнергия, получаемая из сахарного тростника, аккумулирует около 16% (42,8 Мт нефтяного эквивалента) от всего производства энергии в стране [6].

Для того чтобы улучшить свой платёжный баланс в период высоких пошлин на нефть (70-е годы XX в.), Бразилией была разработана программа PROALCOOL [7]. Данная программа стартовала в 1975 г. и включала 2 этапа. На первом этапе государством субсидировались заводы, которые используют сахарный тростник. Целью данного мероприятия было добиться 22% содержания этанола в топливной смеси для транспорта. К тому моменту заводы уже были адаптированы к производству и сахара, и этанола из одного вида сырья. Второй этап (1980–1986 гг.) подразумевал ввод в эксплуатацию автомобилей, работающих только на этаноловом топливе. С данного момента субсидии направлялись исключительно на производство этанола. По итогу к 1986 г. доля автомобилей, работающих на этаноле, среди всех новых проданных автомобилей составила 94,4%.

Мировое производство сахарного тростника в 2014 г. составило около 1,8 млрд т, доля Бразилии – 41,9%. Сахарный тростник выращивается во многих областях Бразилии и является лидером среди сельскохозяйственных культур. В 2014 г. было произведено 0,736 млрд т сахарного тростника. Производство кукурузы и сои значительно уступало и составило лишь 0,08 и 0,087 млрд т соответственно [8].

Для того чтобы определить, какое влияние оказывает увеличение объёмов производства биотоплива, в частности этанола, в Бразилии на продовольственную безопасность государства, построим и протестируем эконометрическую модель на основе мультипликативной множественной регрессии. В табл. 1 приведены исходные данные по производству этанола. На рис. 4 отображены цены на сахарный тростник, кукурузу и нефть за период 2007–2015 гг. для Бразилии.

На основе полученных значений коэффициентов парной корреляции можно сделать вывод, что наибольшее влияние на цену на сахарный тростник оказывает цена на нефть (0,756). Производство этанола имеет заметную обратную связь с результирующим фактором (-0,255), что можно интерпретировать как уменьшение производства этанола при увеличении цены на сахарный тростник.

Таблица 1

Производство этанола в Бразилии в 2007–2015 гг., млн м³ [9]

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Производство	22,551	27,146	26,075	27,963	22,883	23,791	27,537	28,160	30,016

Рис. 4. Динамика цен на сахарный тростник, кукурузу и нефть, долл. США [10]

Проведя проверку адекватности выбранной модели при помощи инструмента регрессии, был получен следующий результат: $R^2 = 0,98$. Это свидетельствует о высоком уровне качества модели, когда 98% вариаций цен на сахарный тростник объясняются вариациями производства этанола, ценой на кукурузу и ценой на нефть, а 0,02% – действием других факторов, не включённых в модель. Значимость $F = 5 \cdot 10^{-5} < 0,05$, следовательно модель значима.

Все коэффициенты показывают, что их влияние на цены на сахарный тростник незначительно. При этом Р-значение превышено, что говорит о том, что все коэффициенты могут считаться нулевыми и могут быть убраны из уравнения.

Таким образом, выбранная эконометрическая модель не подтверждает гипотезу о влиянии производства этанола (из сахарного тростника) в Бразилии на изменение цен на сельскохозяйственные культуры.

Рассмотрим для США пару этанол – кукуруза.

Среди основных продовольственных товаров, используемых в качестве сырья для производства биотоплива в США, особое влияние оказывается на цены на кукурузу. США являются лидером по производству всех видов биотоплива, к тому же кукуруза является основным сырьём для его производства.

Проверим данную гипотезу на примере США, так как основным сырьём для производства этанола является кукуруза. В табл. 2 приведены исходные данные по производству этанола. На рис. 5 представлены цены на пшеницу, кукурузу и сою за период 2004–2015 гг. для США.

Таблица 2

Производство этанола в США в 2004–2015 гг., млн галлонов [11]

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Производство	3,404	3,904	4,884	6,521	9,309	10,938	13,298	13,929	13,218	13,312	14,34	14,81

Рис. 5. Динамика цен на кукурузу, нефть и пшеницу, долл. США [10]

На основе полученных значений коэффициентов парной корреляции можно сделать вывод, что наибольшее влияние на цену на производство этанола оказывает цена на кукурузу (0,834). Коэффициенты цен на пшеницу (0,769) и кукурузу показывают высокую степень связи, а коэффициент цены на нефть (0,680) – заметную степень связи.

Проведя проверку адекватности выбранной модели при помощи инструмента регрессии, получили следующий результат: $R^2=0,81$. Это свидетельствует о хорошем уровне качества модели, когда 81% вариаций цен на кукурузу объясняются вариациями производства этанола и ценами на нефть и пшеницу, а 19% – действием других факторов, не включённых в модель. Значимость $F = 0.003 < 0.05$, следовательно модель значима, то есть факторы выбраны верно. Р-значение превышено у цены на нефть и пшеницу, следовательно данные коэффициенты могут считаться нулевыми и могут быть убраны из уравнения. Однако р-значение коэффициента

производства этанола оказалось значимым и влияет на цену кукурузы с весом 0,186. Внутри доверительного интервала для значимых коэффициентов фактор производства этанола при увеличении на 1% совпадает с ростом цен на кукурузу от 0,06% до 0,31%.

Таким образом, для США, в отличие от Бразилии, выбранная эконометрическая модель подтверждает гипотезу о влиянии производства этанола (из кукурузы) на стоимость сельскохозяйственных культур как сырья для его производства.

На основании проведённого исследования конфликта интересов производства биотоплива и обеспечения продовольственной безопасности на примере двух стран, крупнейших производителей биотоплива, Бразилии и США были сделаны следующие выводы.

Во-первых, проведя анализ связей между объёмами производства биотоплива и сельскохозяйственными культурами, являющимися сырьём для его производства, было выявлено, что среди всех видов сырья влияние на производство биотоплива оказывает лишь кукуруза. Вейвлет-анализ на ветках этанола и биодизеля показывает, что среди всевозможных пар с продовольственными товарами статистически значимыми можно считать лишь пару этанол – кукуруза. В период с 2008–2010 гг. наблюдается резкое увеличение корреляции между этанолом и кукурузой, т.е. цена на кукурузу прямо влияет на производство этанола. Данный отрезок времени совпадает с продовольственным кризисом.

Во-вторых, проведя эконометрический анализ влияния сокращения предложения сельскохозяйственной продукции на рынке производства биотоплива на примере Бразилии и США, получили следующие результаты:

1. В случае Бразилии не было выявлено влияния биотопливного рынка на продовольственную безопасность.

2. В случае США влияние биотопливного рынка на продовольственную безопасность было выявлено. Сокращение продукции кукурузы приводит к повышению цен на неё и товары-заменители, что свидетельствует об угрозе продовольственной безопасности. Однако сила данного влияния оказалась не достаточной.

Причину такого различия в Бразилии и США можно объяснить природой сельскохозяйственных культур, используемых для производства биотоплива. В Бразилии в качестве основы для производства альтернативного источника энергии используют сахарный тростник, являющийся неприхотливой сельскохозяйственной культурой. В случае США основой является кукуруза – культура, являющаяся одной из основных при употреблении в пищу. К тому же США являются крупнейшим её экспортером.

Таким образом, нельзя сделать однозначный (статистически обоснованный) вывод о том, что производство биотоплива является фактором роста цен на сельскохозяйственные культуры. Для более точной оценки необходимо продолжить исследования с применением более сложных видов анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. IEA Bioenergy annual report 2009. IEA–International Energy Agency. Paris, France [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ieabioenergy.com/DocSet.aspx?id=6506&ret=lib>.
2. BP Statistical Review of World Energy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf>.
3. Serra, T. Biofuel-related price transmission literature : A review / T. Serra, D. Zilberman // *Energy Economics*. – 2013. – Vol. 37. – P. 141–151.
4. Кравченко, А.А. Продовольственная безопасность и развитие рынка биотоплива: конфликт интересов / А. А. Кравченко, О. О. Сергеева // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. – 2015. – № 3 (36). – С. 56–58.
5. Vacha, L. Time-frequency dynamics of biofuels-fuels-food system [Электронный ресурс] / L. Vacha, K. Janda, L. Kristoufek, D. Zilberman. – Режим доступа : https://www.academia.edu/23162132/Time_frequency_dynamics_of_biofuel_fuel_food_system.
6. Nogueira, L. A. H. Biofuels in Brazil: Evolution, achievements and perspectives on food security / L. A. H. Nogueira, R. S. Capaz // *Global Food Security* – 2013. – Vol. 2, № 2. – P. 117–125.
7. Биотопливо и продовольственная безопасность : доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Июнь 2013 г. [Электронный ресурс] // ФАО : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i2952r.pdf>.
8. U.S. Bioenergy Statistics [Электронный ресурс] // USDA : United States Department of Agriculture Economic Research Service. – Режим доступа: <http://www.ers.usda.gov/data-products/us-bioenergy-statistics.aspx>.
9. Национальное агентство нефти, природного газа и биотоплива Бразилии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.anp.gov.br>. – Португал.
10. Statistic of Food and Agricultural Organization of the United Nations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/faostat>.
11. Renewable Fuel Association [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ethanolrfa.org/issues/exports-and-trade>.

REFERENCES

1. *Bioenergy Annual Report*. Available at: <http://www.ieabioenergy.com/DocSet.aspx?id=6506&ret=lib> (accessed 10 October 2017).
2. *BP Statistical Review of World Energy*. Available at: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (accessed 15 October 2017).

3. Serra T. Biofuel-related price transmission literature: A review. *Energy Economics*, 2013, vol. 37, pp.141–151.
4. Kravchenko A., Sergeeva O. Prodovol'stvennaya bezopasnost' i razvitie rynka biotopliva: konflikt interesov [Food security and development of biofuel market: conflict of interests]. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo – Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2015, vol. 3 (36), pp. 56–58.
5. Vacha L., Janda K., Kristoufek L., Zilberman D. Time-frequency dynamics of biofuels-fuels-food system / Available at: https://www.academia.edu/23162132/Time_frequency_dynamics_of_biofuel_fuel_food_system (accessed 03 September 2017).
6. Nogueira L.A.H., Capaz R.S. Biofuels in Brazil: Evolution, achievements and perspectives on food security. *Global Food Security*, 2013, vol. 2, pp. 117–125.
7. FAO. Biofuels and food security: Report of the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Available at: <http://www.fao.org/3/a-i2952r.pdf> (accessed 13 September 2017).
8. USDA. *U.S. Bioenergy Statistics*. Available at: <http://www.ers.usda.gov/data-products/us-bioenergy-statistics.aspx> (accessed 12 October 2017).
9. National Agency of Oil, Natural Gas and Biofuel of Brazil. Available at: <http://www.anp.gov.br> (accessed 20 September 2017). (In Portuguese).
10. *Statistic of Food and Agricultural Organization of the United Nations*. Available at: <http://www.fao.org/faostat> (accessed 10 October 2017).
11. *Renewable Fuel Association*. Available at: <http://ethanolrfa.org/issues/exports-and-trade> (accessed 12 October 2017).

УДК 351.823.1(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/32-46

Р.А. Подошвелёв¹

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-mail: wbcrich@gmail.com

ВЛИЯНИЕ РЫБНОЙ РЕНТЫ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ РЕЖИМА УПРАВЛЕНИЯ РЫБОПРОМЫСЛОВОЙ ОТРАСЛЮ

Аннотация. Организация рыбной промышленности, осуществляющая добычу гидробионтов и производство пищевой продукции, играет важнейшую роль в обеспечении продовольственной безопасности страны и здоровья её населения. Рыбная отрасль также является поставщиком сырья для различных отраслей промышленности. Важнейшую роль добыча морских биоресурсов играет в регионах, прилегающих к морским акваториям. Для государства задачей является обеспечение нормального функционирования и развития рыбной промышленности в целях повышения занятости людей в регионах, насыщения рынка рыбной продукцией и пр.

Характер рыбной отрасли как отрасли, изымающей в ходе своей деятельности природный ресурс, обуславливает образование в данной сфере рентного дохода. Задачей государства является его обнаружение и, при необходимости, изъятие для обеспечения сохранности истощаемого ресурса. При установлении государством задачи изъятия рентного дохода это является одним из факторов, определяющих подход к налогообложению предприятий рыбной промышленности и выбору режима управления рыбопромысловой отраслью в регионе.

В статье рассматривается особый статус морских ресурсов как возобновляемых, обуславливающий необходимость особого режима управления ими, оценки рыбной ренты в разных условиях изъятия ресурса. Рассмотрены возможные режимы управления рыбопромысловой отраслью, проведена оценка качества текущего режима управления в России с точки зрения рыночной эффективности. Определено направление дальнейших исследований управления рыбопромысловой отраслью с позиции рентного подхода к оценке ресурса.

Ключевые слова: рыбная рента, управление рыбопромысловой отраслью, экономическая оценка морских биоресурсов, устойчивое рыболовство, торгуемые квоты на вылов.

¹ Роман Александрович Подошвелёв, аспирант Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Подошвелёв Р.А. Влияние рыбной ренты при установлении режима управления рыбопромысловой отраслью // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. С. 32–46.

Roman A. Podoshvelev¹

Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: wbcrich@gmail.com

IMPACT OF FISH RENT ON FISHERIES MANAGEMENT CHOICES

Abstract. Fisheries management as a management of industry that extracts hydrobi-
onts and produces food products takes an important part in ensuring the country's food
security and the health of its residents. A fishing industry also acts as a supplier of raw
materials for various industries. Extraction of marine bioresources has a great meaning as
a traditional activity for coastal regions. For the state, the task is to ensure a normal func-
tioning and development of the fishing industry in order to increase the employment rate
in coastal regions, satisfy the demand for fish products etc. The nature of the fishing in-
dustry as an industry that withdraws a natural resource in the process of its activity causes
the rental income to emerge. The state task is to evaluate it and, if necessary, to withdraw
it for ensuring the preservation of the depleted resource. If the state sets a task of with-
drawing the rental income, it becomes an important factor to determine regimes of taxa-
tion for fish industry enterprises and for fisheries management in the region. In this paper,
we examine a specific status of marine resources as renewable ones, which determines a
need for a particular regime of their management, and a valuation of fish rent for different
conditions of withdrawing these resources. Possible fisheries management regimes are
reviewed; the quality of the current dominant fisheries management regime in Russia is
rated with regard to the market efficiency. The direction for further research of fisheries
management with consideration given to the rental approach to resource valuation is de-
termined.

Key words: fish rent, fisheries management, economic valuation of marine bio-
resources, sustainable fishery, individual transferable fishing quotas.

Ценность биоресурсов выражается в экономической оценке услуг, которые они
предоставляют человечеству. Когда мы затрагиваем объекты животного мира, в
том числе и морские биоресурсы, то мы в первую очередь обращаем внимание на
прямую ценность от их пользования. Современный подход экономистов-экологов к
оценке природных ресурсов заключается в поиске подходов к всеобъемлющей, то-
тальной оценке всех услуг, оказываемых природным ресурсом человечеству, в том

¹ Roman A. Podoshvelev, postgraduate student of School of Economics and Management, Far Eastern Feder-
al University, Vladivostok, Russia.

For citing: Podoshvelev R.A. Impact of fish rent on fisheries management choices // PACIFIC RIM: Eco-
nomics, Politics, Law. P. 32–46.

числе и услуг непрямого пользования и не-пользования. Необходимость работы над подобными подходами к оценке обусловливается тем, что незнание общей стоимости ресурса ведёт к заниженной их стоимости при рассмотрении альтернатив экономического развития. Таким образом, современные подходы в оценке биоресурсов заключаются в пересмотре существующего приоритета капитала, созданного человеком, над природным [9].

В настоящее время разработан ряд подходов, позволяющих оценить стоимость биоресурса. Главным из них, когда мы касаемся стоимости изымаемого человеком биоресурса, является рыночный подход, то есть установление стоимости каждого продукта на основе работающих рыночных механизмов. В рамках рыночной экономики на основе цен на открытом и конкурентном рынке ресурса также строится и рентный подход к оценке биоресурса. В случае, если рынок ресурса не существует, мы можем использовать ряд иных подходов, связанных как с государственной и экспертной оценкой, так и с субъективным подходом к оценке ресурса на основе анализа контингента.

Специфика морского биоресурса (МБР) заключается в том, что он одновременно исчерпаем и возобновляем. Кривая предложения на рынке рыбных товаров (см. рис. 1) определяется не по закону предложения – в ситуации перелова и перенасыщения рыбного промысла промысловыми усилиями кривая предложения претерпевает перегиб при одновременном увеличении общего объёма промысловых усилий, снижении эффективности промысла (что приводит к росту средних издержек), общего объёма вылова и популяции биоресурса, что, помимо непосредственно экологического ущерба от перелова, также приводит к значительному экономическому ущербу в отрасли. Истощение возобновляемых ресурсов не является обязательной характеристикой и наступает в том случае, если человек изымает за единицу времени из природы больший объём ресурса, чем природа способна восстановить за то же время. В то же время истощение ресурса в долгосрочной перспективе приводит к снижению уровня изъятия ресурса и, соответственно, его уровня рентабельности. В долгосрочной перспективе стабильный уровень рентабельности и объёма ресурса достижимы при использовании устойчивого подхода.

Рента морских биоресурсов возникает по причине того, что уровень рентабельности в данной отрасли задаётся тремя группами факторов, и, в то время как технологические факторы отражают эффективность использования предпринимателем собственного капитала, природные факторы в сочетании с конъюнктурными создают особого рода преимущества, получаемые при промысле на участке с более качественным ресурсом. Качество собственно ресурса определяется количественным показателем рыбопродуктивности, зависящим от максимального значения ресурса, которое может нести в себе экосистема в данных условиях, а также качественных показателей видовой разнообразия и характе-

ристики популяции. И в то время, как на лимит ресурса промысловая деятельность влияет только косвенно, за счёт экологического ущерба, сопутствующего промысловой деятельности, перелов может значительно повлиять как на численность популяции, так и на её структуру, меняя стоимость и рентную ценность ресурса на несколько жизненных циклов.

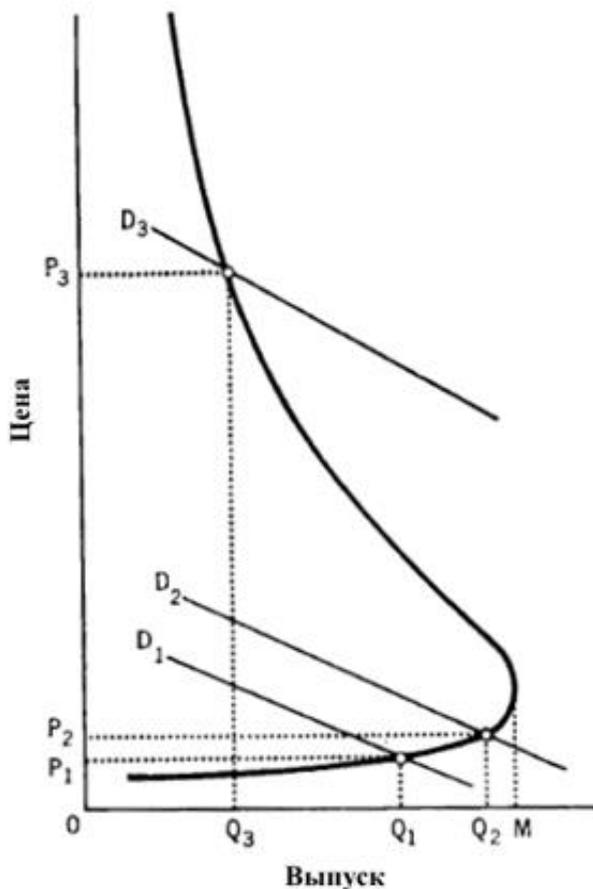

Рис. 1. Кривая предложения на рынке морских биоресурсов
Источник: [2]

Вопросы ренты природных ресурсов затрагивались экономистами с момента возникновения классической политэкономии, однако вопрос построения эффективной и действенной экономической модели для ренты именно морских биоресурсов всё ещё является нерешённым. Стохастический характер функции прироста биомассы ресурса в действительности не позволяет допустить наступление на рынке долгосрочного равновесия и, соответственно, точно определить рентную стоимость промыслового участка на долгосрочную перспективу в будущем.

$$\begin{aligned} dP &= (f(P) - q(t))dt + \sigma(P) dz, \\ dz &= \varepsilon(t)\sqrt{dt}, \end{aligned} \quad (1)$$

где $f(P)$ – функция естественного прироста популяции, строго ограничена снизу и не может быть ниже 0;

$q(t)$ – уровень изъятия ресурса в период времени t ;

при этом первая производная $\sigma(P)$ строго положительна, функция $\sigma(P)$ берёт начало в точке (0,0);

$\varepsilon(t)$ – случайная величина, в рамках модели определяемая по закону нормального распределения.

Подобные уточнения необходимы для того, чтобы значение P не могло бы принять отрицательных значений [8].

В рамках рыночной экономики и принципа устойчивого развития основной задачей государства является решение функции динамики биомассы, таким образом находят общие допустимые объёмы изъятия ресурса в системе. Стохастическая величина, конечно, в таком случае порождает неизбежные флуктуации.

Рента ресурса на конкурентном рынке с ограниченным открытым доступом в теории не порождает никакой ренты, так как не генерирует лишней прибыли от изменения привлечения объёмов факторов производства в системе. Однако, хотя данная модель показывает, что устойчивый уровень вылова будет найден без дополнительного урегулирования, этот уровень неизвестен.

$$\begin{aligned} R &= p_1 f(L_1, K_1, P) - \left(p_1 \frac{\delta f}{\delta L_1} + \frac{\beta Z}{L_1} \right) - \left(p_1 \frac{\delta f}{\delta K_1} + \frac{(1 - \beta)Z}{K_1} \right) \\ &= p_1 f(L_1, K_1, P) - L_1 p_1 \frac{\delta f}{\delta L_1} - K_1 p_1 \frac{\delta f}{\delta K_1} - Z = \\ & p_1 f(L_1, K_1, P) - L_1 p_1 \frac{\delta f}{\delta L_1} - K_1 p_1 \frac{\delta f}{\delta K_1} - P_1 p_1 \frac{\delta f}{\delta P_1} = 0, \end{aligned} \quad (2)$$

где L, K, P соответственно – три фактора производства в рыбопромысловом секторе (труд, капитал и натуральный капитал),

β – трудоёмкость рыбной отрасли, первая часть уравнения – выраженный при помощи уравнения Эйлера – Лагранжа уровень выпуска в модели, вторая часть – затраты труда, третья часть – затраты капитала [3].

Идеальный контроль над ресурсной рентой допустим в ситуации полного контроля государства над ценами, закупками и распределением в системе (государственная монополия). Рента при этом может не получать монетарного выражения, но всё ещё будет в системе присутствовать и потребляться в виде выгод потребите-

лей за установление цены меньшей, чем в условиях отсутствия контроля за ценами. Такой метод увеличивает благосостояние населения, полностью изымает ренту как аккумулируемый у производителя капитал, также рента тратится в момент совершения населением покупки у государства, а не нуждается в дополнительном периоде времени для очистки и дальнейшего использования по усмотрению государства/предприятия.

В рамках рыночной экономики для регулирования выловов в рыбной отрасли мы можем пользоваться рядом инструментов, которые являются комбинаторными от значения пяти различных факторов. Основное существенное деление инструментария рыбной политики происходит по двум критериям – объекту регулирования (промысловые усилия или общий объём вылова) и возможности создания вторичного рынка прав на пользование ресурсом.

Таблица 1

Возможные режимы управления добычей рыбных ресурсов [6]

Принцип ограничения	Уровень делегирования	Субъект прав вылова	Возможность продажи	Срок действия
– ограниченный вылов; – ограниченные промысловые усилия	– госкомпания; – права предоставлены по контракту; – права на вылов предоставлены на аукционе; – права на вылов проданы; – права на вылов реализованы на рентном принципе	– физ. лицо; – судно; – общины; – юр. лицо	– существует; – не существует	– ограничен; – не ограничен; – не определен

Таким образом, технически возможно существование $2*5*4*2*3=240$ различных режимов хозяйствования, во многих случаях в рамках одной экономики обычно применяется множество различных режимов управления для различных случаев. Фактически, при условии делегирования прав госкомпании выбор в третьей категории не имеет смысла, так что всего получается $2*4*4*2*3+2*1*1*2*3=204$ возможных варианта. Так, для ценных промысловых видов рыб типичным видом хозяйствования является выдача индивидуальных рыбных квот на различных принципах и с различным режимом перепродажи.

Наиболее эффективным инструментом регулирования рыбной отрасли в рыночных условиях является механизм индивидуальных торгуемых квот на вылов.

При помощи этого механизма государства напрямую решают проблему установления устойчивого рыболовства, в то время как при помощи рыночных механизмов и возникающего рынка прав на вылов биоресурсов происходит эффективное установление стоимости прав на вылов, отражающей текущую рыночную конъюнктуру и, в условиях бессрочного характера квот на вылов, стремящейся в значениях к показателям рентной стоимости таких прав.

Дискуссионным вопросом является то, насколько рыночные методы ведения политики в области управления рыбной отрасли эффективно отражают именно рентную составляющую в прибыли, получаемой от сектора. Из многообразия режимов управления рыбным хозяйством мы остановимся на двух категориях – возможности передачи права на вылов и метода контроля вылова. В табл. 2 представлены методы управления в рыбной отрасли в странах Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР).

За редким исключением, у любой страны в наличии есть несколько различных инструментов для контроля вылова. В США, например, из девяти вышеперечисленных наиболее распространенных методик, в том или ином масштабе используются все, кроме торгуемых лицензий.

Преимущество рыночных методов распределения права на вылов заключается в том, что это способствует:

- перераспределению прав на вылов между производителями для более эффективного использования.

В системе, которая основана на ограничении совокупного сезонного вылова в случае верного определения государством сезонного прироста ресурса, вопрос о его сохранности не является столь же острым, как в случаях недостаточно контролируемого вылова. В такой ситуации главной проблемой становится эффективность освоения квот. В случае, когда квота на вылов является торгуемой, к обычно устанавливаемому государством нижнему порогу, позволяющему производителю сохранить право освоения ресурса, добавляется рыночный механизм перераспределения. Вторичный рынок рыбных квот в таком случае предоставляет производителю с низкой промысловой эффективностью и слабой оснащённостью капиталом в качестве альтернативы неэффективной реализации своего права на вылов продажу этого права по цене, которая в условиях высокой конкуренции должна приближаться к рентной стоимости участка.

- возможности определения действительной рентной стоимости права вылова рыночным путём.

Морской биоресурс большую часть стоимости содержит в прямом потреблении ресурса, которое отражается при помощи рыночного механизма. В идеальных условиях рыночная стоимость торгуемой квоты на вылов, с учётом того, что квота определена верно, стремится к ее рентной стоимости на определённом участке времени.

Таблица 2

Методы управления рыбным хозяйством в странах ОЭСР и некоторых прочих [11]

Метод контроля вылова	Метод контроля вылова	
	Промысловые усилия	Установленный объём вылова
Административный	– Ограниченная неторгуемая лицензия: Италия, Франция, Испания, Япония, Австралия; – Личная неторгуемая судовая квота: Франция, США;	– Личные неторгуемые квоты на вылов: Германия, Великобритания, Италия, Испания, Дания, Норвегия, Канада, Португалия, США;
	– Территориальное право на ведение рыбного промысла: США (устрица), Исландия (океанический венус), Новая Зеландия (мидия и гребешок), Япония (абалон), Швеция, Италия, Республика Корея, Мексика, Испания	– Общинная квота на вылов: Япония, Республика Корея, США (эскимосы и алеуты), Новая Зеландия (маори), Канада, Португалия; – Ограничение вылова на одно судно: Германия, Великобритания, Франция, Дания, Норвегия, Канада
Рыночный	– Торгуемая лицензия: Великобритания, Дания, Норвегия; – Личная торгуемая судовая квота: Швеция, Испания, Австралия, Франция, США, Фарерские острова	– Личная торгуемая квота на вылов: Нидерланды, Дания, Канада, Новая Зеландия, Австралия, США, Гренландия, Чили, Намибия, Эстония

В условиях квот на вылов, общий объём изъятия ресурса в системе задан извне. При условии того, что квотирование приводит к ситуации устойчивого рыболовства, то есть вылов становится равен годовому приросту ресурса, мы, исходя из моделей, полученных ранее, приближаемся к условиям рыночного равновесия. В таком случае, стоимость индивидуальной торгуемой квоты стремится к:

$$p_q = \sum_{t=1}^T \frac{q_q(p - (c + i + ta))}{(1 + E)^t}, \quad (3)$$

где q_q – объём годового вылова по квоте;

p – ожидаемая рыночная цена единицы ресурса;

c – ожидаемый уровень затрат на добычу единицы ресурса;

E – ставка дисконтирования;

T – срок действительности квоты;

ta – стоимость основного капитала, то есть $i * ta$ выражает ожидаемую норму возврата капитала.

Естественно, когда мы говорим о квотах, мы затрагиваем не вопрос прав собственности, а вопрос прав использования, поэтому стоимость квоты всегда ниже рентной стоимости ресурса. Также эта формула не учитывает влияния, которое оказывает само создание вторичного рынка квот на МБР на рынок МБР. Торг на вторичном рынке должен приводить к более эффективному вылову, повышению объёма ресурса на рынке до объёмов, предусмотренных квотами на вылов, что должно приводить к ситуации колебаний цены, стоимости и эффективности промысловых усилий. Цена квот на вторичном рынке в таких условиях будет пересматриваться до момента достижения эффективного и полного использования прав на вылов [10].

Конечно, использование квот как инструмента контроля вылова на площади крупных акваторий не может позволить обеспечить всеобъемлющую дифференциацию на основе природного фактора по объективным причинам, однако рыночный механизм позволяет приблизить плату за квоту к ренте [7].

Моделям, связанным с мировым рыболовством, следует учитывать стохастический характер колебаний ресурса, а детерминистский характер моделей является упрощением. Отсюда следует, что квота никогда не сможет полностью отразить природную ренту ещё и потому, что предприниматель в своём желании платить за право пользования квотой учитывает и риски, порождаемые пробабилистским характером модели биомассы МБР.

Для оценки эффективности используемой в государстве политики в области распределения прав на вылов используется балльная система с рядом факторов:

- эксклюзивность прав;
- длительность прав;
- качество прав собственности;
- возможность продажи/передачи прав;
- делимость;
- гибкость [11].

Проведём оценку качества выбранной в РФ основной модели распределения прав на основе критериев, используемых в оценке в рамках ОЭСД.

Основным методом распределения прав на вылов является индивидуальная неторгуемая квота.

Затрагивая аспект эксклюзивности прав, мы можем заметить, что в текущих условиях предусмотрен механизм отчуждения прав, также дифференциация квот невысока, что не помогает в борьбе с внешними эффектами.

Длительность текущих квот в РФ в настоящем цикле определена как 10 лет, новые инвестиционные квоты будут распределяться сроком на пятнадцать лет. Десять лет – это срок ниже среднего в вопросе прав пользования природным ресурсом, не позволяющий окупить строительство нового промыслового судна. С учётом нововведения, которое направлено на обновление основного капитала, в том числе и за счёт ресурсной ренты, балл определён как «3», с учётом, что «5» обозначает неограниченное право пользования или право собственности.

Затрагивая аспект качества прав собственности, мы можем отметить, что текущая система рыбных квот существует с 2004 г. и до сих пор находится в состоянии становления. В настоящее время ведутся споры о том, стоит ли как можно сильнее ограничить существующий механизм передачи квоты одного пользователя другому для борьбы с квотными рантье, запланировано изменение сроков действия квот, вводится новый механизм инвестиционной квоты, который изменит структуру распределяемых квот. Вместе с этим квоты ориентируются на исторический принцип распределения, что способствует закреплению квоты за предыдущим владельцем в случае удовлетворения требованиям пользования. В условиях устойчивого механизма, с изменениями, рассматриваемыми в рамках которого, балл определён как «3».

Возможность продажи/передачи прав в РФ присутствует в минимальном объёме как механизм передачи прав вылова, по поводу которого существуют прения в правительстве. Вторичного рынка квот не существует. Балл определен как «1».

Делимости квот в РФ не предусмотрено, балл определен как «0».

Гибкость отображает возможность получателя прав на осуществление самостоятельной политики реализации права, которая в рамках механизма квот на вылов всегда довольно высока, балл определен как «4».

Со средней оценкой 2,33 механизм рыбных квот в РФ, с точки зрения оценки рыночной эффективности, оценен ниже подобной системы в странах ОЭСД и, естественно, гораздо ниже наиболее эффективного механизма индивидуальных торговых квот. Механизм рыбных квот в РФ всё ещё находится в периоде своего становления, рыночные отношения в стране имеют гораздо меньшую историю, чем в странах Европы, что объясняет низкую оценку. Даже в рамках данного механизма с учётом принимаемых мер можно ожидать увеличение среднего балла уже в ближайшем будущем.

Для решения вопроса учёта ренты в добыче биоресурса существует несколько подходов. В условиях рыночной экономики невозможен возврат к полному контролю государством закупок и цен, хотя этот подход и гарантирует очень высокий кон-

троль над рентой при условии соблюдения высокой степени дифференциации. Модель дифференциации, основанная на определении бонитета каждой возможной промысловой площади, также подразумевает контроль конъюнктуры и необходимость развитой системы сбора и обработки информации, хотя также гарантирует высокую степень учёта природного фактора при установлении платы. Однако в рамках рыночной экономики развитие возможно в ходе эволюции текущего инструмента управления в его следующую ступень. В настоящее время индивидуальные торговые рыбные квоты являются наиболее динамично развивающимся инструментом, и, если рассматривать эволюцию механизмов регулирования прав пользования биоресурсами, неторгуемые квоты являются просто первым этапом перехода к наиболее эффективному с точки зрения рыночного подхода инструменту.

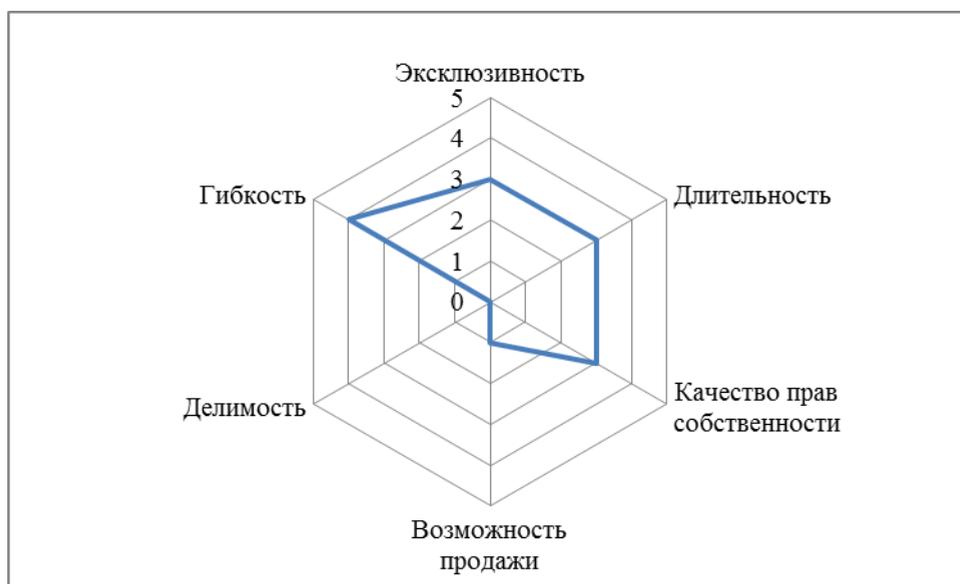

Рис. 2. Оценка текущего механизма прав пользования морскими биоресурсами в РФ

Источник: составлено автором

Как можно заметить из рис. 3, реализация рыбных квот в текущем периоде времени растёт не столько за счёт повышения уловов, что всё же наблюдалось в 2016 г. после нескольких лет стагнации, а за счёт снижения объёмов выдаваемых квот.

Нельзя утверждать, что снижение объёмов квот продиктовано экологическими соображениями, так как несколько лет до этого объём квот повышался при неизменном объёме вылова, то есть нельзя утверждать о неверной оценке государством уравнения роста биомассы хищнического вылова.

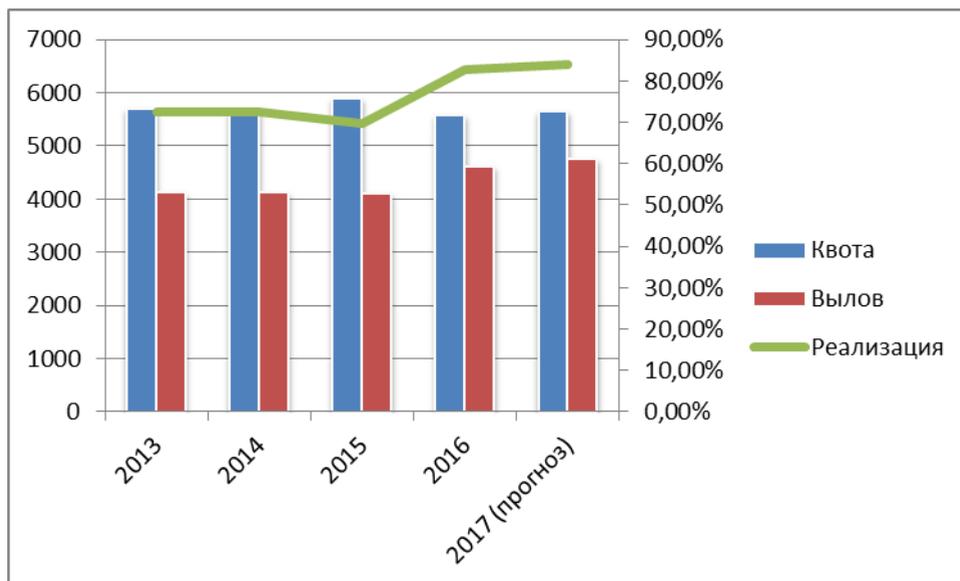

Рис. 3. Реализация рыбных квот в 2013–2017 гг., тыс. т

Источник: <http://www.fish.gov.ru>

Помимо повышения делимости и торгуемости квот это автоматически приводит к повышению гибкости в деятельности предприятий, так как увеличивает предпринимательскую свободу участников, страхуя их деятельность от непредвиденных природных и технических обстоятельств, предоставляя альтернативную стоимость реализации части своих прав лова на вторичном рынке.

На рис. 4 можно наблюдать ожидаемую систему реализации индивидуальных торгуемых квот; на государство возлагается (помимо основных функций надзора и решения экологической задачи определения значения устойчивого лова) ещё одна функция – регистрация операций на вторичном рынке рыбных квот.

В настоящее время в рыбной отрасли РФ существует ряд проблем, связанных как со всё ещё формирующимися и молодыми механизмами ведения политики управления в рыбной отрасли, ущербом, нанесённым опытом аукционной реализации квот, переловом рыбы в 90-х, так и с неэффективностью текущего механизма распределения права на вылов, недостаточным уровнем выполнения выданных рыболовам квот. Государство в условиях рыночной экономики должно играть роль регулятора общих объёмов вылова в системе, получаемых при удовлетворении условиям уравнения устойчивости биомассы морского ресурса, для чего и используется механизм квот на объём вылова. Наиболее эффективным методом менеджмента рыбной отрасли сейчас является механизм индивидуальных торгуемых рыбных квот, активно применяемый в странах с эффективной рыбной отраслью. Для

6. Matthiasson, T. Principles for distribution of rent from a 'commons' // *Marine Policy*. – 1992. – Vol. 16, iss. 3. – P. 210–231.
7. Newell, R. G. Fishing Quota Markets / R. G. Newell, J. R. Sanchirico, S. Cerr // *Journal of Environmental Economics and Management*. – 2005. – Vol. 49 (3). – P. 437–462.
8. Pindyck, R. S. Uncertainty in the Theory of Renewable Resource Markets // *The Review of Economic Studies*. – 1984. – Vol. 51, iss. 2. – P. 289–303.
9. Plottu, E. The concept of Total Economic Value of environment: A reconsideration within a hierarchical rationality / E. Plottu, B. Plottu // *Ecological Economics*. – 2007. – Vol. 61, iss. 1. – P. 52–61.
10. Squires, D. Individual Transferable Quotas as a Fisheries Management Tool / D. Squires, J. Kirkley, C. A. Tisdell // *Reviews in Fisheries Science*. – 1995. – Vol. 3, iss. 2. – P. 141–169.
11. Using Market Mechanisms to Manage Fisheries: Smoothing The Path / Paris : OECD Publishing, 2006. – 325 p.
12. Xinshan, L. Implementation of individual transferable quota system in fisheries management: the case of the icelandic fisheries [Электронный ресурс] / UNU Fisheries Training Program Final Report. 2000. – 30 p. – Режим доступа: <http://innri.unuftp.is/proj2000/Liu3.pdf>.

REFERENCES

1. Buck E. *Individual transferable quotas in fishery management*. CRS Report for Congress. 1995. P. 95–849. Available at: <http://dlc.dlib.indiana.edu/dlc/bitstream/handle/10535/4515/fishery.pdf> (accessed 11March 2016).
2. Copes P. The Backward-Bending Supply Curve of the Fishing Industry. *Scottish Journal of Political Economy*, 1970, vol. 17, iss.1, pp. 69–77.
3. Edoff P. *Securing future fishery production with TAC and ITQ – the case of Namibia*. Lund University, School of Economics and Management, 2012. 59 p. Available at: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOid=2302605&fileOid=2302606> (accessed 11March 2016).
4. Deacon R.T., Finnoff D., Tschirhart J. Restricted capacity and rent dissipation in a regulated open access fishery. *Resource and Energy Economics*, 2011, vol. 33, iss. 2, pp. 366–380.
5. Hotelling H. The Economics of Exhaustible Resources. *Journal of Political Economy*, 1931, vol. 39, iss. 2, pp. 137–175.
6. Matthiasson T. Principles for distribution of rent from a 'commons'. *Marine Policy*, 1992, vol. 16, iss. 3, pp. 210–231.
7. Newell R.G., Sanchirico J.R., Cerr S. Fishing Quota Markets. *Journal of Environmental Economics and Management*, 2005, vol. 49, 3, pp. 437–462.

8. Pindyck R.S. Uncertainty in the Theory of Renewable Resource Markets // *The Review of Economic Studies*. – 1984. – Vol. 51, iss. 2. – P. 289–303.

9. Plottu E., Plottu B. The concept of Total Economic Value of environment: A reconsideration within a hierarchical rationality. *Ecological Economics*, 2007, vol. 61, iss. 1, pp. 52–61.

10. Squires D., Kirkley J., Tisdell C.A. Individual Transferable Quotas as a Fisheries Management Tool. *Reviews in Fisheries Science*, 1995, vol. 3, iss. 2, pp. 141–169.

11. *Using Market Mechanisms to Manage Fisheries: Smoothing The Path*. Paris: OECD Publishing, 2006. 325 p.

12. Xinshan L. *Implementation of individual transferable quota system in fisheries management: the case of the icelandic fisheries*. UNU Fisheries Training Program Final Report. 2000. 30 p. Available at: <http://innri.unuftp.is/proj2000/Liu3.pdf> (accessed 11March 2016).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН АТР

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF APR COUNTRIES

УДК 338.1(71-35)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/47-59

И.В. Бойко¹

Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: ivboyko@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ В ЭКОНОМИКЕ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА КАНАДЫ

Аннотация. В статье анализируются экономические, отраслевые и географические диспропорции, сложившиеся в экономике тихоокеанского региона Канады – Британской Колумбии, обосновываются высокие экономические риски, связанные с преобладанием сферы услуг и сырьевых товаров в производстве и экспорте региона, а также высокой экономической зависимостью от США. Выявлены признаки «голландской болезни» в экономике Британской Колумбии, обуславливающие замещение производства и экспорта технологически сложной продукции сырьевыми товарами, а также усиливающей экономической зависимость от стран, импортирующих в регион готовую промышленную продукцию. Наряду с ростом внешне-торговой задолженности сложившиеся структурные диспропорции приводят к росту внутреннего долга, а также создают угрозу существенного экономического спада в условиях глобального кризиса, как это случилось в экономике Британской Колумбии ранее, в 2009 г. Поскольку экономические диспропорции, сложившиеся в данном канадском регионе, во многом сопоставимы с теми диспропорциями, которые характерны для экономического развития многих российских регионов, то для обеих стран существует единственно эффективный способ их преодоления – проведение структурных реформ с учётом «сравнительных преимуществ» каждого конкретного региона. Канадское правительство предпринимает определенные действия по поддержке инновационной деятельности, осуществляемой в Британской

¹ Ирина Викторовна Бойко, доктор экономических наук, профессор Северо-Западного института управления, филиал РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия.

Для цитирования: Бойко И.В. Структурные диспропорции в экономике тихоокеанского региона Канады // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 47–59.

Колумбии. Однако, как отмечается в данной статье, эти действия не будут иметь желаемого эффекта, если они ограничатся только финансированием отдельных инновационных компаний или проектов. При этом формирование новой модели регионального экономического развития на основе структурных реформ и постепенного замещения сырья готовой высокотехнологичной продукцией существенно осложняется доминированием макроэкономической школы, игнорирующей признание специфики регионов, имеющей особенное значение для государств с федеративным административно-территориальным устройством. Прорыв на данном теоретическом направлении является важнейшей предпосылкой для проведения структурных реформ в экономике регионов и преодоления сложившихся в них структурных диспропорций.

Ключевые слова: тихоокеанский регион, структурные диспропорции, «голландская болезнь», «региональные сравнительные преимущества», сырьевая специализация, инновационное развитие.

Irina V. Boiko¹

North-West Institute of Management, branch of RANEPА,

Saint-Petersburg, Russia

E-mail: ivboyko@mail.ru

STRUCTURAL DISPROPORTIONS IN THE CANADIAN PACIFIC REGION

Abstract. The article reveals substantial economic, industry-related and geographical disproportions, encountering one of the Canadian region – British Columbia, located on its Pacific West Coast. These disproportions are presented by the domination of services in the regional gross domestic product, raw resource specialization of production and export and also embrace the economic dependence on trade and investment with the United States of America. The “Dutch disease” phenomenon, when the technology intensive industrial production is substituted by raw resource production, entails the accumulation of the British Columbia either external and internal debt, increases its dependence on the import of the technology-intensive products and also makes the regional economy vulnerable and uncertain in a time of the global economic downturn, which were previously reflected by the regional economic indicators for the year 2009. In order to overcome the structural disproportions, encountering the economy of the British Columbia, the regional

¹ Irina V. Boiko, Doctor of Economics, professor at the North-West Institute of Management, branch of RANEPА, Saint-Petersburg, Russia.

For citing: Boiko I.V. Structural disproportions in the Canadian pacific region // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 4. P. 47–59.

and federal authorities should accept a new path of regional economic development based on its structural adjustment, appropriate to its specific “regional comparative advantage” and developing the technology intensive production. To meet that structural challenges the Canadian government undertakes decisions providing the financial assistance for the innovation drivers of the regional economy. However, the structural policy with its core – targeting industries – is quite appropriate as well for reaching the goals of the federal financial assistance. The article recognizes that the existing economic mainstream is falling behind in a sense of the regional structural reforms. The theoretical mindset revisions are at stake to provide the real steps forward.

Key words: Pacific region, structural disproportions, «Dutch disease», «regional comparative advantage», raw-resources based specialization, innovation development.

Канада является одной из немногих стран в мире, которая, в силу климатических, географических, природно-ресурсных, административно-территориальных, экономических факторов, может быть сопоставима с экономикой РФ. Поскольку глобальный экономический кризис, начавшийся в 2008 г., выявил существенные экономические диспропорции в странах, имеющих существенную зависимость от добычи и экспорта минерально-сырьевых товаров, то важнейшей задачей для этих стран, к которым можно отнести и Канаду, и Россию, стало осуществление структурных реформ и замещение сырья технологически сложной продукцией.

Следует заметить, что для стран, имеющих федеративное административно-территориальное устройство, проведение структурных реформ обладает спецификой ввиду значимости регионального уровня их проведения. Немногие специалисты признают регионы как сущностные экономические подсистемы, обладающие особенными «региональными сравнительными преимуществами» (regional comparative advantage), которые должны приниматься в расчёт при формировании федеральной экономической политики. К таким специалистам, к примеру, можно отнести авторов зарубежного исследования «Региональная политика в меняющемся мире», которые призывают скорректировать единообразный макроэкономический подход к регионам, входящим в состав федеративного государства, поскольку каждый из этих регионов уникален. Они считают, что к экономическому развитию регионов, входящих в федеративное государство, не могут быть применены одинаковые подходы и разрабатываться универсальные решения. И потребность в таком, диверсифицированном, подходе особенно возрастает в период экономического спада. Авторы исследования также отмечают, что данная проблематика, допускающая гибкое государственное участие в развитии регионов, не вписывается в рамки идеологии «свободного рынка» [1]. Именно поэтому исследование структурных

диспропорций, сложившихся в одном из канадских регионов – Британской Колумбии, а также возможностей их устранения отвечает современным вызовам и может иметь значение для понимания необходимости проведения структурных реформ в экономике российских регионов.

Тихоокеанский регион Канады представлен провинцией Британская Колумбия (БК – British Columbia – В.С.). Площадь провинции занимает 5-е место в стране (почти 950 тыс. км²), а по численности населения – 3-е место (около 4,7 млн человек). Британская Колумбия играет большую роль в экономическом развитии страны, занимая по вкладу в ВВП страны хоть и 4-е место (после Онтарио, Квебека и Альберты), но по темпам роста являясь локомотивом для всей Канады, опережая в 2016 г. по данному показателю все другие регионы (2,7%) (рис. 1).

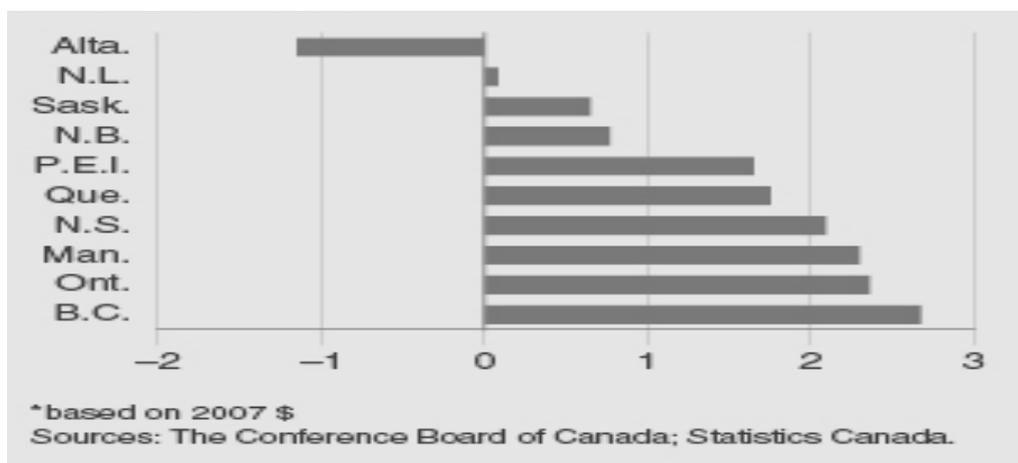

Рис. 1. Динамика реального ВВП канадских регионов, 2016 г.,
% к предыдущему году

Источник: [2]

Однако критический анализ источников роста экономики Британской Колумбии позволяет обнаружить то, что основными быстрорастущими сферами экономической деятельности являются в настоящее время сектор недвижимости и строительства. По данным за 2014 г., доля этих секторов в валовом внутреннем продукте региона (показателе, аналогичном валовому региональному продукту, принятому в РФ) составила в сумме 25% – 18% и 7% соответственно [3].

Такой структурный крен в развитии экономики Британской Колумбии отражает общий тренд, сложившийся в мировой экономике, связанный с постоянным увеличением доли услуг в экономике многих, прежде всего развитых, стран. Однако мировая практика показывает, что данные секторы обладают высоким потенциалом для «перегрева экономической конъюнктуры», способны создавать «эффект мыль-

ного пузыря» – искусственного повышения деловой активности и существенного отрыва «виртуальных ценностей» от реальных.

В валовом внутреннем продукте Британской Колумбии услуги составляют около 76% [4]. Такая структура экономики и преобладание сырьевых отраслей в реальном секторе (о чём мы будем говорить ниже) создают значительные риски для региона в период глобального экономического кризиса, поскольку их развитие существенно образом зависит от состояния мировой экономической конъюнктуры. Данная ситуация возникла в экономике Британской Колумбии в 2009 г., когда, в связи с начавшимся кризисом в мировой экономике, валовой внутренний продукт региона продемонстрировал отрицательные темпы роста – 2,5% (рис. 2).

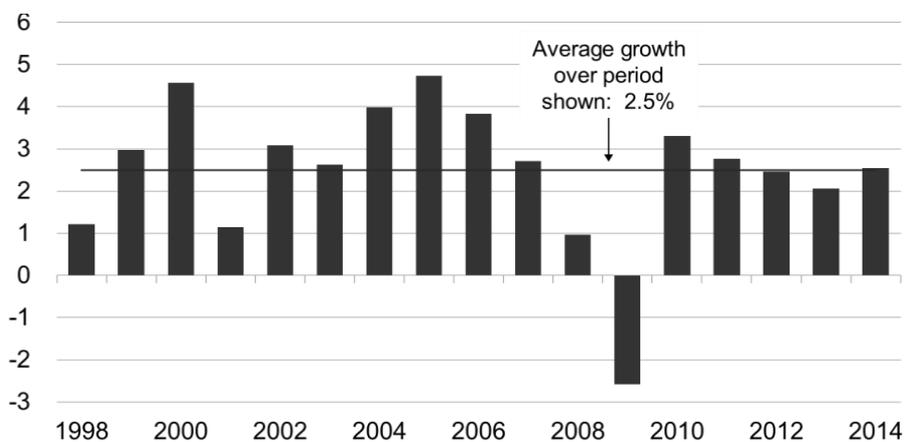

Рис. 2. Реальные темпы роста экономики Британской Колумбии, %

Источник: [5]

Следует отметить, что территория Британской Колумбии богата природными ресурсами, которые регион активно экспортирует в другие страны. Согласно статистическим данным, в 2016 г. регион БК сохранил своё лидерство среди других регионов Канады по экспорту древесины (51,1% всего канадского экспорта), угля (94,5%), молибденовой руды и концентратов (95,9%), медной руды и медных концентратов (76,2%), необработанного цинка (55,7%), необработанного свинца (36,3%) и других сырьевых товаров [6].

Основными статьями экспорта региона является продукция добывающей, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности, а также нефть, газ и продовольствие. В 2013 г. на долю добывающих отраслей промышленности приходилось 22% всего экспорта региона БК, на лесоперерабатывающую промышленность – 20%, целлюлозно-бумажную промышленность – 11%, на нефтегазовую – 7%.

Это позволяет сделать вывод ещё об одной структурной диспропорции – существенной доли сырья и низкотехнологичной продукции в экспорте региона с соответствующим проявлением признаков «голландской болезни», когда добывающие отрасли поглощают ресурсы из других, более технологичных, отраслей, обуславливая их дальнейшую деградацию. В этой связи доминирование сырьевых отраслей в производстве и экспорте зачастую и вполне справедливо считают одной из причин деиндустриализации современной экономики. Этот вывод подтверждается и канадской статистикой – в импорте Британской Колумбии преобладают готовые, в том числе технологически сложные, товары, среди которых преобладает импорт оборудования и продукции машиностроения, электрическое оборудование и электроника, а также другие готовые промышленные товары. На рис. 3 и 4 представлен товарный экспорт и товарный импорт Британской Колумбии в стоимостном выражении, позволяющий сделать вывод о существовании серьёзной сырьевой зависимости экономики Британской Колумбии и о развитии «голландской болезни» как проявлении данной структурной диспропорции.

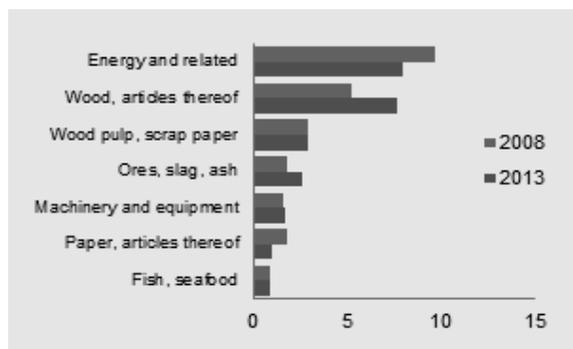

Рис. 3. Основные статьи экспорта БК (млрд кан. долл.) [7]

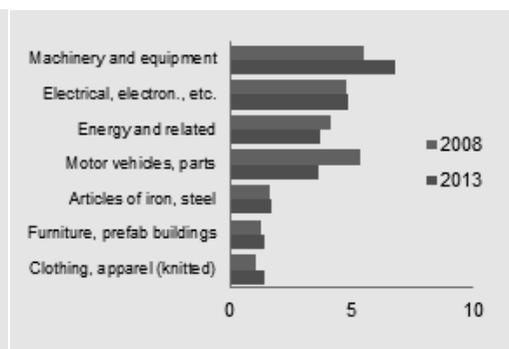

Рис. 4. Основные статьи импорта БК (млрд кан. долл.) [7]

Источник: Alexandre Gauthier. Canadian Trade and Investment Activity: British Columbia's Merchandise Trade with the World. Trade and Investment Series 2013. Parliament of Canada. June, 17. 2014. <https://lop.parl.ca/Content/LOP/ResearchPublications/2014-29-e.html>

Следующей структурной диспропорцией является географическая направленность внешней торговли региона. Основным торговым партнёром Британской Колумбии являются США, на которые в 2016 г. приходилось 54,3% всего экспорта (21,2 млрд долл. США) и 41% импорта (19,7 млрд долл. США). Существенные валютные доходы, оказывающие позитивное влияние на платёжный баланс Британской Колумбии, регион получает от экспорта туристических услуг. В 2015 г. жители США составили 66% всей численности туристов, посетивших Британскую Ко-

лумбию [8]. Такая низкая географическая диверсифицированность внешней торговли товарами и услугами Британской Колумбии и высокая зависимость от США существенно повышает риски для экономического развития региона. Особенно эти риски возросли в связи с новой экономической политикой, объявленной Президентом США Дональдом Трампом, направленной, в том числе, на снижение дефицита во внешней торговле (в 2016 г. дефицит США в торговле с Канадой составил 11 млрд долл. [9]). С этой целью новая администрация США планирует ограничить импорт товаров, а также пересмотреть правила торговли с другими странами, в том числе Северо-Американское соглашение о свободной торговле, – НАФТА (North-American Free Trade Agreement), которое было подписано в 1994 г. США, Канадой и Мексикой. В 2017 г. Президент США Дональд Трамп инициировал процесс отказа от данного соглашения, предусматривающего свободное перемещение товаров между странами-участницами, который должен завершиться в течение года. Согласно статье 2205 данного Соглашения Президент США может принять решение о выходе США из соглашения без одобрения Конгресса США, что, как считают эксперты, может реально произойти. В этом случае США вернуться к использованию таможенно-тарифных ограничений в торговле с Канадой и Мексикой, что, соответственно, приведёт к росту цен на экспортируемые в США товары, в том числе из Канады, и окажет негативное влияние на экспорт товаров также и из Британской Колумбии. Кроме того, следует ожидать снижения инвестиционной активности как американских компаний в Канаде, так и канадских в США. Так, в 2015 г. Канада и Мексика инвестировали в экономику США 240,2 млрд долл., в то время как США инвестировали в эти страны 452 млрд долл. Новые акценты в экономической политике администрации Д. Трампа, связанные с «возвращением» инвесторов в США и развитием «домашней» экономики, могут существенно ограничить инвестиции США в Канаду, что неизбежно окажет негативное влияние на приток американских инвестиций в Британскую Колумбию.

Таким образом, торгово-экономические отношения между США и Канадой испытывают существенные трудности. Ещё одним решением, принятым в октябре 2017 г. Министерством торговли США и обостряющим отношения между двумя странами, стало увеличение ввозных пошлин на гражданские самолёты, производимые канадской компанией «Bombardier», на 219 % [10]. Это, по оценкам экспертов, может привести к потере 5 тыс. высокотехнологичных рабочих мест в Канаде и в Великобритании, где также размещены производственные мощности данной компании. По сути, между США и Канадой началась масштабная торговая война, что не может не оказать значительного негативного влияния на экономическое развитие тихоокеанского региона Канады Британской Колумбии, граничащего с США и имеющего существенную торгово-экономическую зависимость от этой страны. Пересмотр и, скорее всего, отмена режима свободной торговли между странами

приведёт к удорожанию канадских экспортных товаров, что может иметь следствием снижение объемов экспорта из Британской Колумбии. В то же время существенно возрастут цены на импортируемые из США товары, прежде всего готовую промышленную продукцию, которую Британской Колумбии будет сложно заменить собственным производством в рамках импортозамещения. Это, вполне естественно, приведет к дальнейшему росту внешнеторгового дефицита региона БК (рис. 5). К этим трудностям добавится снижение инвестиционной активности американских компаний в данном канадском регионе.

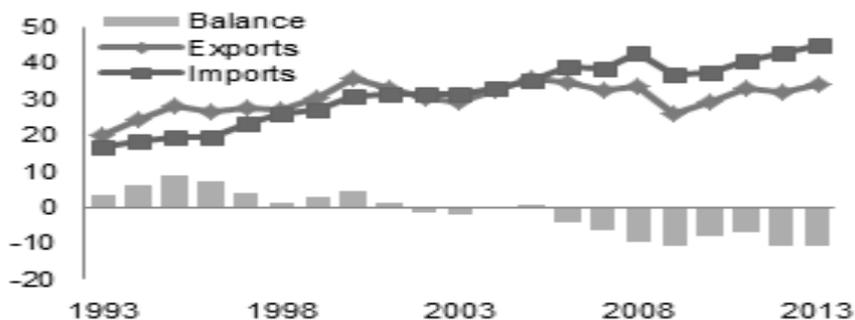

Рис. 5. Внешняя торговля Британской Колумбии, млрд кан. долл.

Источник: [7]

Наряду с увеличением внешнеторгового долга (когда доходы от экспорта не покрывают расходы на импорт и возникает потребность в заимствованиях), Британская Колумбия наращивает свой внутренний долг, который в 2015 г. достиг 18% ВВП региона, хотя следует признать, что это не самый плохой показатель среди других канадских регионов (рис. 6). О негативном тренде, складывающемся в экономике региона БК, свидетельствует динамика его долга в период с 2006 г. по 2013 г., особенно его существенный рост вследствие кризиса 2008 г. (рис. 7), который некоторые эксперты связывают с усилением влияния либеральных идей на правительство Британской Колумбии.

Таким образом, структура экономики тихоокеанского региона Британская Колумбия имеет явные отраслевые и географические диспропорции. Экономика региона является слабо диверсифицированной и уязвимой по отношению к складывающейся мировой конъюнктуре. Всё это приводит к росту дефицита во внешней торговле региона и к увеличению внутреннего долга. В связи с повышением глобальной экономической нестабильности и непредсказуемости экономической политики, проводимой основным торгово-экономическим партнёром – США, сложившиеся структурные диспропорции создают высокие риски для устойчивого соци-

ально-экономического развития региона. Всё это приводит к выводу о необходимости проведения глубоких структурных реформ в экономике Британской Колумбии, в основе которых, как и в современной России, – необходимость замещения импорта собственным производством готовой высокотехнологичной промышленной продукции; повышение значимости локализации бизнеса, снижающего долю транспортных затрат в ценах товаров и услуг, а также увеличение производства продукции, имеющей высокую добавленную стоимость для повышения доходной части регионального бюджета, снижения задолженности и улучшения финансовой ситуации в регионе в целом. Иными словами, повышение устойчивости экономики региона БК требует сокращения сырьевой зависимости, реализации политики импортозамещения с акцентом на развитии реального сектора региональной экономики и создания условий для развития малых и средних инновационных компаний.

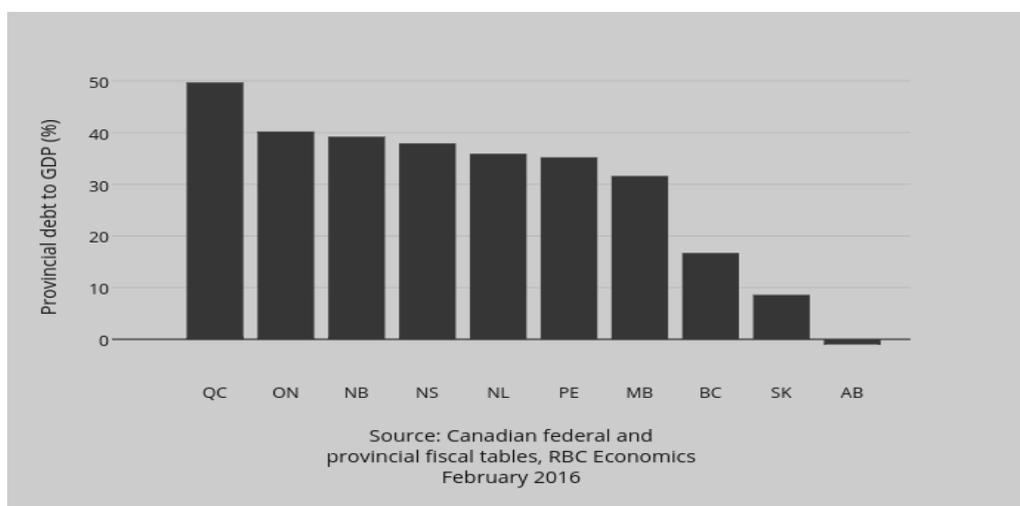

Рис. 6. Внутренний долг канадских регионов, % регионального ВВП, 2015 г.

Источник: [11]

Это требует разработки новой модели регионального экономического развития, как на уровне регионального руководства, так и на уровне федерального правительства. Важно, как утверждают авторы исследования «Региональная экономика в меняющемся мире», чтобы «региональная политика рассматривалась в контексте изменения экономической структуры и необходимости корректировки критериев, используемых при определении территориального размещения экономической деятельности» [1, p. 5]. И, похоже, федеральное правительство эту задачу понимает. Так, в ходе своего визита в Британскую Колумбию в марте 2017 г. министр Инноваций, Науки и Экономического Развития Канады Навдип Бэйнс (Navdeep Bains) заявил, что «пришло время Канады. Пришло время Британской Колумбии. У нас существуют огромные возмож-

ности по укреплению позиций Канады как одного из глобальных центров инноваций. Таланты, технологии и инновационные компании Британской Колумбии составляют основу экономики будущего. Если нам удастся победить в этой глобальной гонке инноваций, то результатами будут пользоваться все канадцы» [13]. Слова министра были поддержаны существенными федеральными инвестициями в развитие технологий и инновационных компаний в Британской Колумбии: 17,6 млн кан. долл. получила компания "Urthecast", занимающаяся разработкой космических технологий нового поколения и наземных систем обработки данных; 15 млн кан. долл. выделено двенадцати малым и средним компаниям в рамках программы «Западная инновационная инициатива» для развития их инновационной деятельности; 20 млн кан. долл. выделено на поддержку проектов по внедрению проектов «зелёной энергетики», находящихся на предкоммерческой стадии; 10 млн кан. долл. – венчурной компании "Automotive Fuel Cell Cooperation" (AFCC)» и 13 млн кан. долл. – одному из крупнейших североамериканских производителей «зеленой энергетики» – компании Cantor Pulp Products Inc., которая также является одним из глобальных лидеров по производству целлюлозно-бумажной продукции.

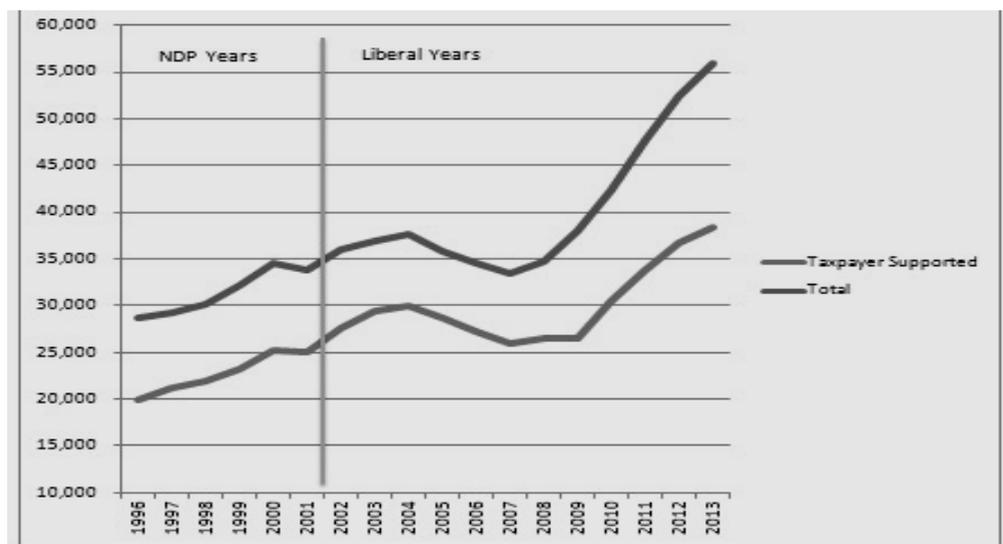

Рис. 7. Внутренний долг Британской Колумбии, млн кан. долл.

Источник: [12]

Следует предположить, однако, что только лишь финансовой поддержкой, оказываемой отдельным компаниям и проектам, государственное участие в развитии инновационной деятельности не должно ограничиваться. Как отмечает канадский специалист в области регионального экономического развития Джордж Ниоси, успех инновационного развития экономики региона зависит от количества учебных

заведений и качества подготовки высококвалифицированных специалистов, наличия соответствующей институциональной и информационной инфраструктуры в регионе, а также компаний, осуществляющих масштабную деятельность в области исследований и разработок, малых и средних инновационных компаний, активности венчурных фирм, способных финансировать рискованные проекты, и многих других факторов [14, р. 8]. Хотелось бы дополнить эти условия. Переосмысливая проблемы, с которыми сталкивается Россия в продвижении технологических инноваций, нам представляется также важным четкое определение целей и задач региональной структурной политики: какие отрасли следует признать структурно-депрессивными и начать их постепенное сворачивание, а какие – структурно-перспективными с постепенным усилением их конкурентоспособности на основе разработки и внедрения новых технологий.

Таким образом, как показывает опыт экономического развития тихоокеанского региона Британская Колумбия, структурные диспропорции, невидимые в условиях экономического роста, становятся очевидными препятствиями для дальнейшего развития регионов в условиях экономического спада. Поэтому Канада, как и Россия, испытывает существенную потребность в разработке новой региональной экономической политики, направленной на структурные преобразования и развитие новых, технологически более сложных производств, замещающих импорт и повышающих финансовые возможности регионов, прежде всего тех, которые имеют высокую сырьевую зависимость. Успехом этой региональной технологически ориентированной экономической политики будет определяться устойчивость канадской экономики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hansen, N. *Regional Policy in a Changing World* / N. Hansen, B. Higgins, D. J. Savoie. – [S. l.] : Springer Science & Business Media, 2013. – XII, 312 p. – Doi: 10.1007/978-1-4899-2079-9.
2. *British Columbia Keeps Top Spot in Provincial Economic Growth in 2016*. [Электронный ресурс] // The Conference Board of Canada. – Режим доступа: http://www.conferenceboard.ca/press/newsrelease/16-03-08/british_columbia_keeps_top_spot_in_provincial_economic_growth_in_2016.aspx.
3. Denis, J. S. B.C.'s real estate boost comes with peril, say economists [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.biv.com/article/2016/1/bcs-real-estate-boost-comes-peril-say-economists/>.
4. *Fuelling BC's economy: where does our wealth come from? Conversations for Responsible Economic Development* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://credbc.ca/role-energy-sector-bcs-economy>.

5. BC Now a Growth Leader in Canada. British Council of British Columbia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bcbc.com/publications/eco-pou?page=10>.
6. B.C.'s Key Indicators [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.gov.bc.ca/gov/content/data/statistics/infoline/key-indicators-bc>.
7. Canadian Trade and Investment Activity: British Columbia's Merchandise Trade with the World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bdp.parl.ca/Content/LOP/ResearchPublications/2014-29-e.html>.
8. BC Export Trade Statistics 2000-2016. BC Import Trade Statistics 2000-2016. The Asia Factor [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theasiafactor.ca/bc>.
9. Amadeo, K. U.S. Trade Deficit by Country: Current Statistics and Issues. The Balance. April 11, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thebalance.com/trade-deficit-by-county-3306264>.
10. США объявили Канаде воздушную войну [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.sputnik.ru/ekonomika/6e30dc6581dad97aa4901058c674f2d484747828>.
11. Milligan, K. What provinces can learn from B.C.'s sound finances. B.C. still faces challenges with its budget, but far and away it has the best finances of any province in the country. February 17, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.macleans.ca/economy/economicanalysis/what-provinces-can-learn-from-b-c-s-sound-finances>.
12. Farrell, N. Alibi for ignorance: All I know is what I read in the newspapers. February, 14, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://northerninsights.blogspot.ru/2011/02/as-civil-conflict-targeting-hosni.html>.
13. Innovation is thriving in British Columbia. Government of Canada [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.canada.ca/en/innovation-science-economic-development/news/2017/03/innovation_is_thrivinginbritishcolumbia.html.
14. Niosi, J. Canada's Regional Innovation System / J. Niosi, Bas N. G., Zhegu M. – [S. l.] : McGill-Queen University Press, 2005. – 184 p.

REFERENCES

1. Hansen N., Higgins B., Savoie D.J. *Regional Policy in a Changing World*. [S.l.]: Springer Science & Business Media, 2013. XII, 312 p. Doi: 10.1007/978-1-4899-2079-9.
2. *British Columbia Keeps Top Spot in Provincial Economic Growth in 2016*. Available at: http://www.conferenceboard.ca/press/newsrelease/16-03-08/british_columbia_keeps_top_spot_in_provincial_economic_growth_in_2016.aspx (accessed 11 February 2017).

3. Denis J. S. *B.C.'s real estate boost comes with peril, say economists*. Available at: <https://www.biv.com/article/2016/1/bcs-real-estate-boost-comes-peril-say-economists/> (accessed 11 February 2017).
4. *Fuelling BC's economy: where does our wealth come from? Conversations for Responsible Economic Development*. Available at: <http://credbc.ca/role-energy-sector-bcs-economy> (accessed 17 February 2017).
5. *BC Now a Growth Leader in Canada*. *British Council of British Columbia* Available at: <http://www.bcbc.com/publications/economy?page=10> (accessed 20 February 2017).
6. *B.C.'s Key Indicators*. Available at: <https://www2.gov.bc.ca/gov/content/data/statistics/infoline/key-indicators-bc> (accessed 16 March 2017).
7. *Canadian Trade and Investment Activity: British Columbia's Merchandise Trade with the World*. Available at: <https://bdp.parl.ca/Content/LOP/ResearchPublications/2014-29-e.html> (accessed 11 February 2017).
8. *BC Export Trade Statistics 2000-2016. BC Import Trade Statistics 2000-2016. The Asia Factor*. Available at: <https://theasiafactor.ca/bc> (accessed 20 March 2017).
9. Amadeo K. *U.S. Trade Deficit by Country: Current Statistics and Issues*. The Balance. April 11, 2017 Available at: <https://www.thebalance.com/trade-deficit-by-county-3306264> (accessed 28 December 2017).
10. *US declared air war on Canada*. Available at: <https://news.sputnik.ru/ekonomika/6e30dc6581dad97aa4901058c674f2d484747828> (accessed 14 December 2017). (In Russian).
11. Milligan K. *What provinces can learn from B.C.'s sound finances. B.C. still faces challenges with its budget, but far and away it has the best finances of any province in the country*. February 17, 2016. Available at: <http://www.macleans.ca/economy/economicanalysis/what-provinces-can-learn-from-b-c-s-sound-finances> (accessed 11 February 2017).
12. Farrell N. *Alibi for ignorance: All I know is what I read in the newspapers*. February, 14, 2011. Available at: <http://northerninsights.blogspot.ru/2011/02/as-civil-conflict-targeting-hosni.html> (accessed 21 August 2017).
13. *Innovation is thriving in British Columbia*. *Government of Canada*. Available at: https://www.canada.ca/en/innovation-science-economic-development/news/2017/03/innovation_is_thrivinginbritishcolumbia.html (accessed 11 August 2017).
14. Niosi J., Bas N.G., Zhegu M. *Canada's Regional Innovation System*. [S.l.]: McGill-Queen University Press, 2005. 184 p.

УДК 339.727.24(520)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/60-71

Л.В. Попова¹Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: popovaspb@yandex.ru

К.В. Субботина²Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Россия

E-mail: xeniasub@gmail.com

СТРАТЕГИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ ЯПОНИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье проводится анализ основных изменений в стратегии зарубежного инвестирования японских компаний в период 2000–2016 гг. Начало XXI в. ознаменовалось пересмотром внешнеэкономической политики Японии, которая была адаптирована к условиям глобализации и международной конкуренции. Японские компании стали активно осваивать новые рынки и укреплять экономическое присутствие в традиционных странах-партнёрах. В начале 2000-х гг. увеличился объём прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в связи с ростом зарубежного спроса и благоприятными экономическими условиями в мире. Мировой финансовый кризис 2007–2009 гг. прервал эту тенденцию, однако в последующие годы Япония сумела выйти на прежний уровень зарубежного инвестирования. После аварии на Фукусима-1 в 2011 г. проводится политика активной диверсификации поставщиков энергоресурсов. Основными реципиентами японских инвестиций выступают США, Китай и страны АСЕАН. В последние годы в рамках новой внешнеэкономической стратегии Японии, призванной вывести страну из стагнации, ПИИ приобретают более диверсифицированный характер. Происходит переключение потоков прямых инвестиций с китайского рынка на страны Южной Азии, Европы,

¹ Людмила Валерьевна Попова – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

² Ксения Викторовна Субботина – аспирант кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Для цитирования: Попова Л.В., Субботина К.В. Стратегия диверсификации прямых иностранных инвестиций Японии в начале XXI века // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 60–71.

Латинской Америки, страны СНГ и АСЕАН, прежде всего во Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Мьянму.

Россия выступает одним из стратегических поставщиков энергоресурсов для Японии и важным потребительским рынком. Помимо энергетического сектора растут инвестиции Японии в российские сферы финансов, ритейла, автопромышленности и фармацевтики. Особо привлекательным российским регионом для Японии является Дальний Восток в силу своей территориальной близости, разнообразия природных и биоресурсов. Сложившаяся внешнеполитическая ситуация и введение санкций осложнили российско-японское взаимодействие и негативно отразились на инвестиционной активности японского бизнеса на рынке России.

Ключевые слова: Япония, ПИИ, Россия, внешнеэкономическая стратегия, энергетика, Абэномика, диверсификация, развивающиеся страны, Фукусима-1, товарная структура, торговые партнёры, стагнация, АСЕАН, Китай, Индия, инвестиционные проекты.

Liudmila V. Popova¹

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: popovaspb@yandex.ru

Ksenia V. Subbotina²

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: xeniasub@gmail.com

JAPANESE DIVERSIFICATION STRATEGY IN THE EARLY 21ST CENTURY

Abstract. The aim of this article is to highlight the main changes in the Japanese FDI strategy in 2000–2016. The beginning of the 21st century appeared to be a period when the Japanese foreign economic policy was changed and adapted to new conditions of international market in the context of globalization and growing level of international competition. Japanese companies started to enter and develop in the new markets while ensuring their economic involvement in traditional partner nations. In the beginning of 2000s, the Japanese outward FDI grew significantly, especially in the South-East and East Asia.

¹ Liudmila V. Popova, Candidate of economic sciences, associate professor of World Economy Department at Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

² Ksenia V. Subbotina, PhD student of World Economy Department at Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

For citing: Popova L.V., Subbotina K.V. Japanese diversification strategy in the early 21st century // ASIA-PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. N 4. P. 60–71.

Despite the drastic decline in the Japanese FDI after the financial crisis of 2008, it started to increase again in 2010 reaching the previous levels. The Fukushima-1 accident forced Japanese government to revise its energy security strategy and initiated diversification of energy suppliers. Among the main recipients of Japanese investment there are the USA, China and ASEAN nations. The recent new foreign economic strategy that is supposed to take the country out of stagnation has resulted in diversification of its FDI flow to non-traditional developing markets such as Latin America countries, India, ASEAN including Myanmar, Laos, Cambodia, Vietnam, CIS countries, and Russia.

Russia is a strategic supplier of energy resources for Japan and an important consumer market as well. In addition to the energy sector, the investments are growing into the Russian financial sectors, retail markets, vehicle manufacturing and pharmaceutical industry. The Russian Far East is the most attractive Russian region due to its territorial proximity and diverse natural and bio resources. Moreover, for Japanese investors Russia may be seen as a growing market with high level of consumption. However, current international political situation and sanctions have slowed down bilateral collaboration and had a negative effect on the Japanese investment activity in the Russian market. Despite that both sides show high interest in strengthening their economic and political relations.

Key words: Japan, FDI, Russia, international economic strategy, energy, Abenomics, diversification, developing countries, Fukushima-1, export of goods, ASEAN, India, China, stagnation, investment projects.

В XXI веке произошли значительные изменения в системе мирохозяйственных связей. Увеличение объёмов международной торговли, либерализация финансовых операций привели к росту межстрановых инвестиционных потоков. Бурный экономический рост развивающихся стран, превращение Китая в мирового и регионального лидера, активизация процессов глобализации и регионализации, замедление мировой экономики после глобального финансового кризиса побудили Японию пересмотреть свои внешнеэкономические приоритеты и адаптировать политику к меняющимся условиям. Новым моментом внешнеэкономической стратегии страны становится акцент на диверсификации торговых партнёрств и поддержка японских компаний в процессе их более глубокого встраивания в международные производственные связи. Стратегия диверсификации экономических отношений призвана повысить конкурентоспособность японского бизнеса на мировом рынке, а также укрепить его позиции в глобальных производственных системах.

Прямые инвестиции традиционно играют важную роль в развитии японской экономики, при этом зарубежные вложения японских компаний значительно превышают привлекаемый в страну иностранный капитал. Рост японских ПИИ с начала XXI в. объясняется рядом причин. Прежде всего, он обусловлен длительной стагна-

цией национальной экономики с начала 1990-х гг., приведшей к снижению объёмов производства, уменьшению уровня внутренних капиталовложений и рентабельности производства в обрабатывающей промышленности. Реакцией на эти процессы стал рост инвестирования в экономику развивающихся стран, прежде всего в Китай и страны Юго-Восточной Азии. Динамичный рост этих стран, географическая близость, относительно низкие трудовые издержки и возрастающая покупательная способность населения превратили их в наиболее привлекательные объекты для инвестирования японскими ТНК. Наконец, увеличение зарубежных инвестиций связано с провозглашённой в 2003 г. при правительстве Д. Коидзуми стратегией диверсификации внешнеэкономических связей, в том числе стран-поставщиков энергоносителей в целях обеспечения энергетической безопасности страны.

Выделим несколько важных особенностей в стратегии зарубежного инвестирования японскими компаниями в период 2000–2016 гг.: 1) рост инвестиционных потоков в развивающиеся страны Южной Азии, Латинской Америки, страны СНГ и выход на новые рынки Юго-Восточной Азии (Мьянма, Лаос, Камбоджа, Вьетнам); 2) увеличение объёмов инвестиций в сферу производства электрооборудования и в сферу оптовой и розничной торговли; 3) увеличение доли инвестиций, осуществляемых в форме слияний и поглощений.

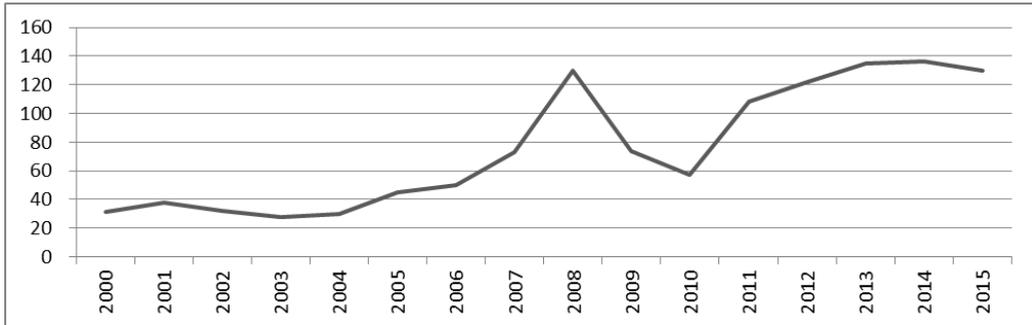

Рис. 1. Годовые объёмы японских ПИИ 2005–2015 гг., млн долл. США

Источник: [10]

Анализируя показатели объёмов японских ПИИ в начале 2000-х гг., можно отметить их стабильный прирост. Пик зарубежного инвестирования пришелся на 2008 г., когда объём японских ПИИ превысил 130 млрд долл. США, что существенно превосходило средние показатели в 2000–2008 гг. (средний объём ПИИ в этот период составлял 51 млрд долл. США) (рис. 1). Однако мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. прервал эту тенденцию, и последующие три года наблюдалось снижение объёмов ПИИ [1]. После аварии на Фукусима-1 и закрытия атомных электростанций японское правительство активизировало усилия по диверсификации поставщиков энергоресурсов [2]. Наиболее динамично растут инвести-

ции японских ТНК в сферу финансов, а также в сферу оптовой и розничной торговли (рис. 2).

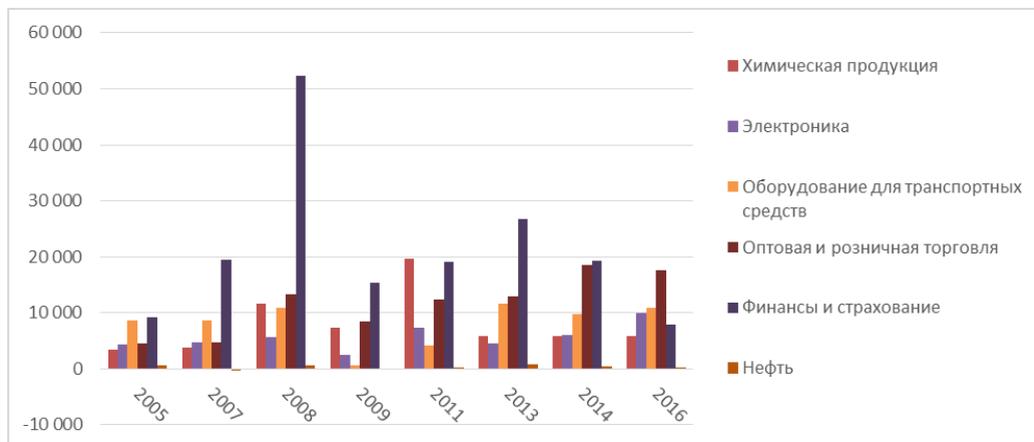

Рис. 2. Основные направления инвестиционных потоков японских компаний по отраслям экономики 2005–2016 гг., млн долл. США

Источник: [10]

Сделки по слияниям и поглощениям в последние годы доминируют в общем вывозе японских инвестиций. Такие сделки преобладают в рамках выхода японских компаний на рынки развитых стран. Активному заключению японским бизнесом сделок по слияниям и поглощениям способствует наличие у компаний больших финансовых ресурсов, а также снижение стоимости акций на зарубежных рынках капитала после глобального кризиса на фоне укрепления иены [6, с. 6].

Основными сферами приложения японских ПИИ за рубежом являются производство электрооборудования, транспортных средств, химикатов, оптовая и розничная торговля, финансы и страхование, добыча нефти (рис. 2). В структуре японских ПИИ в период с 2005 г. по 2016 г. в два раза увеличилась доля инвестиций в оптовую и розничную торговлю (в 2005 г. – 15%, в 2016 г. – 33% от общего объема) за счёт активного выхода японских компаний на рынки стран АСЕАН.

Внешнеэкономическая стратегия, проводимая кабинетом С. Абэ, продолжает линию прежних администраций на интенсивную диверсификацию внешнеэкономических связей, поддержку экспансии японских компаний на зарубежных рынках и обеспечение энергетической безопасности страны. В современных условиях активная внешнеэкономическая политика призвана вывести экономику страны из стагнации и обеспечить стабильный рост ВВП. Новым моментом стал больший фокус на развитии экономических отношений со странами Латинской Америки, Россией, а также новыми партнёрами в регионе ЮВА. Политика диверсификации позволила нарастить объёмы ПИИ, и в 2014 г. был зафиксирован новый рекорд объё-

мов ежегодного вывоза японских инвестиций, которые превысили 135 млрд долл. США, что примерно на 5 млрд долл. больше показателя 2008 г. [10].

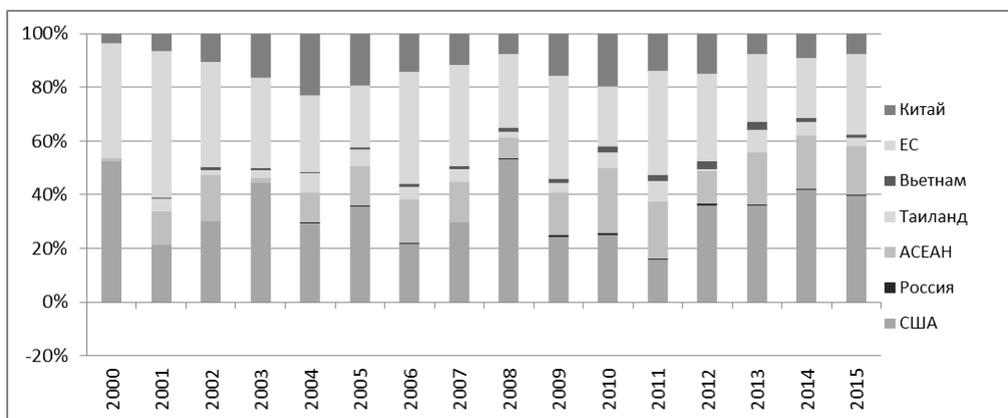

Рис. 3. Основные страны-реципиенты ПИИ Японии в период 2000–2016 гг., %

Источник: [10]

С точки зрения региональной направленности японских ПИИ, можно отметить следующие изменения, произошедшие с начала 2000-х гг. Во-первых, в последнее десятилетие доля стран Ближнего Востока и ряда латиноамериканских стран, включённых в категорию «другие страны», в общем объёме японских инвестиций уменьшилась из-за дестабилизации в них экономической обстановки. Во-вторых, темпы прироста японских ПИИ в Китай и страны АСЕАН стали превышать темпы инвестирования в экономику США (рис. 3). Низкие производственные издержки, бурный экономический рост, увеличивающийся покупательский потенциал населения резко повысили привлекательность этих стран для японского бизнеса. В результате Китай быстро выдвинулся на позиции одного из главных торговых партнёров Японии. Инвестиции на территории Китая и стран АСЕАН осуществлялись преимущественно в сфере производства транспортных средств, электрооборудования и в машиностроении. Однако с 2012 г. японские инвестиции в экономику Китая сокращаются, что обусловлено ростом производственных издержек, в первую очередь вследствие удорожания стоимости китайской рабочей силы, наличием территориальных разногласий между странами по принадлежности островов Сенкаку.

В рамках стратегии внешнеэкономической диверсификации заметно возрос интерес к инвестированию в экономику новых для Японии партнёров в группе АСЕАН (Мьянма, Лаоса, Вьетнама, Камбоджи). К 2015 г. объём японских ПИИ, накопленных в АСЕАН, составил примерно 20% от общих зарубежных инвестиций Японии (23,6 млрд долл. США), что значительно превосходит долю Китая. Привлекательность этих стран для японских инвесторов связана с их территориальной близостью, ускорением темпов экономического роста и значительно более низкой,

чем в Китае, стоимостью рабочей силы. Основными отраслями для японских инвестиций являются производство транспортного оборудования, электроника, машиностроение и химическое производство. Привлекательными направлениями для японских инвесторов выступают сфера финансов и розничная торговля.

Во-вторых, с 2012 г. наблюдается ренессанс в японско-американских отношениях, что, в частности, проявляется в новом всплеске японских инвестиций в экономику США [3]. Основными причинами сближения двух стран стало нарастание напряжённости в регионе – дестабилизация отношений с Северной Кореей, которая в апреле 2009 г. вышла из шестисторонних переговоров по ядерной проблеме, рост военной мощи Китая на фоне значительного укрепления его общеэкономического потенциала, обострение территориальных споров в Южно-Китайском море. За последние пять лет общий объём японских ПИИ в США увеличивался ежегодно на 4,5%, главным образом за счёт инвестиций в автомобильную и машиностроительную отрасли, а также возобновляемые источники энергии и производство СПГ [9].

В-третьих, скачкообразный рост японских инвестиций в ЕС в 2016 г. при том, что в целом японские инвестиции в страны этого региона носят нестабильный характер. Активный рост японских ПИИ связан с осуществлением ряда крупных сделок по слияниям и поглощениям со стороны японских компаний в сфере высоких технологий и производстве потребительских товаров [13, р. 18]. Страны ЕС для японских инвесторов – это крупный рынок с высокой покупательной способностью населения, с широкими перспективами сотрудничества в сфере высоких технологий и возобновляемых источников энергии. Стимулом для инвестиционной деятельности стало рамочное соглашение о свободной торговле и экономическом партнёрстве, которое предусматривает ликвидацию тарифов на импорт японских автомобилей в страны ЕС. Это будет способствовать организации японским бизнесом новых промышленных баз на территории стран ЕС и созданию новых рабочих мест. Основными реципиентами японских инвестиций являются Германия, Франция, Нидерланды, Испания и Великобритания.

В-четвёртых, новым направлением для японских ПИИ стала Индия – активно развивающаяся экономика в Южной Азии и передовой центр IT-технологий. Вместе с тем, до середины 2000-х гг. экономические отношения Японии с Индией носили неустойчивый характер. Объёмы японских инвестиций в 2000–2005 гг. снижались, однако в дальнейшем ситуация изменилась, и японские ПИИ в экономику Индии стали стабильно возрастать [12]. Индия – это большой рынок, с растущей покупательной способностью населения, страна, играющая стратегически важную роль в морских перевозках. Увеличению объёмов инвестиций способствовало заключение между Японией и Индией соглашения об экономическом партнёрстве (СЭП) в 2011 г., которое облегчило японскому бизнесу деятельность в таких сферах

индийской экономики, как электроэнергетика, обеспечение питьевой водой, логистика. В Раджастане индийские власти создали специальную экономическую зону для японских инвесторов в целях развития производства автомобильных компонентов [8, р. 101].

В последнее десятилетие также возрос интерес японских инвесторов к рынкам стран Латинской Америки, который обусловлен повышением темпов экономического роста стран данного региона. Здесь японскими ТНК был осуществлён ряд инвестиционных проектов в сфере энергетики и автомобилестроения.

В рамках политики обеспечения энергетической безопасности основными поставщиками энергоресурсов для Японии выступают страны Ближнего Востока, АСЕАН, Южной и Северной Америки. В связи с политикой диверсификации поставок особое значение японской администрацией придаётся расширению связей с Россией. Несмотря на наличие трений между странами по территориальному вопросу, двусторонние отношения приобрели более доверительный характер.

С начала 2000-х гг. экономические отношения Японии и России претерпели положительные изменения. В период с 2003 по 2012 гг. сохранялась положительная тенденция роста японских ПИИ, которую не нарушил даже мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. (рис. 4). Ключевым сектором для японских ПИИ остается нефтегазовая промышленность, где значительными инвестиционными проектами стали «Сахалин-1» и «Сахалин-2», нефтегазовая компания «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.» («Сахалин Энерджи»). Доля японских инвестиций в этих проектах составила 30% и 22,5% [5]. В проекте «Сахалин-2», доля этих компаний составляет 12,5% – *Mitsui* и 10% – *Mitsubishi*). Основой их производства являются нефть, сжиженный природный газ (СПГ) [4, с. 101–111], природный газ.

В период 2000–2008 гг. японские ПИИ в экономику России выросли в два раза благодаря крупным инвестиционным проектам в сфере автопромышленности. Количество зарегистрированных компаний с японским капиталом за период начала XXI в. возросло и к 2010 г. составило 599, которые предоставляли консультационные услуги, осуществляли торговое посредничество, работали в сфере нефтепереработки и нефтедобычи, сельского хозяйства, ритейла, фармацевтической промышленности и прочее. Лидирующее место по объёмам японских ПИИ в России занимают Москва (57%), Московская область (10%) и Санкт-Петербург (18%) [2].

В 2014 г. доля России в общем объёме торговли Японии составила 2,26% [7, с. 2], в то же время в зарубежных японских инвестициях на неё пришлось 0,28%. Сегодня взаимодействие российских и японских компаний осложняется политическим кризисом в связи с обострившейся ситуацией на Украине, вхождением Крыма в состав России и девальвацией рубля.

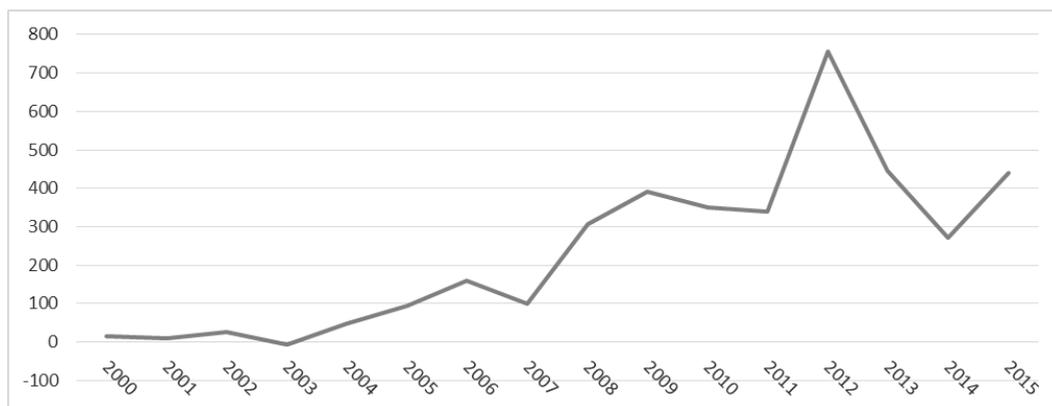

Рис. 4. Японские ПИИ в РФ в период 2000–2016 гг., млн долл. США,

Источник: Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment.

<https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>

Несмотря на неблагоприятную геополитическую ситуацию, обе страны заинтересованы в развитии двустороннего сотрудничества. Во-первых, Россия обладает большим разнообразием природных ресурсов, в получении которых заинтересована Япония. Во-вторых, усиление конкуренции со стороны стран Северо-Восточной Азии за доступ к российским ресурсам вынуждает японское правительство прилагать усилия для укрепления партнерских связей с Россией. В-третьих, российская сторона заинтересована в привлечении передовых технологий для модернизации экономики, что создаёт предпосылки для сотрудничества Японии и России в сфере инноваций. В-четвёртых, Япония заинтересована в развитии Транссибирской магистрали как альтернативного, более короткого и надежного транспортного коридора, соединяющего Азию с Европой. В-пятых, для России Япония – это один из основных инвесторов в экономику Дальнего Востока, что позволяет развивать инфраструктуру региона и делать его более привлекательным для жизни населения. Для Японии развитие инфраструктуры на Дальнем Востоке чрезвычайно важно, поскольку в этом регионе реализуются крупные энергетические проекты с участием Японии, нуждающиеся в развитии инфраструктуры для осуществления стабильных поставок ресурсов в Японию. Наконец, Япония обеспокоена активным политическим и экономическим сближением Китая и России.

Таким образом, инвестиционная деятельность японских компаний за рубежом остается одним из важнейших драйверов национальной экономики. Японские ПИИ продолжают стабильно увеличиваться, несмотря на финансовый кризис и стагнацию национальной экономики. Сегодня преодоление стагнации стало основной целью экономической политики японского правительства. Достижению этой цели должна способствовать новая стратегия экономического развития, в рамках которой обозначены основные векторы инвестиционной политики:

1. Диверсификация инвестиционных потоков за счёт формирования партнёрских отношений с новыми для Японии странами в Юго-Восточной Азии, Европе, странах СНГ, Латинской Америке. Необходимо отметить, что основная доля инвестиций приходится на страны Восточной и Юго-Восточной Азии, Европу и США. Роль этих регионов для Японии различна, поскольку на рынках Европы и США деятельность японских корпораций в большей степени ориентирована на местный рынок. В свою очередь, деятельность японских предприятий в странах Восточной Азии отличается высокой степенью разделения труда, межотраслевой специализации и кооперации между азиатскими и японскими производителями.

2. Увеличение инвестиций в обрабатывающую промышленность, где большая доля сделок осуществляется в сфере электро- и приборостроения, оптовой и розничной торговли, финансов и страхования, фармацевтического производства, НИОКР, автомобилестроения.

3. Диверсификация поставщиков энергоресурсов и видов энергоресурсов, что привело к повышению роли России во внешнеэкономической стратегии Японии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакин, В. И. Япония в межкризисный период // Япония наших дней. № 3 (21), 2014. – М. : ИДВ РАН, 2015. – С. 43–53.

2. Большова, Е. В. Современное состояние и перспективы развития топливно-энергетического комплекса Японии / Е. В. Большова, Д. А. Щербаков // Япония наших дней. № 2 (16), 2013. – М. : ИДВ РАН, 2013. – С. 56–72.

3. Леонтьева, Е. Л. Экономика Японии в 2014 году: успехи и проблемы «абэномики» // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXIX. – М. : ИДВ РАН, 2015. – С. 71–84.

4. Соколов, Д. А. Возрастающая роль поставок СПГ для экономики Японии: итоги конференции производителей и потребителей СПГ 2014 // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXIX. – М. : ИДВ РАН, 2015. – С. 101–111.

5. Структура управления «Сахалин Энерджи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakhalinenergy.ru/ru/company/management/>.

6. Department of State: 2014 Investment climate statement, June 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/documents/organization/226825.pdf>.

7. Ershova, N. V. Japanese business in Russia local challenges and adaptation, Basic research program working papers series: international relations, WP BRP 19/IR/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wp.hse.ru/data/2015/11/05/1078875152/19IR2015.pdf>.

8. India's Neemrana Industrial Park for Japanese firms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-4-431-55468-4_6.pdf.

9. Japan planning 17-trillion-yen investment in U.S. projects, February 3, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dewereldleiders.nl/leader/Fumio+Kishida>.
10. JETRO global trade and investment report 2014 [Электронный ресурс] // Japanese Trade and Investment Statistics. – Режим доступа: <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>
11. Raphael Chiappini Institutional determinants of Japanese outward FDI in the manufacturing industry // Documents de travail GREDEG. Working papers series. – 2014. – No. 11. – P. 20.
12. Horimoto, T. Japan-India Rapprochement and its future issues. JIA, April 11, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/digital_library/japan_s_diplomacy/160411_Takenori_Horimoto.pdf.
13. Top Ten Japanese Involvement Announced Deals [Электронный ресурс] // Mergers & Acquisitions Review Financial Advisors, Full year 2016. – P. 18. – Режим доступа: http://share.thomsonreuters.com/general/PR/MA_4Q_2016_E.pdf.
14. Интерактивная витрина [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1>.

REFERENCES

1. Balakin V.I. Yaponiya v mezhkrizisnyi period [Japan in the intercrisis period]. *Yaponiya nashikh dnei. No. 3 (21), 2014*. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sci., 2015, pp. 43–53.
2. Bol'shova E.V., Shcherbakov D.A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa Yaponii [The current state and prospects of development of the fuel and energy complex of Japan]. *Yaponiya nashikh dnei. No. 2 (16), 2013*. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sci., 2013, pp. 56–72.
3. Leont'eva E.L. Ekonomika Yaponii v 2014 godu: uspekhi i problemy «abonomiki» [Japan's economy in 2014: successes and problems of “abonomics”]. *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii* [Actual problems of modern Japan]. Iss. XXIX. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sci., 2015, pp. 71–84.
4. Sokolov D.A. Vozrastayushchaya rol' postavok SPG dlya ekonomiki Yaponii: itogi konferentsii proizvoditelei i potrebitelei SPG 2014 [The growing role of LNG supplies for the Japanese economy: results of the 2014 LNG Producers and Consumers Conference]. *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii* [Actual problems of modern Japan]. Iss. XXIX. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sci., 2015, pp. 101–110.

5. *Sakhalin Energy Management Structure*. Available at: URL: <http://www.sakhalinenergy.ru/ru/company/management/> (accessed 20 July 2017). (In Russian).
6. Department of State: 2014 Investment climate statement, June 2014. Available at: <https://www.state.gov/documents/organization/226825.pdf> (accessed 17 June 2017).
7. Ershova N.V. *Japanese business in Russia local challenges and adaptation, Basic research program working papers series: international relations, WP BRP 19/IR/2015*. Available at: <https://wp.hse.ru/data/2015/11/05/1078875152/19IR2015.pdf> (accessed 20 July 2017).
8. India's Neemrana Industrial Park for Japanese firms. Available at: https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-4-431-55468-4_6.pdf (accessed 27 September 2017).
9. Japan planning 17-trillion-yen investment in U.S. projects, February 3, 2017. Available at: <http://www.dewereldleiders.nl/leader/Fumio+Kishida> (accessed 28 September 2017).
10. JETRO global trade and investment report 2014. *Japanese Trade and Investment Statistics*. Available at: <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (accessed 24 June 2017).
11. Raphael Chiappini Institutional determinants of Japanese outward FDI in the manufacturing industry. *Documents de travail GREDEG. Working papers series*. – 2014. – No. 11. – Pp. 20.
12. Horimoto T. *Japan-India Rapprochement and its future issues*. JIIA, April 11, 2016. Available at: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/digital_library/japan_s_diplomacy/160411_Takenori_Horimoto.pdf (accessed 19 September 2017).
13. Top Ten Japanese Involvement Announced Deals. *Mergers & Acquisitions Review Financial Advisors, Full year 2016*. Pp. 18. Available at: http://share.thomsonreuters.com/general/PR/MA_4Q_2016_E.pdf (accessed 11 September 2017).
14. Interactive showcase. *Federal State Statistics Service: official. site*. Available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi#1> (accessed 24 June 2017).

УДК 656.614.3(100)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/72-78

Е.П. Жариков¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВЫХ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК И ПОРТОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. Мировой экономический кризис, снижение цен на нефть и сырьевые товары, нарушение устойчивого спроса на них привели к уменьшению темпов роста мировой экономики. Соответственно замедлились темпы роста мировой торговли. Прогноз экспертов МВФ по улучшению ситуации в 2015 году не сбылся. Общий объём перевозок (за исключением кризисного 2009 г.) носил относительно устойчивый характер. Периодически наблюдалось падение объёмов перевозок нефти и газа. Замедление темпов общих грузовых перевозок морским транспортом в 2006–2012 гг. составило 3,8 %, в 2013–2015 гг. – 3,0 %. Консолидация производственных процессов в рамках географических кластеров производственной активности и т.п. приводят к относительному снижению объёма торговли в расчёте на единицу выпускаемой продукции и, в конечном счёте, – снижению объёмов перевозимых грузов. Процессы, происходящие в мировой экономике, тесно связаны с развитием портового хозяйства, с пропускной способностью портов. Транспортная инфраструктура всегда должна развиваться с опережением относительно формирования грузовой базы. С другой стороны, создание инфраструктуры всегда довольно затратное мероприятие. Следовательно, должны выдерживаться оптимальные пропорции между портовой инфраструктурой и привлекаемой портом грузовой базой. В условиях замедления темпов международных морских перевозок идёт изменение стратегии функционирования портов за счёт освоения ими новых функций путём создания на их территории предприятий по промышленному и торговому сервису и диверсификации услуг. В конце XX в. на территории портов стали создавать промышленные предприятия, входящие в общую организационную структуру порта, но не связанные с ним функциональной деятельностью. Рассмотренные тенденции усложняют решение одной

¹Евгений Прокофьевич Жариков, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Жариков Е.П. Тенденции развития мировых морских перевозок и портового хозяйства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 72–78.

из важных задач для транспортно-логистической деятельности морского порта – прогнозирование для него грузовой базы.

Ключевые слова: мировая экономика, валовой внутренний продукт, мировая торговля, морские перевозки, темпы роста.

Evgenie P. Zharikov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zharikov.ep@dvfu.ru

DEVELOPMENT TRENDS IN THE WORLD MARINE TRANSPORTATION AND PORT FACILITIES

Abstract. The global economic crisis, the decline in prices for oil and commodities, and the disruption of sustainable demand have led to a decrease in the world economy growth rate. As a consequence, the growth rate of global trade has slowed down as well. The forecast of IMF experts on situation improvement in 2015 did not come true.

The total volume of traffic (with the exception of the crisis year 2009) was less stable. Periodically, there was a drop in oil and gas transportation volumes. The slowdown in the rate of general freight transport by sea in 2006–2012 amounted to 3.8% and 3.0% in 2013–2015. Consolidation of production processes within the geographical clusters of productive activity, etc. has led to a relative decrease in the volume of trade per unit of output, and, ultimately to decrease in the volume of goods transported.

The processes in the world economy are closely related to the development of port facilities and their throughput capacities. The transport infrastructure should always develop ahead of the formation of the cargo base. On the other hand, creating an infrastructure is always a costly exercise. Therefore, optimal proportions must be maintained between the port infrastructure and the cargo base that the port attracts.

In the context of the slowing pace of international shipping, there is a change in the strategy for the ports operation by mastering new functions. On their territories, enterprises are created for industrial and commercial services and diversification of services. In the late 20th, industrial enterprises, included in the overall organizational structure of the port, but not related to it functional activities, began to be established on the territory of ports.

These tendencies complicate the solution of an important task of forecasting the cargo base for the transport and logistics activities of a seaport.

¹ Evgenie P. Zharikov, Doctor of Economics, Professor, Department of International Economics Relations, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Zharikov E.P. Development trends in the world marine transportation and port facilities // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. N 4. P. 72–78.

Keywords: world economy, gross domestic product, world trade, sea transport, growth rates.

Тенденции развития мировой экономики

В 2013–2014 гг. мировой ВВП вырос к предыдущим годам на 3,3 %, в 2015 г. – на 3,0 %, в 2016 г. – на 3,1 %. Темпы роста мирового ВВП после 2011 г. ниже темпов роста, наблюдавшихся до финансового кризиса (рис. 1).

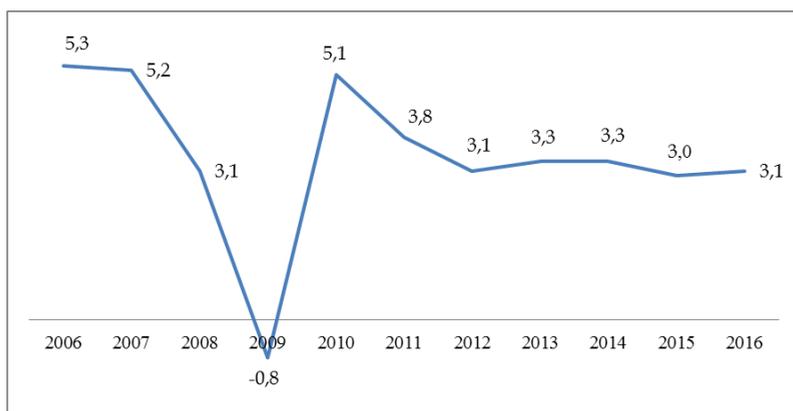

Рис. 1. Темпы роста мировой экономики, % [1]

Кризисные явления, снижение цен на нефть и сырьевые товары, нарушение устойчивого спроса, замедление темпов развития китайской экономики, способствовали уменьшению темпов роста мировой экономики. Процессы, оказавшие влияние на замедление темпов развития мировой экономики, адекватно отразились на мировой торговле, темпы роста которой оказались существенно ниже среднегодовых темпов их роста после мирового кризиса 2008–2009 гг. (рис. 2).

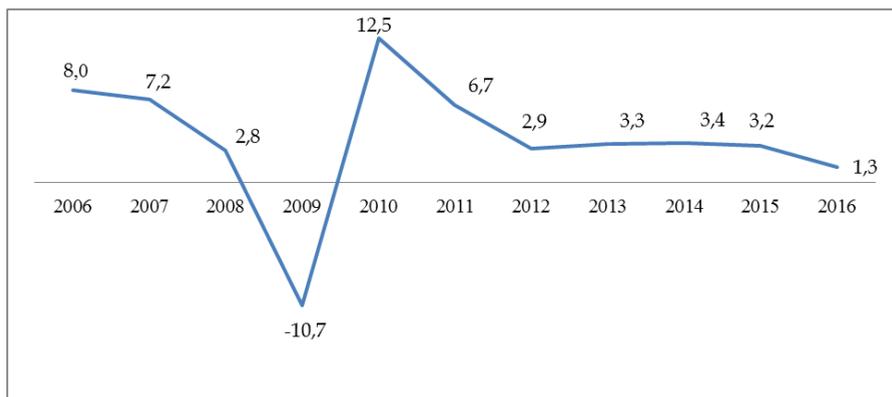

Рис. 2. Темпы роста мировой торговли, % [2, 3]

Пока не сбываются прогнозы экспертов МВФ по восстановлению темпов роста мировой торговли, которые считали, что 2015 г. будет переломным и с 2016 г. темпы её роста заметно ускорятся.

Тенденции морских перевозок

В 2015 г. морским транспортом перевезено более 80% грузов мировой торговли. Общий объём перевозок (за исключением кризисного 2009 г.) носил устойчивый характер и составил в 2015 г. по оценкам около 10 млрд т [3], что превышает аналогичный показатель 2006 г. на 30,5%. Падение перевозок нефти и газа наблюдалось в 2009, 2013, 2014 гг. Темпы роста морских перевозок представлены на рис. 3.

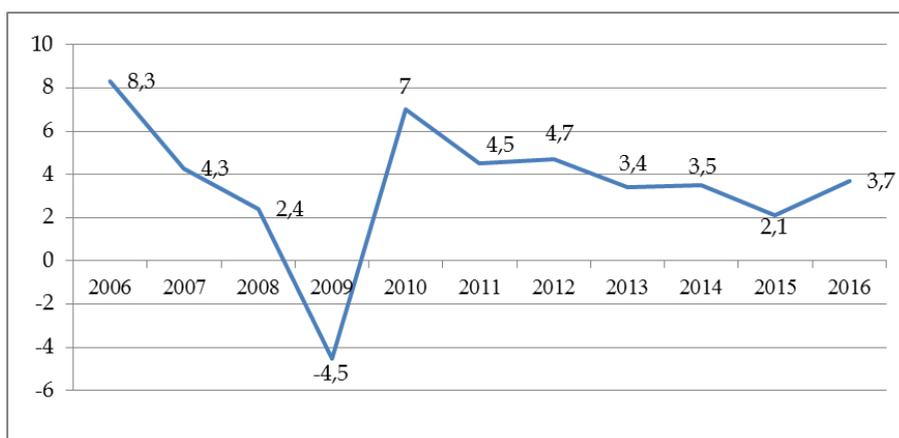

Рис. 3. Темпы роста мировых морских перевозок, % [3]

Среднегодовой темп роста общего объёма мировых морских грузоперевозок в 2006–2015 гг. составил 3,57 %, нефти и газа – 2,1 %.

Наблюдается замедление темпов общих перевозок морским транспортом: если темп роста грузовых перевозок в 2006–2012 гг. составил 3,8 %, то в 2013–2015 гг. – 3,0 %.

Снижение мировых темпов роста морских перевозок связывают с процессами, происходящими в экономиках стран Восточной Азии, в особенности в Китае. В КНР в объёме экспортируемой продукции возросла доля собственных промежуточных товаров, которые ранее экспортировались. Зависимость обрабатывающего сектора от импортируемого производственного сырья снизилась в КНР с 2002 г. к 2015 г. более чем на 20%. Также страны Восточной Азии снижают долю промежуточной продукции в совокупном импорте. Наметилась тенденция возвращения перенесенных ранее в другие страны производств обратно в страны базирования; консолидация производственных процессов в рамках географических кластеров производственной активности и т.д. Эти и сопутствующие им процессы в совокупности приводят к отно-

сительному снижению объёма торговли в расчёте на единицу выпускаемой продукции и, в конечном счёте, – снижению объёмов перевозимых грузов.

Для анализа влияния развития мировой экономики и международной торговли на темпы развития морских перевозок отразим динамику их развития на рис. 4.

Рис. 4. Динамика мирового ВВП, мировой торговли товарами и мировых морских перевозок

Среднегодовой темп роста в 2011–2016 гг. составил: мировой экономики 3,27 %, мировой торговли – 3,43 %, мировых морских перевозок – 3,65 %. Таким образом, связь показателей темпов роста мировой торговли и мировых морских перевозок не отражает прямую их зависимость от темпов роста мирового ВВП. Более адекватная связь прослеживается между темпами роста мировых морских перевозок и темпами роста мировой торговли, что подтверждается коэффициентами значимости факторной регрессии (1), имеющей коэффициент, характеризующий статистическую надежность, множественный $R = 0,99$.

$$Y = -538,697 + 0,053x_1 + 0,393x_2, \quad (1)$$

где: Y – объём перевозок;

x_1, x_2 – показатели мирового ВВП и мировой торговли, соответственно.

Недостаточная согласованность указанных тенденций обусловлена неустойчивостью ценовой политики, национальных валют, структурными сдвигами мирового спроса, меняющимся соотношением производства товарной продукции и услуг и т.д.

Тенденции развития портового хозяйства

Развитие портового хозяйства находится в тесной взаимосвязи с уровнем развития производства, торговли, сложившихся морских торговых маршрутов; перспектив развития транспортно доступных околопортовых территорий; уровня развития портовой инфраструктуры, смежных транспортных систем. Морское портовое хозяйство, а в более широком смысле – транспортно-логистическая деятельность (ТЛД) морского портового хозяйства постоянно развивается. Совершенствуется и модернизируется инфраструктура, растет многообразие и качество предоставляемых услуг, совершенствуются модели организации ТЛД. Расширяется система показателей (пропускная способность и грузооборот), характеризующая деятельность морского порта. Создается специализированная инфраструктура путём сегментирования портовых площадей по обслуживанию контейнерных, сыпучих и жидких грузов. Получили развитие контейнерные, балкерные, наливные терминалы.

Некоторые терминалы, в частности контейнерные, стали выноситься за пределы зон морских портов. Они получили название тыловых терминалов или сухих портов, им передаётся часть функций морского порта, и они связаны с основным портом единой технологией обработки грузов. Их строительство расширило возможности морских портов, испытывающих ограничения естественного расширения, за счёт использования прилегающих земель, не связанных с перевалкой грузов с морского транспорта.

В условиях замедления темпов международных морских перевозок обострилась проблема увеличения грузовой базы. Морские порты стали более активно:

– обеспечивать промышленную переработку грузов и создавать необходимые условия для возникновения промышленности в портовых зонах;

– оказывать коммерческие услуги – банковские, страховые, юридические, в области связи.

В портах создаются зоны свободной торговли, складские зоны, промышленные парки и т.д., выполняя при этом транспортные, экономические и государственные функции. Они обеспечивают трудоустройство населения на прибрежных территориях, доходы в бюджет региона, эффективное использование акваторриальных ресурсов.

Таким образом, под воздействием растущих потребностей, в частности, международной торговли, идёт изменение стратегии функционирования портов за счёт освоения ими новых функций путём создания на их территории предприятий по промышленному и торговому сервису и диверсификации услуг. С развитием контейнерных и мультимодальных перевозок морские порты расширили свои функции за счёт создания транспортно-распределительных центров, осуществляющих взаимодействие с другими видами транспорта, что потребовало расширения инфраструктуры ТЛД за счёт включения в неё информационной инфраструктуры. И в конце XX века на территории портов стали создавать промышленные предприятия, входящие в общую организацион-

ную структуру порта, но не связанные с ним функциональной деятельностью. Среди национальных дальневосточных примеров отметим порт Ванино Хабаровского края, в котором созданы предприятия по производству нефтепродуктов и пиломатериалов (ООО «Трансбункер и СП «ООО «Аркаим») [4].

В связи с созданием промышленных предприятий на территориях портов стали говорить о портово-промышленных узлах, хотя более обобщающим термином следует признать «портово-индустриальный» узел, объединяющий формирование на территории порта не только предприятий по производству промышленной продукции, но и услуг, обеспечивающих в совокупности комплексное развитие портовой зоны.

Рассмотренные тенденции усложняют решение одной из важных задач для транспортно-логистической деятельности морского порта – прогнозирование для него грузовой базы. Подходы к её решению предполагается рассмотреть в следующих статьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Экономика мира в целом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ereport.ru/stat.php?count=world&razdel=country&table=ggecia>.
2. Акаев, А. Шестой большой цикл Кондратьева в развитии мировой экономики вступает в силу / А. Акаев, А. Коротаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2016/06/14/kondratiev/>.
3. Обзор морского транспорта в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2016_ru.pdf.
4. Кореец, Е. А. Ванино-советско-гаванский узел и перевалка каботажных грузов в Хабаровском крае // Регионалистика. – 2016. – Т. 3, № 1. – С. 22–33.

REFERENCES

1. *The economy of the world as a whole*. Available at: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=world&table=ggecia> (accessed 17 August 2017). (In Russian).
2. Akaev A., Korotaev A. *Shestoi bol'shoi tsikl Kondrat'eva v razvitii mirovoi ekonomiki vstupaet v silu* [The sixth big Kondratieff cycle in the development of the world economy comes into force]. Available at: <http://polit.ru/article/2016/06/14/kondratiev/> (accessed 17 August 2017). (In Russian).
3. *Overview of Maritime Transport in 2016*. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2016_ru.pdf (accessed 17 August 2017). (In Russian).
4. Koreets E.A. *Vanino-sovetsko-gavanskii uzul i perevalka kabotazhnykh gruzov v Khabarovskom krae* [Vanino-Soviet-Havana knot and transshipment of cabotage cargo in the Khabarovsk Territory]. *Regionalistika*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 22–33.

УДК 339.73(4/5)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/79-91

А.В. Сибирская¹

ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», г. Минск

E-mail: kordik2004@mail.ru

ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ВАЛЮТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СТРАН ЕАЭС

Аннотация. Страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) продвигаются по пути экономической интеграции, снимая все барьеры для свободного перемещения товаров и услуг, рабочей силы и капитала. Проблемы перехода к единой платежной единице Республики Беларусь и Российской Федерации обсуждались уже давно. Идея введения российского рубля на территории обоих государств, возникшая в 2004 г., так и не превратилась в жизнь. С началом функционирования ЕАЭС тема единой валюты стала обсуждаться уже на уровне пяти стран.

В статье предложены практические рекомендации по одному из сценариев дальнейшей валютной интеграции. Углубление интеграционных связей в рамках Евразийского экономического союза актуализирует проблему валютной интеграции стран-членов ЕАЭС. Для введения единой валюты в настоящее время существуют препятствия в виде значительных различий в уровне социально-экономического развития стран-партнёров. Поэтому целесообразно введение единой наднациональной платёжной единицы, не разрушающей уже сложившиеся национальные платёжные системы. Наднациональную безналичную денежную систему можно считать переходной ступенью между экономическим и валютным союзом.

Целью данной статьи является разработка алгоритма действий по введению наднациональной расчётной единицы, включающей в себя несколько этапов (введение наднациональной расчётной единицы, механизм обменного курса и интервенций, формирование евразийского денежного института). Это позволит странам ЕАЭС получить ряд преимуществ: снизить транснациональные издержки обмена национальной валюты на валюту третьей страны (или СКВ) при расчётах между странами ЕАЭС; высвободить часть СКВ при внутренних расчётах стран ЕАЭС в пользу расчётов в торговле с третьими странами; устранить валютные спекуляции

¹ Альбина Васильевна Сибирская, магистр экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Для цитирования: Сибирская А.В. Объективная необходимость и экономический механизм валютной интеграции на территории стран ЕАЭС // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 79–91.

и колебания обменных курсов, т.е. снизить влияние третьих стран на внутренние экономически процессы ЕАЭС; это позволит странам сохранить суверенные денежно-кредитные и валютные политики.

Ключевые слова: валютная интеграция, ЕАЭС, наднациональная расчётная единица, единая валюта, валютный союз, Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика.

Albina V. Sibirskaya¹

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

E-mail: kordik2004@mail.ru

OBJECTIVE NEEDS AND ECONOMIC MECHANISM FOR FOREIGN EXCHANGE INTEGRATION IN THE TERRITORY OF EAEU COUNTRIES

Abstract. The EAEU countries are moving towards economic integration by removing all barriers to the free movement of goods and services, labor and capital. The problems of transition to the single payment unit of the Republic of Belarus and the Russian Federation was discussed for a long time. The idea of introduction of Russian ruble on the territory of both States emerged in 2004, but did not become a reality. With the start of operation of EAEC, the issue of the single currency was discussed at the level of the five countries.

The article suggests the practical recommendations for one of the scenarios of further monetary integration. Deepening integration within the Eurasian Economic Union actualizes the issue of monetary integration of the EAEU member countries. For the introduction of the single currency, there are obstacles such as significant differences in the levels of socio-economic development of partner countries. Therefore, it is expedient to introduce a single supranational payment unit that preserves the already established national payment system. Supranational cashless monetary system can be regarded as a transitional stage between the economic and monetary union.

The purpose of this paper is to develop an algorithm of actions for the introduction of supranational payment unit, which includes several stages (the introduction of supranational unit of account, exchange rate mechanism and intervention, the formation of a Eurasian monetary Institute). This will allow the EEU countries to obtain a number of advantages: to reduce the transaction costs of exchange of national currency of a third country (or SLE) in the transactions between the two countries; to release a part of SLE for

¹ Albina V. Sibirskaya, Master of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

For citing: Sibirskaya Albina V. Objective needs and economic mechanism for foreign exchange integration in the territory of EAEU countries // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2017. N 4. P. 79–91.

internal transactions of the EAEU countries for settlements in trade with third countries; to eliminate currency speculation and exchange rates fluctuations, i.e. to reduce the impact of third countries on the internal economic processes of the EAEU; all of that will let the country keep a sovereign monetary and exchange rate policies.

Keywords: monetary integration, the Eurasian Union, supranational unit, single currency, monetary Union, the Republic of Belarus, Russian Federation, Republic of Armenia, Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic.

Одной из целей ЕАЭС является создание и поддержание функционирования единой таможенной территории, на которой не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера экспорта и импорта товаров, работ, услуг, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. Для Республики Беларусь создание единой таможенной территории оказало положительные последствия: удельный вес внешнеторгового оборота со странами Таможенного Союза значительно увеличился – более 50 % от общего внешнеторгового оборота (табл. 1).

На протяжении анализируемого периода удельный вес внешнеторгового оборота Республики Беларусь со странами ЕАЭС составляет в среднем 22–27% от общего внешнеторгового оборота. На долю Российской Федерации приходится в среднем 65% общего товарооборота (28 821,2 млн долл. США в 2015 г.). В Республике Казахстан на долю взаимной торговли приходится 9–11% (в 2015 г. – 11,2%). Незначительная доля во взаимной торговле у Республики Армении (0,5-0,6%) и Кыргызской Республики (0,9–1,0%). В товарной структуре взаимной торговли государств-членов ЕАЭС наибольший удельный вес занимают минеральные продукты (27,1% объёма взаимной торговли), из которых 85% на рынок ЕАЭС поставляет Российская Федерация. Существенны поставки машин, оборудования и транспортных средств (17,5% объёма взаимной торговли, из которых 54,7% приходится на Российскую Федерацию и 41,9% – на Республику Беларусь).

Доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья составила 16,1% объёма взаимной торговли, из которых 52,5% приходится на Республику Беларусь и 35,9% – на Российскую Федерацию. На долю продукции химической промышленности пришлось 12,4% объёма взаимной торговли, из которых 60% поставлено Российской Федерацией.

Экспорт товаров Республики Беларусь увеличился в 2015 году на 2,2%. По машинам, оборудованию и транспортным средствам зафиксировано увеличение показателя на 13,5% (27,8%), по продукции химической промышленности – на 6,8%, по текстилю, текстильным изделиям и обуви – на 24,3%. Поставки продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья уменьшились на 7% (31,9% общего объёма экспорта Республики Беларусь во взаимной торговле).

Таблица 1

Взаимная торговля стран ЕАЭС, млн долл. США [1]

Страны	2010		2011		2012		2013		2014		2015	
	млн долл. США	уд. вес, %										
Республика Армения	-	-	-	-	-	-	-	-	323,9	0,5	256,2	0,6
Республика Беларусь	10418,4	22,1	15182,9	24,1	17116,3	25,2	17708,4	27,4	16179,1	26,4	11007,8	24,1
Республика Казахстан	5999,2	12,7	7103,3	11,3	6228,7	9,2	5933,6	9,2	7155,1	11,7	5120,3	11,2
Российская Федерация	30717	65,2	40814,7	64,7	44511,4	65,6	40878,1	63,4	36887,6	60,3	28821,2	63,2
Кыргызская Республика	-	-	-	-	-	-	-	-	637,6	1,0	399,8	0,9
ЕАЭС	47134,6	100,0	63100,9	100,0	67856,4	100,0	64520	100,0	61183,3	100,0	45605,3	100,0

Объём экспорта Республики Казахстан на общий рынок уменьшился на 23,5% за счёт сокращения поставок минеральных продуктов на 39,2% (33,4% общего объёма экспорта Республики Казахстан во взаимной торговле), продукции химической промышленности – на 28,5% (19%), продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – на 10,7% (10,8%), в то время как по металлам и изделиям из них зафиксирован рост на 15,4% (25,7%).

На спад торговли услугами оказывает влияние мировой кризис, который затронул и Республику Казахстан. Аналитики назвали показатели внешней торговли Республики Казахстан самыми пессимистическими за 62 предыдущих года. Причинами спада показателей внешней торговли можно назвать как спад промышленного производства и сокращение финансирования инвестиционных проектов в Казахстане, так и неожиданное снижение потребительского спроса на продовольственные и непродовольственные товары.

Рост импорта готовой продукции обусловлен следующими факторами в равных долях:

- средства производства;
- потребительские товары;
- промежуточные товары (трубная продукция, металлоконструкции, проводники т.д.).

Объём экспорта Кыргызской Республики в государства-члены ЕАЭС увеличился на 4,4%. Объёмы поставок минеральных продуктов возросли в 2,7 раза (27,6% общего объёма экспорта Кыргызской Республики во взаимной торговле), продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – на 3,1% (26%). Уменьшился объём экспорта текстиля, текстильных изделий и обуви на 9,2% (30,2%), машин, оборудования и транспортных средств – на 44,9% (6,1%).

Экспорт Российской Федерации на рынок ЕАЭС уменьшился на 7,9% за счёт сокращения поставок минеральных продуктов на 20,9% (36,9% общего объёма экспорта Российской Федерации во взаимной торговле), машин, оборудования и транспортных средств – на 10,6% (15,4%), металлов и изделий из них – на 7,5% (11,5%).

Во взаимной торговле государств-членов ЕАЭС преобладают товары промежуточного назначения (60,6%). На прочие промежуточные товары приходится 37,8%, на энергетические товары – 22,8%. Потребительские товары занимают 25,7% взаимного товарооборота, 8,3% приходится на товары инвестиционного назначения.

На рис. 1 приведён удельный вес внешнеторгового оборота со странами ЕАЭС относительно общего внешнеторгового оборота по отдельным странам.

Таким образом, по результатам проведённого анализа можно судить о достаточно высоком удельном весе внешней торговли стран Таможенного союза в общем внешнеторговом обороте.

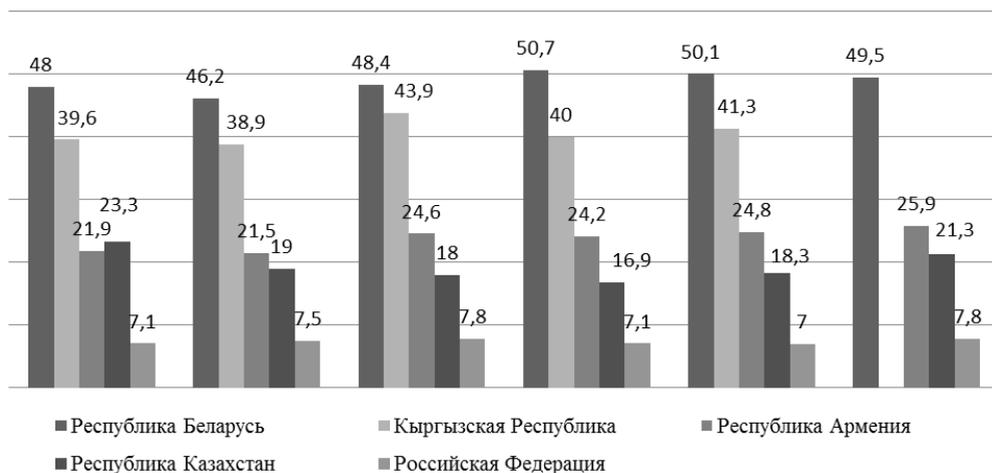

Рис. 1. Удельный вес внешнеторгового оборота со странами ЕАЭС относительно общего товарооборота, %

Неблагоприятным фактором, с точки зрения теории оптимальных валютных зон, является преобладание во взаимной торговле товаров с низкой добавочной стоимостью, или сырьевых ресурсов, над готовой продукцией. Основными статьями экспорта Российской Федерации и Республики Казахстан являются сырьевые ресурсы, в основном природный газ, нефть и нефтепродукты.

По статистическим данным, в расчётах между Республикой Беларусь и Российской Федерацией российский рубль используется в 56% случаев, между Российской Федерацией и Республикой Казахстан – 59% случаев, а между Республикой Беларусь и Республикой Казахстан – максимум 32% случаев [2].

В пользу введения единой валюты выступал Президент Казахстана ещё в 2009 г., отмечая в своём выступлении: «Сегодня у ЕврАзЭС есть все основания, чтобы снизить кризисную нагрузку генетически дефектной мировой валюты на экономики наших стран: внутри интеграционного объединения может быть введена своя собственная единая межгосударственная наднациональная безналичная расчётно-платёжная единица <...> платёжный курс такой валюты, как «евраз» не должен зависеть от колебаний мировых валют <...> Новая валютная система, не ломая уже сложившихся валютных систем, позволит вести стабильное инвестирование и операционные текущие трансакции» [3].

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко следующим образом характеризует дальнейшую интеграцию ЕАЭС: «...благодаря тесным экономическим, политическим и другим связям между нашими государствами мы уже имеем прекрасную возможность не только реализовывать товары на огромном рынке, но и совместно защищать интересы своих стран от внешних угроз. Чувствуя братское

плечо, легко проходить через новые политические и экономические вызовы, а их впереди будет немало».

Существуют различные сценарии валютной интеграции в рамках ЕАЭС:

1. Валютный союз, опирающийся на использование в обращении национальных денежных единиц, имеющихся национальных органов регулирования денежно-кредитной и валютной политики, но при условии наличия общего координирующего центра;

2. Введение единой денежной единицы на территории ЕАЭС с единым эмиссионным центром, единой денежно-кредитной и валютной политикой и Единым Центральным Банком;

3. Осуществление валютной интеграции путём введения наднациональной безналичной расчётной единицы, действующей наравне с национальной денежной системой.

Несмотря на то, что процесс сближения экономик стран ЕАЭС и унификации политик уже начался, на данный момент всё ещё существуют различия в экономиках стран ЕАЭС. Возможно, в будущем социально-экономические показатели будут выравнены, и всё будет благоприятствовать введению единой валюты. Учитывая все эти факторы, целесообразно создать единое валютное пространство (ЕВП) посредством введения наднациональной расчётной единицы союза (НРЕС), не разрушающей уже сложившиеся национальные платёжные системы.

Основу функционирования ЕВП будут составлять три структурных элемента: непосредственно НРЕС, механизм обменного курса и интервенций и Евразийский денежный институт.

Введение расчётно-безналичной единицы будет выполнять поставленные задачи:

1. Укрепление валютной стабильности;
2. Упрощение конвергенции процессов экономического развития;
3. Оказание стабилизационного воздействия на экономические и валютные процессы.

1. НРЕС

НРЕС – это составная валютная единица, состоящая из определенных долей валют стран – членов ЕАЭС. Данные доли не являются невозвратно зафиксированными и могут претерпевать изменения.

НРЕС будет выполнять четыре основные функции:

1. Центральный курс в механизме обменных курсов;
2. Основная валюта для осуществления сделок на территории ЕАЭС;
3. Основное средство расчёта между финансовыми институтами ЕАЭС;
4. Основа для показаний отклонений в экономике.

Безналичная платёжная единица будет сформирована по принципу корзины валют. В неё будет входить 20% золотовалютных запасов стран ЕАЭС. Формиро-

вание такой корзины валют позволит сформировать систему кратко- и среднесрочного кредитования, как по системе «своп», так и среднесрочного кредитования до 5 лет на суммы, установленные в зависимости от размера корзины валют.

НРЕС будет обеспечиваться 20% золотовалютных резервов стран-участниц, которые будут внесены на депозитные счета Евразийского Центрального банка в форме 3-месячных возобновляемых свопов.

Определим долю каждой страны в безналичной валютной единице путём отношения основных социально-экономических показателей стран к ЕАЭС в целом (табл. 2):

$$\frac{\text{ВВП страны}}{\text{ВВП ЕАЭС}}$$

Таблица 2

Расчётные показатели стран ЕАЭС для расчёта корзины валют за 2015 г. [5]

Страны	ВВП		ВВП по ППС		Официальный обменный курс, ед. нац. валют за 1 долл.	ППС, ед. нац. валют за 1 долл.
	млрд долл. США	доля, %	млрд долл. США	доля, %		
Республика Армения	10,6	0,67	25,3	0,60	477,92	199,28
Республика Беларусь	53,5	3,37	167,5	3,94	15864,6	5176,53
Республика Казахстан	184,3	11,61	453,3	10,67	221,73	90,04
Российская Федерация	1332,1	83,93	3579,8	84,28	60,66	22,57
Кыргызская Республика	6,6	0,42	20,4	0,48	64,46	20,75
ЕАЭС	1587,1	100	4247,5	100,00	-	-

Наибольший удельный вес ВВП (более 83,93%) приходится на Российскую Федерацию, соответственно она и будет иметь значительную долю в корзине валют.

Наименьшую долю в корзине валют будет иметь Кыргызская Республика (0,42%) (табл. 3). В табл. 3 приведены расчёты доли каждой страны ЕАЭС в корзине валют.

Если одна из валют ревальвирует относительно другой валюты, то её вес также увеличится, поскольку корзина валют НРЕС формируется за счёт двух факторов:

переменного (стоимость НРЕС, выраженная в валюте одной из стран-участниц) и постоянного (количества долей валют в корзине НРЕС). Этот механизм будет работать и в обратном порядке, при девальвации одной из валют.

Таблица 3

**Доля валют стран ЕАЭС в корзине валют
на примере показателей 2014 года, %**

№ п/п	Страна	Доля
1	Российская Федерация	83,93
2	Республика Казахстан	11,61
3	Республика Беларусь	3,37
4	Республика Армения	0,67
5	Кыргызская Республика	0,42

2. Механизм обменного курса и интервенций

Характерной особенностью механизма будет являться базирующийся на НРЕС показатель отклонений.

Механизм отклонений будет представлять собой систему фиксированных обменных курсов с узким коридором колебаний в $\pm 3.00\%$ в обе стороны.

Будет установлен допустимый порог отклонений в 75%, при достижении которого необходимо будет проводить двусторонние интервенции. Такие «индикаторы» курса будут сигналом того, что у одной из валют, участвующих в союзе, появились отклонения в развитии, отличные от показателей развития других валют союза [6]. Определение порога отклонений будет рассматриваться как произведение максимально допустимого отклонения на допустимый порог колебаний и на долю валюты в корзине валют в относительном измерении. Максимально допустимый порог колебаний по каждой стране будет определён по следующей формуле:

$$I_{\text{откл}} = 0,3 * 0,75 * (1 - \text{удельный вес в корзине валют}/100),$$

где: 0,3 (3%) – максимально допустимое отклонение;

0,75 (75%) – допустимый порог колебаний;

удельный вес в корзине валют/100 – отношение, позволяющее избавиться от процентного измерения.

Значения допустимого порога колебаний представлены в табл. 4.

На основании паритета доля каждой валюты в корзине валют НРЕС будет рассчитана следующим образом:

$$\text{НРЕС}_i = D_i * \text{ППС}_i$$

где: i – конкретная страна – член ЕАЭС.

Курс НРЕС за 1 долл. США будет определяться следующим образом:

$$\text{Курс}_{\text{НРЕС/USD}} = \sum(D_i * 1 / \text{Курс}_i).$$

Результаты приведены в табл. 5.

Таблица 4

**Максимально допустимый порог колебаний курса валют стран ЕАЭС
относительно показателей 2015 г., %**

Страна	Порог отклонения
Российская Федерация	0,36
Республика Казахстан	1,99
Республика Беларусь	2,17
Республика Армения	2,24
Кыргызская Республика	2,24

Таблица 5

Обменный курс НРЕС к долл. США

Страна	Курс НРЕС к 1 долл. США	ППС единицы НРЕС за 1 долл. США
Республика Армения	3,202	1,34
Республика Беларусь	534,637	174,45
Республика Казахстан	25,743	10,45
Российская Федерация	50,912	18,94
Кыргызская Республика	0,271	0,09
ЕАЭС	614,765	

При использовании данной валютной системы – наднациональной безналичной денежной единицы – не возникает дополнительных существенных издержек по эмиссии новых денежных знаков и нет необходимости создания инфраструктуры общей денежно-кредитной и валютной политики.

Страны ЕАЭС ведут политику унификации законодательства в области валютного регулирования. В денежно-кредитных политиках трёх стран также нет существенных различий. Те различия, которые были выявлены, связаны с особенностями разного экономического развития стран.

3. Евразийский денежный институт

Функцию денежного института будут выполнять Коллегия по валютной политике и интеграции ЕЭК, созданная при Евразийской экономической комиссии, и Евразийский Центральный банк (рис. 2).

Так как страны не теряют национальные денежные системы, национальные банки продолжают выполнять свои функции, а также будут осуществлять контроль обращения наднациональной безналичной денежной единицы, но под контролем Евразийского центрального банка (далее – ЕЦБ).

Рис. 2. Схема функционирования безналичной денежной единицы в ЕАЭС

Задачами Коллегии по валютной политике и интеграции будут:

- ежедневный расчёт курса НРЕС на основании её валютных компонентов (основой расчёта будут являться обменные курсы соответствующих валют на национальных рынках стран-участниц по состоянию на расчётную дату);
- осуществление расчётов курса НРЕС по отношению к пяти крупным мировым валютам.

Курсы, рассчитанные Коллегией, будут представлять среднюю величину.

Наднациональную безналичную денежную систему можно считать переходной ступенью между экономическим и валютным союзом. При рассмотрении варианта создания валютной зоны и сохранения своей национальной независимости возникает вариант введения безналичной наднациональной денежной единицы. Данный путь развития имеет свои преимущества:

1. Позволит снизить транснациональные издержки обмена национальной валюты на валюту третьей страны (или СКВ) при расчётах между странами ЕАЭС;
2. Позволит высвободить СКВ при внутренних расчётах стран ЕАЭС в пользу расчётов в торговле с третьими странами;
3. Устранит валютные спекуляции и колебания обменных курсов, т.е. снизит влияние третьих стран на внутренние экономические процессы ЕАЭС;

4. Не требует дополнительных затрат на создание инфраструктуры регулирования денежно-кредитной и валютной политики, а также на эмиссию новых денежных знаков;
5. Позволит сохранить странам ЕАЭС суверенные денежно-кредитные и валютные политики;
6. Будет способствовать достижению конвертируемости национальных валют стран ЕАЭС;
7. Позволит упростить бухгалтерский учёт за счёт унификации законодательства;
8. Будет являться деноминатором для требований и обязательств, возникающих между ЕЦБ ЕАЭС в разрезе их интервенций для поддержания курса своей валюты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Взаимная торговля товарами государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства за 2015 год : стат. бюллетень / Евразийская экономическая комиссия. – М. : Изд-во ООО «Сам Полиграфист», 2016. – 240 с.
2. Вардеванян, Г. Зависимость коэффициента монетизации от уровня экономического развития страны / Г. Вардеванян, А. Готовский // Банковский вестник. – 2004. – Январь. – С. 8–13.
3. Устойчивое развитие Казахстана в условиях глобализации: модели, стратегии, приоритеты и механизмы реализации / Министерство образования и науки Республики Казахстан, Институт экономики. – Алматы : ИЭ, 2008. – кн. 1 / [О. С. Сабден и др.]. – 302 с.
4. Якубович, П. Открытый урок искренности и дела: пресс-конференция Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко // Беларусь сегодня. – 2013. – № 193 (24328). – С. 1–4.
5. Социально-экономическое положение государств – членов Таможенного Союза и Единого экономического пространства в январе-сентябре 2015 года : стат. бюллетень / Евразийская экономическая комиссия. – М., 2015. – 145 с.
6. Тарасов, В. Проблемы создания региональной резервной валюты // Банковский вестник. – 2009. – Май. – С. 17–25.

REFERENCES

1. *Mutual trade in goods of member States of the Customs Union and the common economic space in 2015: Statistical Bulletin.* The Eurasian economic Commission. – Moscow : Publishing house ООО "Sam poligrafist", 2016. 240 p. (In Russian).
2. Vardevanian G., Gotovskii A. Zavisimost' koeffitsienta monetizatsii ot urovnya ekonomicheskogo razvitiya strany [The dependence of the coefficient of monetization of

the level of economic development of the country. *Bankovskii vestnik* [Bank Bulletin], 2004, Jan., pp. 8–13.

3. *Sustainable development of Kazakhstan in conditions of globalization: models, strategies, priorities and mechanisms of implementation. Book 1.* Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Institute of Economics. Almaty: IE Publ., 2008. 302 p. (In Russian).

4. Yakubovich P. Otkrytyi urok iskrennosti i dela: press-konferentsiya Prezidenta Respubliki Belarus' Aleksandra Grigor'evicha Lukashenko [Open lesson of sincerity and business: press-conference of the President of the Republic of Belarus Alexander Lukashenko]. *Belarus' segodnya* [Belarus Today], 2013, no. 193 (24328), pp. 1–4.

5. *The socio-economic situation of the member States of the Customs Union and the common economic space in January-September 2015: statistical Bulletin.* The Eurasian economic Commission. – Moscow, 2015. – 145 p. (In Russian).

6. Tarasov V. Problemy sozdaniya regional'noi rezervnoi valyuty [Problems of establishing a regional reserve currency]. *Bankovskii vestnik* [Bank Bulletin], 2009 May, pp. 17–25.

**ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКСТРЕМИЗМУ И КОРРУПЦИИ**
**LEGAL ISSUES OF COUNTERACTION
TO EXTREMISM AND CORRUPTION**

УДК 343.326:351.9(470+510)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/92-106

Лун Чанхай¹

Юридический институт Университета Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай

E-mail: longchanghai@yandex.ru

Н.Н. Коротких²

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-mail: korotkikh.nn@dvfu.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВОПРОСОВ, КАСАЮЩИХСЯ КОНТРОЛЯ
НАД ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ И КИТАЕ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем регулирования государственного контроля в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом в России и Китае. Анализируются различные приёмы и способы мер профилактического воздействия, их законодательного закрепления и места в системе норм двух государств. И в России, и в Китае предусмотрен одинаковый подход к пониманию экстремизма и терроризма как одним из основных социальных опасностей, угрожающих позитивному развитию общества и государства. В статье даётся анализ судебной практики по привлечению лиц к уголовной ответственности судами Китайской Народной Республики и Российской Федерации, выделены особенности лиц, совершающих насильственные террористические преступления, показаны национальные особенности проявления терроризма и экстремизма в Китае. Рассмотрены вопросы закрепления отдельных составов преступлений, носящих террористический и экс-

¹ Лун Чанхай, кандидат юридических наук, профессор Юридического института Университета Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай.

² Наталья Николаевна Коротких, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Лун Ч., Коротких Н.Н. Исследование вопросов, касающихся контроля над террористической и экстремистской преступностью в России и Китае // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 92–106.

тремистский характер в уголовном законодательстве Китая и России. В статье отмечается, что помимо уголовно-правовых методов борьбы с террористической и экстремистской преступностью страны активно разрабатывают и применяют меры профилактики данных негативных явлений. Показан положительный опыт Китая в разработке отдельных мер предупреждения преступлений. Статья представляет интерес для специалистов по сравнительному праву, исследователей социального развития Китая и России, а также для всех интересующихся уголовно-правовой наукой.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, Россия, Китай, уголовное законодательство, насилие, предупреждение, противодействие.

Lung Changhai¹

Law Institute of the University of Inner Mongolia, Huhhoto, PRC

E-mail: longchanghai@yandex.ru

Natalya N. Korotkikh²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: korotkikh.nn@dvfu.ru

**INVESTIGATION OF ISSUES RELATING TO CONTROL
OVER TERRORIST AND EXTREMIST CRIME IN RUSSIA AND CHINA**

Abstract. The article is devoted to the problems of regulation of state control in the sphere of combating terrorism and extremism in Russia and China. Various approaches and methods of preventive measures, their legislative consolidation and place in the system of norms of the two states are analyzed. Both Russia and China practice the same approach to understanding extremism and terrorism as one of the main social dangers threatening the positive development of society and the state. The article gives an analysis of judicial practice on bringing individuals to criminal responsibility by the courts of the People's Republic of China and the Russian Federation, outlines the characteristics of persons committing violent terrorist crimes, and shows the national characteristics of the manifestation of terrorism and extremism in China. The issues of fixing the separate components of crimes that are of a terrorist and extremist nature in the criminal legisla-

¹ Lung Chang Hai, Doctor of law, Professor of Law Institute of the University of Inner Mongolia, Huh Hoto, China.

² Natalia N. Korotkikh, Doctor of law, Assistant Professor of Criminal Law and Criminology Department of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Lung C.H., Korotkikh N.N. Investigation of Issues Relating to Control over Terrorist and Extremist Crime in Russia and China // *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*. 2017. № 4. С. 92–106.

tion of China and Russia are considered. The article notes that in addition to legal methods to combat terrorist and extremist crime, the countries actively develop and apply the measures to prevent these negative phenomena. China's positive experience in developing separate measures for crime prevention is shown. The article is of interest to specialists in comparative law, researchers of social development in China and Russia, as well as for all those interested in criminal law.

Keywords: terrorism, extremism, Russia, China, criminal legislation, violence, prevention, counteraction.

Терроризм и экстремизм тесно взаимосвязаны: экстремизм представляет собой почву и очаг зарождения терроризма, а терроризм является насильственной формой выражения экстремизма. Экстремизм и терроризм зачастую связаны с сепаратизмом. Религиозный экстремизм, насильственный терроризм и этнический сепаратизм представляют собой наиболее опасные формы выражения экстремизма, сепаратизма и терроризма как во всем мире, так и в Китае и в России. Преступления террористической направленности, экстремистские преступления создают огромную угрозу для государственной безопасности, территориальной целостности, социальной стабильности, экономического развития и общественного спокойствия и в Китае, и в России и, кроме того, эти преступления уже превратились в серьезную угрозу, препятствующую развитию общества в целом.

Многоликость террористической и экстремистской преступности породили проблему общемирового юридического и политического понимания данных явлений. Тем более что после окончания холодной войны они трансформируются, приобретая при этом не только политическую, но и религиозную направленность, распространяются в сферы экономики, бизнеса и других общественных отношений, в том числе и криминальных.

Внутри Китая террористические атаки главным образом происходят в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Согласно данным, представленным департаментом общественной безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района, начиная с 2009 г. каждый год в Синьцзяне ликвидируются, в среднем, более 100 группировок, угрожающих общественной безопасности. Только за 2012 г. в СУАР было раскрыто более 190 дел, связанных с насильственным терроризмом, что намного больше, чем в 2011 г. [1]. Начиная с 2014 г. китайское правительство развернуло специальную кампанию по борьбе с терроризмом, выбрав в качестве основного поля боя СУАР. Согласно официальным информационным источникам Китая, в ходе данной кампании, направленной на решительную борьбу с преступлениями террористической направленности, «была ликвидирована 181 террористическая группировка, 96,2% преступных террористических группировок были уни-

чтожены на стадии приготовления. Синьцзянская полиция раскрыла 81 преступление по заявлениям граждан, 112 лиц, скрывающихся от правосудия, явились с повинной» [2]. Китайские правоохранительные органы различных уровней также усилили борьбу с преступлениями террористической направленности. Согласно статистике, в 2014 г. «народные суды Китая различных ступеней рассмотрели 558 дел о таких преступлениях, как подстрекательство к расколу государства, насильственные террористические атаки, 712 человек были осуждены; в 2013 г. суды Китая различных ступеней в общей сложности рассмотрели 486 уголовных дел, связанных с подстрекательством к расколу государства, насильственными террористическими атаками, количество лиц, совершивших данные преступления, достигло 628 человек» [3]. Таким образом, на основе статистических данных китайских судов за 2013 и 2014 гг. можно заметить, что насильственная террористическая преступность всё же проявляет тенденцию к росту.

По данным МВД России, преступления террористического характера с 2015 г. стали совершаться в два раза чаще, чем ранее. Основным «очагом» террористических атак в России является Северный Кавказ, что во многом связано с конкретными социально-экономическими показателями развития региона. Лидеры по террористической угрозе – Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Чеченская Республика. В 2015 г. зарегистрировано 1 531 преступление террористического характера (+35,8%) и 1 308 преступлений экстремистской направленности [4].

Среди преступлений экстремисткой направленности наиболее классическими являются преступления, связанные с религиозным экстремизмом. На примере Синьцзяна можно выделить следующие формы таких преступлений.

Классическим проявлением идей религиозного экстремизма выступают извращенные религиозные учения, которые, прикрываясь маской религии, ведут террористическую деятельность, направленную на раскол Китая. Можно выделить три особенности распространяемых экстремистскими силами идей религиозного экстремизма. Во-первых, явный политический характер. Религиозные экстремисты призывают «не подчиняться кроме Аллаха никакому правительству и никому» и стремятся создать халифат, в котором не будет светской власти. Во-вторых, крайняя исключительность. Религиозные экстремисты преднамеренно расширяют элемент исключительности в религиозном учении, рассматривают всех, кто не верит в Аллаха, как иноверцев: их высмеивают, над ними глумятся, изолируют от остальных, запугивают, вплоть до того, что их калечат, провоцируя религиозный фанатизм и обостряя межнациональный конфликт. В-третьих, ярко выраженный насильственный характер. Религиозные экстремисты проповедуют идеи о том, что «погибшие в священной войне будут введены в рай», применяют такие бесчеловечные методы насильственного терроризма, как убийства, взрывы, мятежи, причиняя вред представителям различных национальностей, пытаясь разжечь межнациональную рознь,

расколоть государство [5]. Не трудно заметить, что такого рода фанатические идеи религиозного экстремизма характерны не только для Китая, но и для России. А многочисленные примеры террористических атак в других странах (Испании, Франции, Турции и др.) наглядно демонстрируют, что распространение подобных идей является движущей силой совершения насильственных действий террористами, приводит к хаосу в системе общественных взглядов и ценностей. Религиозные экстремисты посредством идей религиозного экстремизма подрывают государственное правоприменение, провоцируют межнациональную рознь, разрушают социальную гармонию, что в конечном итоге приводит к масштабным насильственным террористическим инцидентам.

Существенным условием, которое могло бы препятствовать росту экстремизма и терроризма в наших странах и способствовать более успешной борьбе с данными преступлениями, является совершенствование нормативно-правовой и научно-методологической базы.

После потрясшего весь мир теракта 11 сентября 2001 г. в США Китай поддержал резолюцию ООН № 1373, в очередной раз внёс поправки в статьи УК КНР, связанные с борьбой с терроризмом. Эти изменения были отражены в Поправках к УК КНР (№ 3).

29 декабря 2001 г. Поправки к УК КНР были приняты на 25-й сессии Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей (далее – ПК ВСНП) 9-го созыва. В данных поправках особо отмечено, что они принимаются только с целью наказать за преступления террористической направленности, гарантировать безопасность государства, охрану жизни и собственности граждан, защитить общественный порядок. Их основное содержание включает в себя следующие пункты. Во-первых, усиление борьбы с организаторами и руководителями террористических организаций. Предусмотренное в УК КНР 1997 г. наказание в виде лишения свободы на срок от трёх до десяти лет было ужесточено до лишения свободы на срок от 15 лет или пожизненного лишения свободы. Во-вторых, было криминализовано оказание финансовой помощи террористической деятельности. Теперь лица, оказывающие финансовую помощь террористической организации или лицам, занимающимся террористической деятельностью, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет, арестом, надзором или лишением политических прав, со штрафом; при отягчающих обстоятельствах – лишением свободы сроком от пяти лет и более со штрафом или конфискацией имущества. Также предусмотрена уголовная ответственность организаций за финансирование террористической деятельности. В-третьих, были внесены изменения в некоторые составы преступлений, предусмотренных УК КНР 1997 г. и имеющих отношение к террористической деятельности. Регламентированное в ст. ст. 114, 115 УК КНР «отравление» заменили на «распространение отравляющих веществ», расширив таким образом границы со-

става преступления. Статью 125 УК КНР изменили на «Незаконные изготовление, купля-продажа, транспортировка, хранение таких веществ, как ядовитые, радиоактивные вещества, возбудители инфекционных заболеваний», что также усилило борьбу с террористической деятельностью. В-четвертых, с целью предотвращения получения террористическими организациями денежных ресурсов Поправки к УК КНР (№ 3) расширили границы отмывания денег, включив в состав данного преступления оказание помощи в отношении имущества, заведомо добытого в результате совершения преступлений террористической направленности. В-пятых, с целью реагирования на террористическую деятельность Поправки к УК КНР ввели понятия «распространение заведомо поддельных опасных веществ» и «умышленное распространение информации, носящей террористический характер». В результате распространение таких веществ, как взрывчатые, ядовитые, радиоактивные вещества, вещества, содержащие возбудителей инфекционных заболеваний», а также сообщение ложной террористической информации об угрозе взрыва, биохимической, радиоактивной опасности, либо умышленное распространение заведомо ложной террористической информации стало наказываться лишением свободы на срок до пяти лет, арестом либо надзором. Те же деяния, повлекшие серьезные последствия, наказываются лишением свободы на срок от пяти лет и более.

29 августа 2015 г. ПК ВСНП принял Поправки к Уголовному кодексу КНР (№ 9), далее – Поправки к УК КНР (№ 9). Данные поправки к уголовному законодательству регламентировали пять составов преступлений, введение которых связано с борьбой с экстремистской преступностью.

Во-первых, были криминализованы такие подготовительные действия, как приготовление оружия, организация обучения и зарубежные контакты с целью осуществления террористической деятельности.

Согласно ст. 120.2 УК КНР совершение одного из указанных ниже деяний наказывается лишением свободы на срок до пяти лет, арестом, надзором или лишением политических прав со штрафом, при отягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок от пяти лет со штрафом или конфискацией имущества: приготовление оружия, опасных веществ или иных орудий для ведения террористической деятельности, организация обучения или активное участие в обучении по осуществлению террористической деятельности, контакты с зарубежными террористическими организациями или лицами для осуществления террористической деятельности, планирование или иные подготовительные действия с целью осуществления террористической деятельности. Если любое из вышеперечисленных деяний содержит состав другого преступления, то деяние квалифицируется и наказывается по санкции за более тяжкое из этих преступлений.

Во-вторых, установлена ответственность за преступление, связанное с пропагандой терроризма, экстремизма, призывами к осуществлению террористической

деятельности. Согласно ст. 120.3 пропаганда терроризма, экстремизма или призывы к осуществлению террористической деятельности путём изготовления, распространения литературы, аудио и видеоматериалов или иных предметов, пропагандирующих терроризм, экстремизм, а также пропаганда этих идей путём лекций, публикации информации – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет, арестом, надзором или лишением политических прав со штрафом, при отягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок от пяти лет со штрафом или конфискацией имущества.

В-третьих, криминализовано деяние, связанное с побуждением, понуждением народных масс при помощи экстремизма к подрыву национальной правовой системы. Согласно ст. 120.4 УК КНР побуждение, понуждение при помощи экстремизма народных масс к нарушению регламентированных национальным законодательством институтов брака, юстиции, образования, общественного регулирования наказывается лишением свободы сроком до трёх лет, арестом, надзором, со штрафом; при отягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок от трёх до семи лет, со штрафом; при особо отягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок от семи лет, со штрафом или конфискацией имущества.

В-четвертых, установлена ответственность за понуждение других лиц к ношению одежды, знаков, пропагандирующих терроризм, экстремизм. Согласно ст. 120.5 УК КНР понуждение других лиц путём насилия, угроз к ношению в общественных местах одежды, украшений и знаков, пропагандирующих терроризм, экстремизм, наказывается лишением свободы на срок до трёх лет, арестом или надзором, со штрафом.

В-пятых, криминализовано владение предметами, заведомо пропагандирующими терроризм, экстремизм. Согласно ст. 120.6 УК КНР незаконное владение книгами, аудио и видеоматериалами или иными предметами, заведомо пропагандирующими терроризм и экстремизм, при отягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы сроком до трёх лет, арестом или надзором и дополнительно или в качестве самостоятельного наказания – штрафом.

В уголовном законодательстве Российской Федерации также содержится обширный список действий террористической и экстремистской направленности, за которые предусмотрены различные наказания: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной

или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединённые с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединённое с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путём предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Уголовное законодательство играет позитивную, незаменимую роль в сфере реагирования на террористическую и экстремистскую преступность. Однако уголовно-правовые методы всё же являются крайними (исключительными) методами, государство, применяя уголовное право в борьбе с преступностью, должно в полной мере учитывать ограниченность его возможностей.

Одним из основных и важнейших направлений противодействия экстремизму в России и Китае является его профилактика, т.е. предупредительная работа по предотвращению подобных проявлений.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» основными направлениями противодействия являются: 1) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих ее осуществлению; 2) выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц [6]. Помимо этого в России существует и Федеральный закон «О противодействии терроризму» [7], где также прописан ряд профилактических мер. Подобные и другие законы действуют и в Китае.

Например, 27 декабря 2015 г. на 18-й сессии ПК ВСНП 12-го созыва был принят Закон КНР «О борьбе с терроризмом», который регламентировал предотвращение терроризма по четырём направлениям. Во-первых, разработаны базовые превентивные меры, которые включают в себя пропаганду и образование, управление кибербезопасностью, проверку информации о перевозимых и отправляемых грузах, контроль опасных ве-

шеств, предотвращение финансирования терроризма, городское и сельское планирование и технологическую защиту, физическую защиту и т.д. Во-вторых, борьба с терроризмом начинается с борьбы с экстремизмом, и закон чётко указал, что государство выступает против любых форм экстремизма, кроме того подчеркнул, что экстремизм является идеологической основой терроризма. В-третьих, разработана защита целей и функций ключевых организаций государства, важнейших институтов безопасности компетентных ведомств. В-четвёртых, планируется административный контроль государственных границ и предотвращение опасности из-за границы, включая функции пограничного регулирования, контроль и управление въездом и выездом, защита за границей интересов Китая, меры внутренней безопасности в заграничных учреждениях и т.д. [8].

Кроме того, антитеррористический закон регламентировал создание государственного информационного центра по борьбе с терроризмом и внедрение системы межведомственного информационного взаимодействия; ввёл такие понятия, как спецслужбы, низовые информационные силы, информационное регулирование, обмен информацией оперативного характера; установил, что органы общественной безопасности, органы государственной безопасности, военное ведомство в рамках своих полномочий ведут контртеррористическую работу и проверяют информацию о террористических актах, при наличии разрешения могут проводить технические разведывательные мероприятия, могут истребовать информацию, делать запросы, приостанавливать операции, замораживать сделки, накладывать арест, принимать ограничительные меры в отношении подозреваемого [8].

Исследуя экстремистские преступления и насильственные преступления террористической направленности, прежде всего необходимо выявить индивидуальные особенности тех лиц, которые совершают данные преступления, т.е. определить круг основных субъектов профилактического воздействия.

Можно выделить следующие особенности лиц, совершающих насильственные террористические преступления в Китае.

Во-первых, низкий культурный уровень лиц, совершающих насильственные террористические преступления. Эта особенность очень ярко выражена. Прокуратурой округа Кашгар (СУАР) с 2003 г. по 2007 г. было возбуждено 66 дел в отношении террористической организации Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, количество лиц, причастных к данным делам, достигло 257 человек. Среди этих 257 лиц начальное образование имели 109 человек, что составило 42,4% от общего числа, среднее образование первой ступени – 119 человек, что составило 46,3%. Среди указанных выше лиц количество лиц с начальным или средним образованием первой ступени составило 88,7% [9]. Как констатировал один китайский учёный, практически все террористы – это представители низших слоёв общества с низким уровнем образования и с промытыми идеями религиозного экстремизма мозгами [10]. Даже в некоторых статьях китайских СМИ высказывается мнение, что среди лиц, принимаю-

щих участие в насильственных террористических преступлениях, лица с неполным средним образованием и ниже составляют 95% [1].

Во-вторых, очевидной особенностью является довольно молодой возраст лиц, совершающих насильственные террористические преступления. В основном это – представители поколения 80-х и 90-х гг. XX века. Одному из трёх преступников, участвовавших в теракте 15 июня 2014 г. в Синьцзяне, было 19 лет, двое других на момент совершения преступления не достигли восемнадцатилетнего возраста. Конечно же, тенденция снижения возраста террористов вовсе не является особенностью, присущей только Китаю, она представляет собой общее свойство террористов различных стран. В 2014 г. две австрийки 15 и 16 лет, Сара и Сабина, отправившись в Сирию участвовать в священной войне, впоследствии было установлено, что эти две девушки прошли религиозное обучение по Интернету и попали под влияние идей экстремизма [11].

В-третьих, в структуре лиц, совершающих насильственные террористические преступления, всё больше встречаются женщины-участницы. Так, 28 октября 2013 г. на площади Тяньаньмэнь террорист с женой и матерью, находясь в автомобиле, совершили теракт. Среди восьми участников террористического акта, произошедшего в 2014 г. на железнодорожном вокзале в Куньмине, были две женщины. Одна из задержанных – беременная женщина – призналась, что в общей сложности зарубила более 30 человек [12].

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, проведённого на основании изучения 200 приговоров, вынесенных судами Российской Федерации за период с 1997 г. по 2014 г., террористами становятся, как правило, мужчины молодого (до 30 лет – 63%) либо зрелого (от 30 до 50 лет – 21%) возраста, недостаточно образованные (лишь 54,3% из них имели среднее образование), зачастую (около 70%) не имеющие постоянного источника доходов. В настоящее время членами неформальных молодежных организаций экстремистско-националистической направленности являются молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, нередко – несовершеннолетние лица 14–18 лет. Как отмечает председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, большинство преступлений экстремистской направленности совершается несовершеннолетними, «сознание которых отравлено националистической пропагандой» [13]. Верно исследователи подмечают, что малокультурные, озлобленные, ни во что не верящие молодые люди – это «горючий материал» для экстремистов и националистов всех мастей [14].

В связи с этим и в России, и в Китае комитеты по образованию, науке и высшей школе активно внедряют комплекс мер по предупреждению и противодействию экстремистским проявлениям среди студентов и учащихся.

Немаловажной задачей является и частная превенция, т.е. предупреждение совершения новых преступлений лицами, отбывающими наказание за совершённые

преступления. В отличие от России, в Китае этому вопросу уделяется пристальное внимание.

Согласно ч. 2 ст. 29 Закона КНР «О борьбе с терроризмом» тюрьмы, следственные изоляторы, учреждения социальной коррекции должны усилить работу по контролю, воспитанию, исправлению лиц, отбывающих наказание за террористические преступления и преступления экстремистской направленности. Исходя из потребностей обучения, исправления и обеспечения порядка содержания под стражей, тюрьмы и следственные изоляторы могут содержать террористов и экстремистов вместе с обычными преступниками, либо в отдельных камерах. Кроме этого, как в китайской, так и в зарубежной практике борьбы с терроризмом встречается проблема, как предотвратить возможность совершения общественно опасного деяния террористом после отбытия им наказания. Статья 30 указанного закона урегулировала данную проблему – персонал тюрьмы или следственного изолятора в отношении лиц, приговоренных к лишению свободы за террористическую деятельность и экстремистские преступления, перед освобождением должен подготовить определённую характеристику на данное лицо. На основании степени общественной опасности и характера совершённого им преступления, поведения лица в период отбывания им наказания необходимо спрогнозировать, какова будет общественная опасность влияния данного лица после его освобождения на микрорайон, где он проживает, и т.д. Проводя оценку общественной опасности, необходимо заслушать мнения соответствующих низовых организаций и органов, в чьём производстве находилось дело. Если в ходе оценки выявится, что лицо является общественно опасным, то тюрьмы, следственные изоляторы должны направить в народный суд средней ступени, находящийся в месте, где лицо отбывает наказание, предложение об организации воспитательных мероприятий, копию предложения направить в народную прокуратуру равной ступени. В соответствии с данным положением предусмотрены меры по организации воспитательных мероприятий в отношении террористов и экстремистов, отбывших наказание. Это в определённой степени способно предотвратить со стороны таких лиц возможность продолжить совершать общественно опасные деяния, что имеет большое значение для обеспечения государственной безопасности, общественной безопасности, прав человека и гражданина. Одновременно с этим в законе регламентированы и такие конкретные меры, как пути оказания помощи в случае, если лицо, совершившее террористическое, экстремистское преступление, не согласно с данной оценкой его общественной опасности.

Подобные профилактические меры были бы уместны и в исправительных учреждениях России. Не секрет, что в российских колониях воспитательные меры по отношению к осужденным во многом носят формальный характер и определяются внешними ограничениями в зависимости от срока лишения свободы, а не от общественной опасности личности осужденного.

Сейчас Интернет – один из основных источников информации, которым пользуется многонациональное население России и Китая, в том числе большое количество молодых людей из числа учащихся школ, студентов, курсантов и т.д. Указанные обстоятельства позволяют назвать важнейшей профилактической мерой анализ материалов сети Интернет. Поэтому китайское правительство приняло ряд мер по борьбе с распространением аудио- и видеоматериалов, пропагандирующих насильственный терроризм, экстремизм, ввело соответствующую ответственность интернет-распространителей с целью борьбы с незаконным распространением идей насильственного терроризма, экстремизма. В России такая работа органов прокуратуры по пресечению деятельности подобных сайтов эффективно ведётся при активном содействии специальных подразделений ФСБ РФ, на которых возложены функции по выявлению и пресечению деятельности не только интернет-сайтов, содержащих информационные материалы противоправного характера, в том числе экстремистские, но и лиц, причастных к публикациям такой информации в сети Интернет.

Кроме того, специальными профилактическими мерами и в России, и в Китае являются такие мероприятия, как: организация и проведение семинаров, фестивалей, конференций по вопросам толерантности; введение в учебные планы школ и вузов курсов по изучению культур, обычаев, традиций и религий разных народов мира; проведение регулярных встреч и бесед представителей силовых структур, прокуратуры, отделов образования с курсантами, слушателями и студентами высших профессиональных учебных заведений; выступления представителей религиозных объединений в СМИ о фактах, содержащих признаки правонарушений; наложение ограничений на доступ к экстремистским сайтам и др.

В вопросе борьбы с терроризмом и экстремизмом необходимо активно и широко развёртывать международное сотрудничество.

В сфере антитеррористического сотрудничества Китай и Россия в полной мере реализуют роль такой международной организации, как Шанхайская организации сотрудничества (далее – ШОС), активно содействуя антитеррористическому сотрудничеству стран-участниц ШОС. ШОС уже подписала ряд соглашений по борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Кроме этого, с целью реагирования на угрозы новых форм терроризма и экстремизма в 2012 г. страны – участницы ШОС разработали «Совместные меры компетентных органов стран – участниц ШОС по предотвращению и пресечению использования или угрозы использования компьютерной сети с целью осуществления террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности», в 2013 г. была создана объединённая группа экспертов по борьбе с кибертерроризмом.

Помимо использования ШОС для активного развёртывания антитеррористической работы китайское и российское правительства также активно развивают меха-

низм двустороннего, многостороннего сотрудничества. В настоящее время Китай и Россия создали двусторонний консультативный механизм по вопросам борьбы с терроризмом, а также активно участвуют в антитеррористическом сотрудничестве на таких площадках, как Всемирный антитеррористический форум, БРИКС, АТЭС, АСЕАН [15]. Можно сказать, что создание двусторонних и многосторонних антитеррористических механизмов заложило крепкую основу международных гарантий для развертывания международного антитеррористического сотрудничества, а также внесло значительный вклад в борьбу с терроризмом.

Борьба с терроризмом и экстремизмом требует комплексного подхода, который должен включать меры и экономического, и политического, и социального, и правового характера. Это долговременная программа, реализация которой зависит от многих факторов. Россия и Китай, осознав весь комплекс проблем, совместно предпринимают решительные и эффективные меры по борьбе с данными негативными явлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 新疆去年发生190余起暴力恐怖案 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.dahe.cn/2013/11-25/102531435.html>. – [В прошлом году в Синьцзяне зафиксированы более 190 случаев проявления терроризма].
2. 新疆一年打掉暴恐团伙181个 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.news.cntv.cn/2015/05/25/ARTI1432547877242337.shtml>. – [В Синьцзяне за год ликвидировали 181 экстремистскую группировку].
3. 周强. 最高人民法院工作报告 // 人民日报. – 2015年. – 3月. – 21日第. – [Чжоу Цян. Отчёт о работе Верховного народного суда // Народная ежедневная газета. – 2015. – 21 марта].
4. Состояние преступности за 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/7087734/>.
5. 陈芳. 新疆去极端化调查 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.ifeng.com/mainland/special/xjqjdh>. – [Чэнь Фан. Исследование де-экстремизма в Синьцзяне].
6. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.
7. О противодействии терроризму [Электронный ресурс] : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.
8. 关于《中华人民共和国反恐怖主义法（草案）》的说明. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/lfgz/flca/2014-11/03/con>

tent_1885027.htm. – [Комментарии к «Закону КНР о борьбе с терроризмом (проект)»].

9. 艾尔肯, 沙木沙克. 新疆危害国家安全犯罪实证研究 – 基于喀什地区«伊扎布特»犯罪组织的调查分析 / 艾尔肯·沙木沙克、阿布都米吉提·阿不来提 // 黑龙江民族丛刊. – 2013 年第. – 4 期. – [Шак, А. А. Эмпирическое исследование преступлений против национальной безопасности в Синьцзяне, основанных на анализе деятельности преступной организации округа Кашгар «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» / А. А. Шак, А. М. Абулати // Национальная серия Хэйлунцзян. – 2013. – № 4].

10. 皮勇. 论煽动恐怖活动的犯罪化—兼评<刑法修正案(九)(草案)>相关条款 / 皮勇、杨森鑫. // 法律科学. – 2015 年第. – 3 期. – [Пей Юн. О криминализации подстрекательства к террористической деятельности] : Прим. Проект поправки к Уголовному кодексу (IX) / Юн Пей, Ян Синьсин // Правоведение. – 2015. – № 3].

11. Уехавшая в Сирию 17-летняя австрийка попросилась домой [Электронный ресурс] // ЛиПорт. – Режим доступа: <http://liport.ru/obschestvo/68199-uehavshaya-k-boevikam-v-siriyu-17-letnyaya-avstriyka-poprosilas-domoy.html>.

12. 潘志平. 鼓励宗教去政治化 2014年极端势力活动 “外溢效应明显” // 人民论坛. – 2015年第. – 1期(下), 第. – 53页. – [Пан Чжипин. Побочный эффект поощрения деполитизации религии после террористических актов, произошедших в 2014 году // Народный форум. – 2015. – № 1 (часть 2). – С. 53].

13. СКП: число экстремистских преступлений увеличилось на треть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=252835>.

14. Родионов, А. В. Лидер в молодежной среде – проблемы противодействия молодежному экстремизму // Общество и право. – 2008. – № 1 (19). – С. 174–178 .

15. 中国代表呼吁加强国际反恐合作[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2014-10/09/c_1112741256.htm. – [Китай призвал к укреплению международного сотрудничества в борьбе с терроризмом].

REFERENCES

1. *More than 190 violent terrorist cases occurred in Xinjiang last year.* Available at: <http://news.dahe.cn/2013/11-25/102531435.html> (accessed 5 December 2015). (In Chinese).

2. *In Xinjiang, 181 violent terrorist groups were destroyed in one year.* Available at: <http://m.news.cntv.cn/2015/05/25/ARTI1432547877242337.shtml> (accessed 10 December 2015). (In Chinese).

3. Zhou Qiang. Report on the Work of the Supreme People's Court. *People's daily*, 2015, March 21. (In Chinese).

4. *Conditions of Crimes for 2015*. Available at: <https://мвд.пф/reports/item/7087734/> (accessed 10 December 2015). (In Russian).
5. Chen Fang. *Investigation on Xinjiang De-extremation*. Available at: <http://news.ifeng.com/mainland/special/xjqjdh/> (accessed 10 November 2015). (In Chinese).
6. *On counteraction of extremism. Federal Legal Act, July 25, 2002. № 114-FL*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (accessed 10 November 2015). (In Russian).
7. *On counteraction of terrorism. Federal Legal Act, March 06, 2006. № 35-FL*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (accessed 10 November 2015). (In Russian).
8. *Explanation of «Anti-Terrorism Law of the People's Republic of China (Draft)»*. Available at: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/lfgz/flca/2014-11/03/content_1885027.htm (accessed 3 December 2015). (In Chinese).
9. Shamashak A., Abulati A.M. The Empirical Study of Crimes of Endangering National Security in Xinjiang – Based on the Investigation of the «Hizb ut-Tahrir», Criminal Organization in Kashgar Region. *Heilongjiang National Series*, 2013, no. 4. (In Chinese).
10. Pi Yong, Yang Miaoxin. On the Criminalization of Inciting Terrorist Activities - Comment on the Related Articles of the Criminal Law Amendment (IX) (Draft). *Legal Science*, 2015, no. 3. (In Chinese).
11. *The 17th-year-old Australian asked to get her back home*. Available at: <http://liport.ru/obschestvo/68199-uehavshaya-k-boevikam-v-siriyu-17-letnyaya-avstriyka-poprosilas-domoy.html> (accessed 10 November 2015). (In Russian).
12. Pan Zhiping. Encourage Religion to Depoliticize The «spillover effect» of Extremist Activities in 2014 is Obvious. *People's Tribune*, 2015, to. 1 (Part 2), pp. 53. (In Chinese).
13. *INP: the number of extremists' crime increased on the third part*. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=252835> (accessed 10 November 2015). (In Russian).
14. Rodionov A.V. Lider v molodezhnoi srede – problemy protivodeistviya molodezhnomu ekstremizmu [Leader among teenagers – the issues of counteraction of young extremists]. *Obshchestvo i pravo*, 2009, no. 1, pp. 174–178.
15. *Chinese representative calls for strengthening international anti-terrorism cooperation*. Available at: http://news.xinhuanet.com/world/2014-10/09/c_1112741256.htm (accessed 15 December 2015). (In Chinese).

УДК 343.35(520)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/107-117

Т.Б. Басова¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: basova.tb@dvfu.ru

В.С. Антропов²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zentr-atr@ Rambler.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНЫМ ПРОЯВЛЕНИЯМ КОРРУПЦИИ В ЯПОНИИ

Аннотация. Проблема противодействия коррупции в России остаётся злободневной уже многие годы. Особенно опасны преступные её проявления, так как именно они влекут за собой нарушение нормальной деятельности властных и управленческих структур, подрывают их престиж.

Поиски новых форм совершенствования законодательства способствуют тому, что в последние годы учёные стали активно прибегать к изучению зарубежного опыта. Это не только имеет большую познавательную значимость, но и помогает глубже понять собственное национальное право, его сильные и слабые стороны, своеобразие, оригинальность его норм, институтов.

В современных условиях возрастает роль развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона, правовые системы которых характеризуются многими самобытными чертами. К их числу, безусловно, относится и Япония, которая является, пожалуй, одной из самых развитых стран Дальнего Востока. К тому же современное японское право основано на рецепции как континентально-европейского, романо-германского, так и англо-саксонского права, которое легло на аборигенные правовые традиции.

В статье исследуется законодательный опыт противодействия преступным проявлениям коррупции в Японии. На примере трёх японских законодательных

¹ Татьяна Борисовна Басова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Виталий Сергеевич Антропов, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Басова Т.Б., Антропов В.С. Законодательное противодействие преступным проявлениям коррупции в Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 107–117.

актов – Уголовного кодекса Японии, Закона «О предотвращении недобросовестной конкуренции» и Закона «О компаниях» проведён юридический анализ норм, в которых регламентирована уголовная ответственность за коррупционные преступления.

Особое внимание уделено вопросам регламентации уголовной ответственности за взяточничество: не только за получение и дачу взятки, но и за её передачу третьему лицу, а также за посредничество в получении взятки.

Анализ тенденций развития законодательных установлений, направленных на противодействие коррупции в Японии, будет способствовать реформированию российского антикоррупционного законодательства в части устранения имеющихся законотворческих изъянов в описании коррупционных преступлений.

Ключевые слова: уголовное законодательство стран АТР, законодательство Японии, уголовное право Японии, Уголовный кодекс Японии, публичное должностное лицо, коррупционное преступление, взяточничество, коммерческий подкуп.

Tatyana B. Basova¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: basova.tb@dvfu.ru

Vitaly S. Antropov²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zentr-atr@rambler.ru

LEGISLATIVE COUNTERACTION TO CRIMINAL MANIFESTATIONS OF CORRUPTION IN JAPAN

Abstract. The anti-corruption problem in Russia has remained topical for many years. Its criminal manifestations are especially dangerous as they involve violation of normal activity of power and administrative structures and undermine their prestige.

Searching for new forms of improvement of the legislation has recently led to active studies of foreign experience. It both has a big informative importance and results in a deeper understanding of our own national law, its strengths and weaknesses, uniqueness and originality of its norms and institutes.

¹ Tatyana B. Basova, Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law, Law School of Far Eastern Federal University.

² Vitaly S. Antropov, Graduate student., Law School of Far Eastern Federal University.

For citing: Basova T.B., Antropov V.S. Legislative Counteraction to Criminal Manifestations of Corruption in Japan // Asia-Pacific Region: Economics, Politics and Law. 2017. № 4. С. 107–117.

The role of developing countries of the Pacific Rim which legal systems are characterized by many original features is increasing in today's world. Japan probably being one of the most developed countries of the Far East is also on of them. Moreover, the modern Japanese law is based on reception of continental, Romano-Germanic, and Anglo-Saxon laws which were imposed on native legal traditions.

The article looks into the legislative experience of counteraction to criminal manifestations of corruption in Japan. Based on the example of three Japanese acts that regulate the criminal liability for corruption – the criminal code, the "Unfair Competition Prevention Act" and the "Companies Act", the legal analysis of norms has been carried out.

Special attention is paid to the regulation of criminal liability for bribery: not only for bribe giving and bribe taking, but also for its transfer to a third party and mediation in bribe taking.

The analysis of anti-corruption legislative tendencies in Japan will help in reforming the Russian anti-corruption legislation by elimination of the existing legislative defects in the description of corruption crimes.

Keywords: criminal legislation of the countries of the Pacific Rim, legislation of Japan, criminal law of Japan, criminal code of Japan, public official, corruption crime, bribery, commercial bribery.

Проблема противодействия коррупции в России остаётся злободневной уже многие годы. Особенно опасны преступные её проявления, так как именно они влекут за собой нарушение нормальной деятельности властных и управленческих структур, подрывают их престиж.

Правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, а также нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты.

Теоретики прилагают определённые усилия для оптимизации антикоррупционных мер, однако ощутимого эффекта они пока не приносят. Поиски новых форм совершенствования законодательства способствуют тому, что в последние годы учёные стали активно прибегать к изучению зарубежного опыта. Это не только имеет большую познавательную значимость, но и помогает глубже понять собственное национальное право, его сильные и слабые стороны, своеобразие, оригинальность его норм, институтов.

В современных условиях возрастает роль развивающихся стран Восточной Азии, правовые системы которых характеризуются многими самобытными чертами. К их числу, безусловно, относится и Япония, которая является, пожалуй, одной из самых развитых стран Дальнего Востока. К тому же современное японское право основано на рецепции как континентально-европейского, романо-германского, так и англо-саксонского права, которые наложились на аборигенные правовые традиции.

Наш научный интерес к нормативно-правовым установлениям «страны восходящего солнца» не случаен: Япония – это государство со стабильными демократическими институтами, имеет развитую политическую и правовую культуру, богатый опыт административного обеспечения устойчивого и поступательного социально-экономического развития общества.

Об эффективности противодействия коррупционным проявлениям в Японии свидетельствует и то, что последние два десятка лет «страна восходящего солнца» входит в двадцатку наименее коррумпированных стран мира. Так, согласно индексу восприятия коррупции, который ежегодно рассчитывается международной организацией Transparency International, в 2016 г. Япония заняла 20-е место из 175 стран мира. За последние двадцать лет индекс восприятия коррупции в Японии никогда не превышал порога 25 единиц (в 1998 г.) и составил в среднем ежегодно чуть более 19 пунктов [9].

Так в чём кроется секрет столь успешного противодействия преступным коррупционным проявлениям в Японии?

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в Японии достаточно развита законодательная база противодействия коррупции. Нормативные правовые предписания, в которых закреплены способы противодействия преступным проявлениям коррупции, выступают прочной основой для эффективного осуществления в Японии антикоррупционной политики.

Японское антикоррупционное законодательство включает в себя достаточно обширный ряд источников правового регулирования, содержащих нормативные предписания по противодействию коррупции, среди которых в качестве ключевых выделим три акта: Уголовный кодекс Японии [4]*; Закон «О предотвращении недобросовестной конкуренции» (Закон № 47 от 19.05.1993 г. с изменениями, внесёнными Законом № 54 от 10.07.2015 г.) [3]; Закон о компаниях (Закон № 86 от 26 июля 2005 года) [2].

В первом из названных законов установлена уголовная ответственность публичных должностных лиц Японии за коррупционное поведение, во втором – преду-

* Уголовный кодекс Японии (Закон № 45 от 1907 г.) (URL: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>.) – этот английский перевод Уголовного кодекса был подготовлен, вплоть до пересмотра Закона № 36 от 2006 г. (от 28 мая 2006 г.), в соответствии со стандартным двуязычным словарём (издание от марта 2006 г.).

смотрена ответственность за коррупционные преступления иностранных публичных должностных лиц, а третий закон регламентирует запрет коррупционного поведения лиц, не являющихся государственными служащими.

Остановимся на рассмотрении положений указанных законодательных актов подробнее.

Действующий Уголовный кодекс Японии (далее – УК Японии) был создан в 1907 г., вступил в силу в 1908 г., многократно ревидовался. В настоящее время УК Японии действует в редакции Закона № 91 от 12 мая 1995 г., которая введена в действие с 1 июня 1996 г. [4]. Имеется немало преступлений, ответственность за которые предусмотрена не уголовным кодексом, а «специальными законами» (их около 30), а также уголовно-правовыми нормами других отраслей законодательства и нормативными актами местного значения.

Запрет на коррупционное поведение установлен в нормах, которые заключены в гл. 25 под названием «Преступления взяточничества». Такое заглавие обусловлено скорее всего тем, что шесть из десяти статей формулируют составы взяточничества.

Открывается гл. 25 УК Японии составом «Злоупотребление присвоенной по должности властью со стороны публичного должностного лица» (ст. 193). По сути, это – состав должностного злоупотребления в понимании российского законодателя. Юридический анализ показывает, что объективная сторона злоупотребления присвоенной по должности властью со стороны публичного должностного лица заключается в деянии, выступающем в следующих формах: 1) побуждение какого-либо лица сделать то, чего оно не обязано делать; 2) препятствование какому-либо лицу в осуществлении прав, которые оно должно осуществлять. Однако способом совершения указанных деяний виновный должен избрать злоупотребление присвоенной по должности властью. По конструкции объективной стороны состав формальный, так как японский законодатель не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны преступления в ст. 193 какие-либо общественно опасные последствия. Другой признак, описанный в рассматриваемой статье, – это субъект. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 193 УК Японии, является публичное должностное лицо, то есть специальный субъект.

Японский законодатель предусматривает ответственность за взяточничество в шести статьях УК (ст. ст. 197–197-V, 198), в которых регламентирована ответственность не только за получение и дачу взятки, но и за её передачу третьему лицу, а также за посредничество в получении взятки.

Необходимым признаком взяточничества по японскому закону выступает предмет – взятка, которая как предмет преступления законодателем не раскрывается.

Получение взятки по японскому законодательству описано разнообразно и выражается в трёх формах: а) принятие взятки; б) требование взятки; в) согласие на обещанную взятку.

Законодатель понятие «дача взятки» не раскрывает и в ч. 1 ст. 198 УК Японии данное преступление формулирует как «лицо, передавшее предложение или обещавшее взятку в случаях, предусмотренных ст. ст. 197–197-III».

Субъектом большинства преступлений взяточничества, предусмотренных гл. 25 УК Японии, является публичное должностное лицо, то есть специальный субъект. Понятие публичного должностного лица даётся в ч. 1 ст. 7 УК Японии: термин «публичное должностное лицо», используемый в настоящем законе, означает правительственного чиновника, муниципального чиновника или депутата либо члена комитета, или иных служащих, занятых выполнением публичных обязанностей в соответствии с законодательством.

Японский законодатель определение данного специального субъекта строит на основе формального и содержательного критериев. Формальный критерий – занятие должности, на которой лицо посвящает себя выполнению публичных обязанностей в соответствии с законодательством. Такой критерий не говорит ничего о содержании деятельности работника. Тогда законодатель обращается к содержательному критерию и указывает на публичные обязанности, но не раскрывает их содержания. Получается, что одно некое понятие – публичное должностное лицо – определяется через другое – публичные обязанности. Представляется, что такая формулировка определения публичного должностного лица может вызывать при квалификации коррупционных преступлений определённые сложности, так как содержание обязанностей указанного субъекта законодателем по существу не раскрыто.

Особенностью регламентации уголовной ответственности за взяточничество в Японии является то, что во второй части статьи 197 законодатель сконструировал состав, аналогичный ч. 1 данной статьи, однако совершает это деяние иной субъект. «Тот, кто, намереваясь стать публичным должностным лицом или арбитром, становится публичным должностным лицом или арбитром при условии, что даёт согласие на просьбу, предъявляемую ему ввиду той деятельности, которой он должен быть облечён» – именно так законодательно обрисован субъект преступления в ч. 2 ст. 197 УК Японии. Толкуя данное положение, можно предположить, что японский законодатель в превентивных целях устанавливает уголовную ответственность не только для тех, кто уже является публичным должностным лицом, но и для тех лиц, которые обретут такой статус в будущем.

Посредничество за получение взятки уголовно наказуемо в Японии в соответствии со ст. 197-IV Уголовного кодекса. В качестве особенности данного преступления следует отметить то, что субъект в этом составе определяется только как публичное должностное лицо.

Другой своеобразной формой посредничества во взяточничестве является преступление, описанное в ст. 197-II (Передача взятки третьему лицу) УК Японии, согласно которой объективно деяние может быть выражено в трёх формах: а) допу-

шение передачи взятки третьему лицу; б) требование передачи взятки третьему лицу; в) согласие на обещанную передачу взятки. Однако совершить любое из указанных деяний публичное должностное лицо или арбитр должны в связи с тем, что приняли просьбу, предъявленную им ввиду их служебной деятельности.

«Не забыл» японский законодатель и про бывшее публичное должностное лицо или арбитра, которые получают или требуют взятку либо соглашаются на обещанную взятку в связи с тем, что они в бытность свою на службе приняли просьбу и совершили по службе неправомерное действие или не совершили правомерное действие. Такие деяния квалифицируются как преступные по ч. 3 ст. 197-III УК Японии.

Следует выделить ещё одну особенность уголовной ответственности за взяточничество в Японии. Так, за рамками УК Японии в различных законах, в которых регламентированы коррупционные деяния, предусмотрена ответственность субъектов, наделённых статусом «лицо, являющееся публичным должностным лицом» (*minashikoumuin*), за получение взятки. В большинстве таких случаев речь идёт о признании указанными субъектами сотрудников компаний, которые ранее имели статус государственных предприятий.

К примеру, публичным должностным лицом в соответствии с законом [6] признаются сотрудники компании Japan Post, которая до 2007 г. была государственной корпорацией в Японии, а затем была приватизирована, а с 2010 г. акционером компании является Министерство финансов Японии.

В законодательстве Японии встречаются и иные случаи, когда в расширенном формате лицо, не наделённое ни статусом «публичное должностное лицо», ни статусом «лицо, являющееся публичным должностным лицом», подлежит ответственности за получение взятки. Имеются законы в отношении конкретных компаний, осуществляющих предоставление государственных услуг, сотрудников которых запрещено подкупать [см., например: 5; 7].

Если публичное должностное лицо Японии совершило вне пределов страны коррупционное деяние в любой форме взяточничества, предусмотренного ст. ст. 197–197-IV УК, то в соответствии со ст. 4 УК Японии оно подлежит уголовной ответственности по действующему уголовному закону Японии. На иностранное публичное должностное лицо данное положение уголовного закона Японии не распространяется.

В японское правовое пространство, направленное на противодействие коррупционным проявлениям, имплементированы и международно-правовые стандарты на основании ст. 98 Конституции Японии, согласно которой заключённые Японией договоры и установленные нормы международного права должны добросовестно соблюдаться.

Япония, начиная с 1964 г., является членом Организации экономического сотрудничества и развития («ОЭСР»). В числе первых 13 октября 1998 г. она подписала Конвенцию Организации экономического сотрудничества и развития «О борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных ком-

мерческих отношениях» от 21 ноября 1997 г. [1], которая была ратифицирована 15 февраля 1999 г. (далее – Конвенция ОЭСР).

Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом устанавливает стандарты для криминализации взяточничества иностранных должностных лиц в международных деловых операциях.

Выполняя взятые на себя международные обязательства в области противодействия коррупции, Япония внесла поправки в Закон «О предотвращении недобросовестной конкуренции» («UCPL») (Закон № 47 от 19.05.1993 г. с изменениями, внесёнными Законом № 54 от 10.07.2015 г.) [3].

Закон «О предотвращении недобросовестной конкуренции» был дополнен статьёй 18, в которой предусмотрена уголовная ответственность за подкуп иностранного должностного лица. В 2004 г. было принято дополнение, направленное на расширение юрисдикции статьи 18 с целью распространить действие закона на деяния японских граждан за рубежом.

Статья 18 «Запрет подкупа иностранного должностного лица» японского Закона «О предотвращении недобросовестной конкуренции» состоит из двух частей.

В первой части указанной статьи сформулирован состав преступления, в котором установлен запрет на вручение, предложение вручения либо обещание вручения денег или иных преимуществ иностранному публичному должностному лицу. При этом любое из указанных деяний должно:

а) осуществляться в целях получения необоснованной деловой выгоды при осуществлении международных сделок; и б) при этом либо побудить должностное лицо иностранного государства совершить определённые действия или проявить бездействие с использованием своего служебного положения; либо, используя своё положение, побудить иное должностное лицо иностранного государства совершить определённые действия или проявить бездействие в связи с выполнением своих официальных обязанностей.

Субъект преступления в диспозиции ст. 18 названного закона не указан, а потому можно утверждать, что им может быть признано любое лицо, совершившее на территории Японии деяние, содержащее признаки состава данного преступления.

Что касается граждан Японии, то, в соответствии с положениями ст. 21 обозначенного Закона, они подлежат уголовной ответственности, если совершили деяние, предусмотренное ст. 18 «Закона о предотвращении недобросовестной конкуренции» за пределами Японии. К примеру, гражданин Японии, будучи сотрудником японской компании, был командирован в зарубежный филиал (представительство) и в стране пребывания осуществил подкуп местного должностного лица.

В ч. 2 ст. 18 «Закона о предотвращении недобросовестной конкуренции» очерчен круг лиц, которые в рамках данной статьи признаются «иностранном должностным лицом».

В соответствии с п. 7 ч. 2 ст. 21 «Закона о предотвращении недобросовестной конкуренции» физическому лицу, признанному виновным в подкупе иностранного должностного лица, может быть назначено наказание в виде лишения свободы с принудительным физическим трудом на срок до пяти лет и/или денежным штрафом на сумму до пятисот тысяч иен.

Системное толкование норм рассматриваемого закона показывает, что за подкуп иностранного должностного лица подлежат ответственности и юридические лица. В случае дачи взятки должностному лицу иностранного государства представителем или сотрудником компании, помимо личной ответственности физического лица, юридическому лицу может быть назначено наказание в виде штрафа в размере до 30 млн иен (ч. 1 ст. 22 «Закона о предотвращении недобросовестной конкуренции»).

Срок давности по данному преступлению, согласно ч. 3 ст. 22, п. 7 ч. 2 ст. 21 Закона о предупреждении недобросовестной конкуренции, составляет 5 лет, при этом течение срока давности приостанавливается на срок нахождения виновного лица за пределами Японии (ч. 1 ст. 255 УПК Японии).

Несмотря на то, что уголовная ответственность за подкуп иностранного должностного лица установлена в Японии почти два десятилетия тому назад, нормы ст. 18 «Закона о предотвращении недобросовестной конкуренции» практически не работают. По данным японских исследований за все годы было зарегистрировано лишь четыре факта дачи взятки должностному лицу иностранного государства [см. подробнее: 8].

Третьим из перечисленных выше ключевых источников правового регулирования, содержащих нормативные предписания по противодействию преступным проявлениям коррупции, выступает Закон «О компаниях» (Закон № 86 от 26 июля 2005 года) [2].

Данный законодательный акт направлен на регулирование формирования, организации, эксплуатации и управления компаниями.

Заключительная часть VIII Закона «О компаниях» именуется «Пенитенциарные положения» и в рамках двадцати статей формулирует ответственность сотрудников компании и иных субъектов за различные общественно опасные деяния.

Имеются и нормативные предписания по противодействию коррупции. Так, в ст. 967 Закона о корпорациях установлена ответственность за коммерческий подкуп. В ч. 1 данной статьи сформулирован законодателем состав получения коммерческого подкупа, за совершение которого виновному грозит наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет или штраф до пяти миллионов иен; а в ч. 2 предусмотрена ответственность за вручение коммерческого подкупа, наказание за которое определено в виде лишения свободы на срок до трёх лет или штрафом в размере до трёх миллионов иен.

Кроме того, к антикоррупционным можно отнести и законодательное предписание, когда лицо, имеющее определённое положение в компании, «с целью про-

движения собственных интересов, интересов третьей стороны или с целью нанесения ущерба акционерному обществу совершает деяние в нарушение обязанностей данного лица, причиняя тем самым имущественный ущерб данному акционерному обществу», то содеянное подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 960 Закона «О компаниях». Подобные деяния злоупотребления доверием наказываются лишением свободы на срок до десяти лет или штрафом в размере до десяти миллионов иен, либо тем и другим одновременно.

Помимо Закона «О компаниях» санкции за коррупционные преступления, субъектом которых не являются публичные должностные лица, предусмотрены в ряде других специальных нормативно-правовых актов Японии.

Помимо перечисленных законодательных установлений противодействия коррупции в Японии имеются и другие нормативные правовые предписания, способствующие снижению факторов коррупционной деятельности.

Изучение законодательных предписаний, направленных на борьбу с преступными проявлениями коррупции в Японии, вынуждает нас согласиться с тем, что стабильность нормативно-правовых установлений играет не последнюю роль в эффективности противодействия этому социальному злу. У японского законодателя есть чему поучиться и, в первую очередь, последовательному, безо всякой спешки, совершенствованию законодательного процесса, умению «связать» воедино правовые предписания так, что они работают как единый механизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/corruption/oecdantibriberyconvention.htm>.

2. Enforcement Order of the Companies Act (Cabinet Order no. 364 of December 14, 2005, as further amended by Cabinet Order No. 100 of 2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=15019.pdf>.

3. Unfair Competition Prevention Act (Act no. 47 of May 19, 1993, as amended up to Act no. 54 of July 10, 2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=401411.pdf.

4. Penal Code [of Japan] [Электронный ресурс] : Act no. 45 of 1907. – Режим доступа: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>.

5. Railway Business Act [Электронный ресурс] : Act No. 92 of December 4, 1986. – Режим доступа: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re=02&vm=02&id=77.

6. Act on Japan Post Holdings Co., Ltd. [Электронный ресурс] : Act no. 98 of 2005. – Режим доступа: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&re=02&id=1625&lvm=01&vm=01>.

7. Narita International Airport Corporation Act [Электронный ресурс] : Act no. 124 of 2003. – Режим доступа: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re=2&vm=02&id=1561.

8. Yoshida, D. Bribery and corruption. Japan / D. Youshida, J. Park [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/bribery-and-corruption/global-legal-insights---bribery-and-corruption/japan>.

9. Corruption Perceptions Index 2016. Surveys. 25 January 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016/.

REFERENCES

1. *OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions*. Available at: <http://www.oecd.org/corruption/oecdanti-briberyconvention.htm> (accessed 19 September 2017).

2. *Enforcement Order of the Companies Act (Cabinet Order no. 364 of December 14, 2005, as further amended by Cabinet Order No. 100 of 2008)*. Available at: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=15019.pdf> (accessed 19 September 2017).

3. *Unfair Competition Prevention Act (Act no. 47 of May 19, 1993, as amended up to Act no. 54 of July 10, 2015)*. Available at: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=401411.pdf (accessed 19 September 2017).

4. *Penal Code: Act no. 45 of 1907*. Available at: <http://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf> (accessed 19 September 2017).

5. *Railway Business Act: Act No. 92 of December 4, 1986*. Available at: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re=02&vm=02&id=77 (accessed 19 September 2017).

6. *Act on Japan Post Holdings Co., Ltd.: Act no. 98 of 2005*. Available at: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?printID=&re=02&id=1625&lvm=01&vm=01> (accessed 19 September 2017).

7. *Narita International Airport Corporation Act: Act no. 124 of 2003*. Available at: http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail_main?re=2&vm=02&id=1561 (accessed 19 September 2017).

8. Yoshida D., Park J. *Bribery and corruption. Japan*. Available at: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/bribery-and-corruption/global-legal-insights-bribery-and-corruption/japan> (accessed 19 September 2017).

9. Corruption Perceptions Index 2016. Surveys. 25 January 2017 Available at: http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016/ (accessed 19 September 2017).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ CRIMINAL LEGAL MATTERS

УДК 343.61-047.34(436:470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/118-128

Я.О. Кучина¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

УБИЙСТВО В ОБЩЕМ ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА АВСТРАЛИИ) И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ИНСТИТУТА УБИЙСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Аннотация. В статье предложен сравнительно-правовой анализ института умышленного причинения смерти в общем праве и его отличие от института убийства в уголовном праве Российской Федерации. Разница между двумя предлагаемыми к исследованию правовыми системами формирует давний интерес учёных. Существенные различия не только между законодательной структурой, а также внутренней структурой аналогичных по названию нормативно-правовых актов, но, прежде всего, между сущностями права, делает такой сравнительно-правовой анализ высоко актуальным. Используя институт умышленного причинения смерти как пример постоянно-существующего, исторически неизменчивого примера преступления, автор предпринимает попытку провести анализ сходств и различий в базовых принципах уголовного права двух систем. Рассмотрены вопросы понятия убийства и его видов, концепции подвидов причинения смерти, особенности состава этих преступлений, а также категории жизни и смерти, важные для этого вида преступления.

Поскольку своеобразие законодательной инициативы стран общего права порождает большее количество одноотраслевых кодифицированных актов, чем постсоветская правовая система, было принято решение сконцентрироваться на уголовном законе Австралии. В статье цитируются уголовные законы территориальных австралийских единиц, ряд высоко значимых для уголовного права судебных прецедентов и мнения представителей уголовно-правовой науки. Статья представляет определённый

¹ Ярослава Олеговна Кучина, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Кучина Я.О. Убийство в общем праве (на примере уголовного права Австралии) и его отличие от института убийства в российском уголовном законе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 118–128.

интерес для специалистов по сравнительному праву, исследователей системы общего права, а также для всех интересующихся уголовно-правовой наукой.

Ключевые слова: убийство, преднамеренное причинение смерти, уголовное право, смерть, сравнительное право, Австралия, страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Yaroslava O. Kuchina¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kuchina.yao@dvfu.ru

HOMICIDE IN THE COMMON LAW (ON THE EXAMPLE OF AUSTRALIAN CRIMINAL LAW) AND ITS DIFFERENCE FROM THE INSTITUTION OF MURDER IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW

Abstract. The article offers a comparative legal analysis of the institution of deliberate infliction of death (homicide) in the common law system and its difference from the institution of murder in the criminal law of the Russian Federation. The difference between the two legal systems proposed for research forms a long-standing interest of researchers. Significant differences not only between the legislative structures, but also between the internal structure of similar normative legal acts, primarily among the entities of law, make such a comparative legal analysis highly relevant. Using the institution of deliberate infliction of death (homicide), as an example of a constantly existing, historically unchanging type of a crime, the author attempts to analyze the similarities and differences in the basic principles of the criminal law of the two systems. The issues of the concept of homicide and its types, the concept of subtypes of causing death, the features of the composition of these crimes, as well as the categories of life and death, that are important for this type of crime, are considered.

Since the originality of the legislative initiative of the countries of common law generates more unidirectional codified acts than the post-Soviet legal system, it was decided to concentrate on the criminal law of Australia. The article cites the criminal laws of territorial Australian units, a number of highly significant criminal law precedents and the opinion of academic representatives of the criminal doctrine. The article is of particular interest to specialists in comparative law, researchers of the common law system, as well as for all investigators that are interested in criminal law theory.

¹ Yaroslava O. Kuchina, Candidate of Law Sciences, LLM (University of Macau), Assistant Professor, Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kuchina Y.O. Homicide in the common law (on the example of the Australian criminal law) and its difference from the institution of murder in the Russian criminal law // Asia-Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 4. С. 118–128.

Kew words: homicide, murder, felony, criminal law, death, comparative law, Australia, Asia-Pacific.

Для понимания сущности института убийства в системе общего уголовного права всегда необходимо сослаться на законодательство определённого государства, поскольку убийства – это статутные преступления, закреплённые в письменных нормативно-правовых источниках, по отношению к которым судебный прецедент и доктрина толкования носят, в некотором смысле, вторичный характер. А пример Австралии, выбранный нами для данной статьи, требует, для начала, уделить внимание её территориальному делению. Вторым важным аспектом для понимания темы является определение понятия преступления в общем праве, существенно отличающееся от этого понятия в российской уголовной доктрине.

Итак, Австралийский Союз представляет собой федеративное объединение, разделённое на штаты и территории. К числу штатов относятся Виктория, Западная Австралия, Квинсленд, Новый Южный Уэльс, Тасмания и Южная Австралия. Территории делятся на две материковые (самые крупные) и мелкие островные. Материковые территории – это Северная территория и Территория федеральной столицы. Островными территориями являются остров Норфолк, остров Рождества, Кокосовые острова, острова Ашмор и Картье, территория островов Кораллового моря, остров Херд, острова Макдональд и Австралийская антарктическая территория. Каждая из этих федеративных единиц свободна в законодательном творчестве [1; 2; 3].

Что касается состава преступления, то здесь необходимо отметить существенное отличие содержания от того, что знакомо российскому правоведу. Согласно общему принципу уголовной ответственности, в том числе признаваемому в Австралии, лицо может подлежать уголовной ответственности, если было вовлечено в поведение, запрещённое уголовным законом, выражало состояние ума, запрещённое уголовным законом, и оба эти состояния совпали во времени [1].

Переводя это понятие на русский язык, необходимо учитывать, что под запрещённым поведением подразумевается юридическая концепция *actus reus* [4], а под запрещённым состоянием ума – *mens rea* [5]. Общая формула восходит к латинской максиме «*Actus non facit reus nisi mens sit rea*», означающей, что не может быть уголовной ответственности без единения виновной воли и виновного действия, то есть без совокупного наличия противоправного акта и преступного умысла.

Состав преступления, именуемый в австралийском праве термином *corpus delicti*, должен быть доказан в полном объёме, как каждый из его элементов, так и в совокупности, с обязательным установлением факта участия обвиняемого в совершении преступления согласно принципу доказывания «вне обоснованных сомнений» [6]. При этом он может состоять как из обоих элементов, так и из одного из

них – в зависимости от толкования конкретной запрещающей нормы законом, прецедентом и наукой. Таким образом состав преступления, согласно уголовному праву Австралии, формируется из двух элементов, не нуждающихся в обязательном установлении их совокупности – это важнейшее отличие местного уголовного права от российского.

Убийство в системе общего права подразделяется на три вида – один общий и два квалифицированных, каждый из которых включает уникальное соотношение элементов состава и признаков.

В системе общего права сознательное лишение человека жизни, запрещённое уголовным законом, именуется *homicide* и подразделяется ещё на несколько видов преступлений. Наиболее распространённые из них в традициях российского сравнительно-правового перевода называются «умышленное убийство» (*murder*) и «непредумышленное убийство» (*manslaughter*). Каждый из этих видов объединён одинаковым *actus reus*: действием (или покушением на действие), осознанно и добровольно совершённым одним человеком, которое влечёт за собой смерть другого человека быстрее, чем могут наступить иные последствия.

Важно отметить, что в доктрине австралийского уголовного права подобное определение относится только к незаконному убийству (*unlawful homicide*), то есть совершенному при наличии абсолютного запрета на причинение смерти, что также является важным уточнением применительно к оценке совокупности элементов *actus reus* и *mens rea*. Оценка убийства при самозащите, задержании и т.д. происходит по другим критериям.

В свою очередь, умышленное и непредумышленное убийство в общем праве подразделяются на дополнительные подвиды. Так, умышленное убийство существует в четырёх следующих подвидах:

1) Преднамеренное убийство (*intentional murder*) – представляет собой убийство, при котором лицо умышленно причиняет смерть другому человеку, не предпринимая никаких усилий, чтобы снизить тяжесть вреда или избежать последствий в виде смерти, а, напротив, действует с выраженным намерением вызвать немедленную смерть или такие повреждения тела, которые не совместимы с жизнью (т.е. влекущие смерть). Понятие преднамеренного убийства содержится в теории общего уголовного права, а уголовный закон конкретной федеративной единицы Австралии не требует её включения в статут, ограничиваясь, в ряде случаев, лишь санкцией за такое убийство (Южная Австралия, Виктория) [2]¹.

¹ См., например: *Criminal Law Consolidation Act 1935 South Australia*: «11– Murder. Any person who commits murder shall be guilty of an offence and shall be imprisoned for life» (Любое лицо, совершившее преднамеренное убийство, должно быть признано виновным и приговорено к пожизненному заключению).

2) «Безрассудное убийство», или необдуманное убийство (*reckless murder*), которое иногда при переводе работ о системе общего уголовного права называют преднамеренным убийством второго типа [7], – это убийство, совпадающее по описанию с предыдущим, однако совершённое необдуманно, или «безрассудно». Понятие «безрассудства» (*recklessness*) применительно к умышленному причинению смерти является наиболее сложным для сравнения с системой российского права и уголовно-правовой терминологией. Частично соотносясь с категорией «убийства с косвенным умыслом», оно, однако, включает в себя и признаки убийства с внезапно возникшим умыслом, и неосторожного убийства, сопряженного с игнорированием наличия уголовного запрета, то есть с мотивом намеренного пренебрежения уголовными нормами. Эта правовая концепция настолько сложна и неоднозначна, что является одной из наиболее спорных и дискуссионных категорий общего права, в том числе в законе и судебной практике [8]. Так, определяя этот вид убийства, уголовное право штата Виктория руководствуется позицией теории общего права, прецедентная практика судов Южной Австралии отвергает существование такого подвида [9], а закон Нового Южного Уэльса признает «безрассудное убийство» только тогда, когда лицо причиняет немедленную смерть другому человеку, при наличии признаков безрассудства относительно самой смерти (и не признает таким убийством причинение вреда здоровью, повлекшее смерть) [3]. Как мы видим, этот вид убийства сочетает в себе признаки косвенного умысла и преступной неосторожности, в виде более небрежности, чем легкомыслия.

3) Статутное тяжкое убийство, совершённое с конструктивным или неопровержимо-презюмируемым умыслом (*statutory constructive murder*) – это категория общего права, предусматривающая вменение *mens rea* в связи с однозначно-трактуемыми обстоятельствами совершения убийства, то есть его объективной стороной. Здесь умысел и психическая оценка субъектом преступления совершённых им действий (а, значит, и стороной обвинения) зависит от того, как выражена объективная сторона. Несмотря на различия в конкретных признаках такого убийства, существуют три его обязательных элемента, вытекающие из так называемого «правила убийства-фелонии»¹: (1) лицом причинена смерть другому лицу (2) в ходе активного совершения действия (3) обстоятельства совершения являются отягчающими (например, с применением особой жестокости, дополнительного насилия и пр.).

Статутным это убийство называется по причине его обязательного закрепления в уголовном законодательстве, в котором к общей конструкции «правила убийства-фелонии» могут быть добавлены иные признаки. Определяющим для наступления уголовной ответственности за любое статутное преступление является за-

¹ Felony-murder rule.

вершение объективной стороны, тогда как иные признаки играют второстепенную роль или вообще не играют роли. Поэтому в Австралии такими преступлениями, как правило, признаются конкретные способы совершения убийства. Так, штат Виктория признаёт в качестве данного подвида убийство, совершённое специальным общеопасным способом – при помощи поджога (параграф 197A Crimes Act 1958 Victoria), одновременно не признавая общего правила об убийстве-фелонии (подпараграф 3A (2) Crimes Act 1958 Victoria)¹.

4) Последним подвидом убийства является прецедентное тяжкое убийство, совершённое с конструктивным или неопровержимо-презюмируемым умыслом (common law constructive murder) – категория, существующая только в штатах Виктория и Южная Австралия и предусматривающая ответственность за убийство другого лица путём насилия, совершённого при попытке избежать законного заключения под стражу, противодействовать перемещению в место законного содержания под стражей, или совершить побег из такого места.

Что касается непредумышленного убийства, то существуют лишь два его подвида. В общем уголовном праве Австралии – это:

1) Добровольно-совершённое непредумышленное убийство – представляет собой производную, практически совпадающую с убийством первой и второй степени (подвиды 1 и 2), однако со сниженной общественной опасностью в силу дополнительных обстоятельств. Такие обстоятельства разнятся в зависимости от уголовного закона конкретного штата или территории и включают в себя следующее: (1) провоцирование на убийство (Южная Австралия, Новый Южный Уэльс); (2) превышение пределов необходимой самообороны или обороны третьих лиц в силу уверенности в необходимости такого превышения (Новый Южный Уэльс, Южная Австралия, Виктория); (3) смерть иного лица при неудачном совершении самоубийства (Новый Южный Уэльс, Южная Австралия, Виктория); (4) при осуществлении трудовых обязанностей в стрессовой ситуации (Новый Южный Уэльс). При этом в ряде штатов, например, в Южной Австралии, специальные составы таких преступлений могут квалифицироваться и как умышленное убийство, например, если речь идёт о превышении пределов необходимой обороны при защите недвижимого имущества от посягательств.

2) Непроизвольное (случайное) непредумышленное убийство – подвиды, аналогичные российскому причинению смерти по неосторожности, один из которых включает в себя классическое причинение смерти в силу преступной небрежности, а другой – в ходе совершения общественно-опасного или незаконного деяния, повлекшего смерть человека. При этом совокупность признаков обществен-

¹ Где указано следующее: The rule of law known as the felony-murder rule (whereby a person who unintentionally causes the death of another by an act of violence done in the course or furtherance of a felony of violence is liable to be convicted of murder as though he had killed that person intentionally) is hereby abrogated.

ной опасности и незаконности (неправомерности) должна быть равной, а требование об обязательном наличии в действиях лица признака *mens rea* формально или вовсе не требуется. Стоит отметить, что устаревший термин *malice aforethought* – «заранее обдуманной злой умысел», ранее принятый в общем праве, уже практически не применяется как признак состава умышленного убийства при вынесении приговоров в Великобритании и Австралии. Согласно теории уголовного права наличие заранее обдуманного злого умысла расширяется до пределов, свойственных российскому косвенному умыслу при совершении убийства, когда лицо знало или предполагало, что последствия в виде смерти, скорее всего, наступят, даже если относилось безразлично к этому или же считало, что может быть и не наступят.

Также стоит отметить, что не все государства, принадлежащие системе общего права, признают аналогичное количество подвидов умышленного убийства, как Австралия, при рассмотрении видов непредумышленного убийства расхождений нет. Так же, как и Австралия, эти государства при отграничении непредумышленности руководствуются рацией общепринятых судебных решений по данным категориям преступлений (см.: *R v Daves (1975) 60 Cr App R253*; *People v McEoin (1978) IR 27*; *DPP v Camplin (1978) 2 All ER 168 [10]*), хотя некоторые создают собственные прецеденты (см., например: *The Republic of Nauru v Eiberuken Namaduk (1978), par. 5*), играющие существенную роль при оценке подвидов перечисленных нами деяний. Кроме того в Австралии в качестве признака непредумышленности признаётся провокация на причинение смерти.

Независимо от того, к какому виду или подвиду относится причинение смерти, можно выделить три обязательных признака, которые присутствуют в каждом из этих преступлений, – это действие, причинность и последствия, выраженные в виде наступления смерти. В связи с тем, что в доктрине общего уголовного права не существует единой концепции объекта преступления, в том числе в виде права на жизнь, то теория, закон и судебная практика занимают различные позиции относительно этих вопросов, в зависимости от элементов, формирующих уголовное право конкретной страны.

Единым правилом, определяющим наличие в действиях лица признака убийства, является причинение смерти «человеческому существу» или покушение на причинение смерти. В данном случае в доктрине общего права возникает вопрос, что же понимается под этой категорией и с какого момента физический объект можно рассматривать как человеческое существо. Ответ на этот вопрос был дан в рации судебного решения по делу *R v Hutty (1953) VLR 338*, где девятнадцатилетняя Дороти Мерле обвинялась в совершении умышленного убийства своего новорожденного ребенка. Анализ данного решения показывает, что признаками «человеческого существа» являются следующие:

1) объективные признаки человека, то есть самостоятельно мыслящего и действующего человеческого существа, находящегося в относительно здоровом состоянии с возможностью физического функционирования;

2) объективные признаки новорождённого ребенка, то есть полностью рождённого в здоровом состоянии плода человека, отделившегося от тела матери и способного существовать независимо, не получая жизненных сил от материнского тела; при этом вопрос полного отделения от пуповины не является существенным; однако ребёнок должен существовать в силу функционирования его собственных внутренних органов, а не органов тела матери.

Эта позиция полностью поддерживается всеми федеративными единицами Австралийского союза, независимо от того, закреплена ли она в законе (Новый Южный Уэльс) или же является частью доктрины общего уголовного права (Южная Австралия), или же – рации судебного прецедента (Виктория). В островных государствах мнения разнятся. Так, в Вануату новорождённый признается живым и, следовательно, может быть признан жертвой убийства, независимо от того, дышал ли он или нет, и было ли независимое кровообращение или нет, – единственным достаточным признаком является отделение ребенка от тела матери (пар. 110 Кодекса о наказаниях).

Что касается признаваемого момента смерти, то здесь в уголовном законе нет единого мнения, более того, такие современные проблемы, как вопрос эвтаназии и её отграничения от отключения тела от поддерживающей медицинской аппаратуры, а также дефиниция категории «здоровье» вызывает ряд споров [11]. Ряд специальных актов Австралии [12] определяет смерть как необратимое прекращение функций головного мозга или кровообращения. Однако положения этих актов не являются обязательными для толкования момента смерти, поскольку речь идёт не об общей смерти тела, а об утрате признака «человеческого существа», необходимого для признания деяния убийством. В частности, необратимое прекращение функционирования головного мозга означает «смерть клеток мозга», а не смерть мозга вообще. Вопрос о необратимом прекращении кровообращения оспаривается в связи с развитием медицинских технологий, при которых кровообращение может поддерживаться искусственно (то есть не функционировать самостоятельно), например, кардиостимулятором, а мозг – продолжать жить и полностью сохранять функции разума и тела (см. в качестве определяющего судебный прецедент по делу *Chan Yu Kueng (1987) HKLR 276 (Hong Kong)*).

В рамках категории *actus reus* любое убийство должно содержать в себе два элемента, образующих его деятельную сторону: элемент добровольности действия и правовую причинность. Добровольность действия является обязательным элементом любого из составов преступления в австралийском уголовном праве, и дискуссий по этому поводу не обнаружено. Если добровольность действия не под-

тверждена в рамках принципа «вне обоснованных сомнений», то вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности даже не ставится. Тем не менее критерий добровольности действия в ряде случаев описывается как действия, отвечающие требованиям нормальности или типичности для конкретного человека в конкретном случае [14]. Здесь возможно провести параллели с категорией негодного способа совершения преступления, существующей в российском уголовном праве, и оценкой деяния как способного повлечь определённые последствия. Что касается причинно-следственной связи, то она определяется в рамках признака «правовой причинности» – то есть причин, соответствующих доктрине уголовного права, а не иным признакам. Для этого выделяют два качества, которые должны присутствовать в причинно-следственной связи:

1) соответствие действий и последствий «правилу кроме» (but-for rule), означающему, что конкретные последствия не могли наступить в силу иных причин, кроме как в силу действий лица, их совершившего;

2) если во временном промежутке между действиями лица и наступившими последствиями не выявлено никаких иных обстоятельств, которые также соответствуют «правилу кроме» и требованию о «правовой причинности», причём такие обстоятельства исключают уголовную ответственность лица за наступившую смерть.

Из всего сказанного выше очевидно, насколько существенны различия в формировании самой концепции умышленного причинения смерти в системе общего права и в российском уголовном праве. Разница эта зарождается не на уровне дефиниций или современных академических мнений, но, согласно проведённому анализу, уходит корнями в правовые принципы, в систему доказывания, а также в традиционные способы формирования систем обвинения и правосудия. Пример исторически-устойчивых, максимально похожих по восприятию общественной опасности преступлений, вроде убийства, особенно красноречиво подчеркивает эту разницу.

Российское уголовное право, несмотря на его кажущуюся сложность и многоступенчатость применительно к институту состава преступления, представляется более предпочтительным именно в силу своей стандартизованности и алгоритмичности. Полагаем, что возникающие порой в отечественной уголовной науке идеи относительно адаптации некоторых составов преступлений из системы общего права, в том числе таких классических, каким является убийство, должны оцениваться не только с точки зрения того, нужно ли этого уголовному праву РФ, но и с точки зрения того, что имплементация диспозиции не повлечёт за собой автоматического переноса всей базы общего права, упомянутой нами выше. А это, как видно из предлагаемой статьи, делает такую адаптацию не только бессмысленной, но и вредоносной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. National Criminal Code (Criminal Code Act 1995 Commonwealth) [Электронный ресурс] // Australian Government. Federal Register of Legislation. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00097>.
2. Criminal Law Consolidation Act 1935 South Australia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/CRIMINAL%20LAW%20CONSOLIDATION%20ACT%201935.aspx>.
3. Crimes Act 1900 New South Wales [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sydneycriminallawyers.com.au/criminal/legislation/crimes-act/>.
4. Duff, R. A. Intention, agency and criminal liability: philosophy of action and the criminal law / R. A. Duff. – Oxford: Blackwell, 1990. – 256 p.
5. Perkins, R. M. A Rationale of mens rea // Harvard Law Review. – 1939. – Vol. 6, iss. 52. – P. 905–928.
6. Shapiro, B. J. Beyond reasonable doubt and probable cause: historical perspectives on the anglo-american Law of evidence / B. J. Shapiro. – Berkley, 1991. – 380 p.
7. Третьяков, К. В. Сравнительный анализ квалификации убийств по уголовному праву РФ и США // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – Т. 21, № 3. – С. 195–198.
8. Sornarajah, M. Reckless murder in Commonwealth Law // The International and Comparative Law Quarterly. – 1975. – Vol. 4, iss. 24. – P. 846–861.
9. R v Morrison (2007) SASC 168 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jade.io/summary/mnc/2007/SASC/168>.
10. DPP v Camplin (1978) 2 All ER 168 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://global.oup.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch06/#f>.
12. Bartels, L. A right to die? Euthanasia and the law in Australia / L. Bartels, M. Otlowski // Journal of Law and Medicine. – 2010. – No. 17. – P. 532–555.
13. Death (Definition) Act 1983 South Australia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/DEATH%20\(DEFINITION\)%20ACT%201983.aspx](https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/DEATH%20(DEFINITION)%20ACT%201983.aspx).
14. R v Butcher (1986) VR 43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deakin.rl.talis.com/items/5E8600E5-CBD6-2E43-0E72-BBB5AEC1D855.html>.

REFERENCES

1. *National Criminal Code (Criminal Code Act 1995 Commonwealth)*. Australian Government. Federal Register of Legislation. Available at: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00097> (accessed 17 August 2017).

2. *Criminal Law Consolidation Act 1935 South Australia*. Available at: <https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/CRIMINAL%20LAW%20CONSOLIDATION%20ACT%201935.aspx> (accessed 17 August 2017).
3. *Crimes Act 1900 New South Wales*. Available at: <https://www.sydneycriminal-lawyers.com.au/criminal/legislation/crimes-act/> (accessed 17 August 2017).
4. Duff R.A. *Intention, agency and criminal liability: philosophy of action and the criminal law*. Oxford: Blackwell, 1990. 256 p.
5. Perkins R.M. A rationale of mens rea. *Harvard Law Review*, 1939, vol. 6, iss. 52, pp. 905–928.
6. Shapiro B.J. *Beyond reasonable doubt and probable cause: historical perspectives on the anglo-american Law of evidence*. Berkley, 1991. 380 p.
7. Tret'yakov K.V. Sravnitel'nyi analiz kvalifikatsii ubiystv po ugovnomu pravu RF i SShA [Comparative analysis of the qualification of murders in the criminal law of the Russian Federation and the United States]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2015, vol. 21, no. 3, pp. 195–198.
8. Sornarajah M. Reckless murder in Commonwealth Law. *The International and Comparative Law Quarterly*, 1975, vol. 4, iss. 24, pp. 846–861.
9. *R v Morrison (2007) SASC 168*. Available at: <https://jade.io/summary/mnc/2007/SASC/168> (accessed 25 August 2017).
10. *DPP v Camplin (1978) 2 All ER 168*. Available at: <https://global.up.com/uk/orc/law/criminal/heaton4e/resources/casematerial/bychapter/ch06/#f> (accessed 17 August 2017).
12. Bartels L., Otlowski. A right to die? Euthanasia and the law in Australia. *Journal of Law and Medicine*, 2010, no. 17, pp. 532–555.
13. *Death (Definition) Act 1983 South Australia*. Available at: [https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/DEATH%20\(DEFINITION\)%20ACT%201983.aspx](https://www.legislation.sa.gov.au/LZ/C/A/DEATH%20(DEFINITION)%20ACT%201983.aspx) (accessed 25 August 2017).
14. *R v Butcher (1986) VR 43*. Available at: <https://deakin.rl.talis.com/items/5E8600E5-CBD6-2E43-0E72-BBB5AEC1D855.html> (accessed 23 August 2017).

УДК 343.91-047.34(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/129-140

Е.М. Стоун¹

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия

E-mail: lzqz@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТЕЙ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОСОБОЙ ТЯЖЕСТИ НА ТЕРРИТОРИИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ, РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕЛОМ

Аннотация. Актуальность выбранной темы обусловлена своеобразием дальневосточной особо тяжкой преступности, причиной которому послужили географические, исторические, экономические, социальные, психологические, национальные и другие особенности. Уровень данного вида преступности в ДФО значительно превышает общероссийский, а в своей структуре она содержит большую долю преступлений против личности. С причинами преступности криминология связывает личность преступника, и без знаний о криминологических особенностях преступников, совершающих преступления особой тяжести в исследуемом регионе, невозможно эффективное снижение её уровня. Предметом изучения данной статьи являются сведения о личности лиц, совершающих преступления особой тяжести на территории Дальневосточного федерального округа. Для того чтобы выделить особенности личностей, совершающих особо тяжкие преступления, нами также проводится сравнительный анализ исследуемой категории граждан с лицами, совершающими преступления небольшой и средней тяжести. Для решения поставленных задач в работе использованы статистические и социологические методы, метод сравнительного анализа. Автором изучены данные генеральной совокупности зарегистрированных лиц, совершивших преступления особой тяжести, отражённые в отчётах Министерства внутренних дел и сборниках Росстата по регионам Дальневосточного федерального округа в количестве 26 978 человек и по Российской Федерации в целом в количестве 381 784 человек за период с 2009 г. по 2015 г. включительно. Выборочно изучены материалы уголовных дел, возбужденных на террито-

¹Елена Михайловна Стоун, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Северо-Восточного государственного университета, г. Магадан, Россия.

Для цитирования: Стоун Е.М. Сравнительный анализ личностей лиц, совершающих преступления особой тяжести на территории Магаданской области, российского Дальнего Востока и Российской Федерации в целом // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 4. С. 129–140.

рии Дальнего Востока, а результаты сопоставлены с результатами исследований российских учёных-криминологов. На основании анализа полученных данных даются социально-демографическая, социально-ролевая и нравственно-психологическая характеристики личностей лиц, совершающих особо тяжкие преступления на Дальнем Востоке. В заключение автором выделяются возрастные, социальные, демографические и другие особенности лиц, совершающих преступления особой тяжести на территории Дальневосточного федерального округа.

Ключевые слова: особо тяжкая преступность, криминологическая характеристика личности преступника, особенности личности преступника, предупреждение преступности, преступность Дальневосточного федерального округа.

Elena M. Stoun¹

North-East State University, Magadan, Russia

E-mail: lzqz@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF CORE CRIME COMMITTERS IN MAGADAN REGION, RUSSIAN FAR EAST AND RUSSIAN FEDERATION IN WHOLE

Abstract. The relevance of the selected research topic is explained by the unique features of the Russian Far East core crimes caused by its geographical, historical, economic, social and other aspects. The level of the Russian Far East core crimes and personal crimes has far exceeded those of the Russian Federation in general. The criminal science connects the crime causes with a criminal personality; therefore, the reduction of the core crimes level is impossible without the knowledge of criminological peculiarities of the Russian Far East core crimes personalities. The article studies the data of criminal individuals. In order to determine the personality features of core crime committers, we have conducted a comparative analysis of these offenders and those who committed minor crimes and crimes of average gravity. Statistical, sociological, and comparative analysis methods have been applied. The entire amount of core criminals reported and recorded by the reports of Ministry of Inner Affairs and Federal Service of State Statistics for the Russian Far East in number of 26 978 people and for the Russian Federation in number of 381 784 people for the period of 2009–2015 has been studied. Criminal case files initiated in the Russian Far East were studied electively; the results of studies were compared with

¹Elena M. Stoun, Senior professor of Criminal Law and Criminal Process Department, North-East State University, Magadan, Russia.

For citing: Stoun Elena M. Comparative analysis of core crime committers in Magadan Region, Russian Far East and Russian Federation in Whole // Asia-Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 4. С. 129–140.

similar research results by Russian criminology scientists. Based on the performed analysis, we have defined the social, demographic and ethical peculiarities of core crime committers at the territory of the Russian Far East. Finally, the author has specified the age, social, demographic and other features of the Russian Far East core criminals.

Keywords: core crimes, the offender criminological characteristics, criminal's personality peculiarities, crime prevention, Russian Far East crimes.

Успешное предупреждение преступлений возможно только в случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность является носителем причин их совершения. Эта личность является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения [1, с. 8].

Личность лица, совершившего преступление, является значимой составляющей предмета криминологии. Личность преступника – понятие абстрактное, оно не столько выражает сущность такого аморфного явления, как среднестатистическое лицо, совершившее преступление, сколько служит криминологической формулой или моделью изучения преступников и в целом лиц, совершивших преступления.

В криминологическую структуру личности традиционно включаются социально-демографические признаки. Они имеют важное криминологическое значение, а также являются наиболее распространенными признаками группировки.

Рассматривая социально-демографическую характеристику личности граждан, совершающих преступления особой тяжести, следует, прежде всего, раскрыть вопрос половой принадлежности таких лиц. По данным Федеральной службы государственной статистики, в среднем за исследуемый период население РФ на 46 % состояло из мужчин и на 54 % из женщин. На территории Дальнего Востока соотношение женского и мужского населения иное: женщин в ДФО 52 %, а мужчин 48 % [2, с. 40–47].

При этом, как в целом в РФ, так и на территории ДФО в основном особо тяжкие преступления совершаются лицами мужского пола (87,5 %) [3]. Соответственно, доля женщин в структуре преступности особой тяжести составила 12,5 %. Таким образом, на Дальнем Востоке уровень криминальной заряженности женского населения выше.

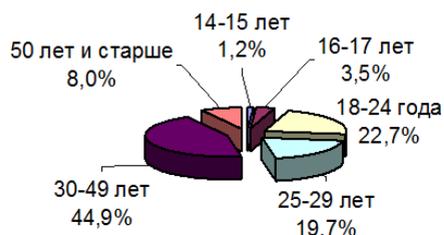
Соотношение женщин и мужчин в структуре преступности меняется в зависимости от видов преступлений. Так, удельный вес женщин в структуре всех зарегистрированных преступников в среднем выше, чем в структуре лиц, совершающих преступления особой тяжести, и составляет 15,6 % [4, с. 624].

В структуре особо тяжелой женской преступности преобладают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств (38,5 %). Умышленные убийства составляют 30,8 %, иные особо тяжкие преступления – 30,7 %. Каждое

второе особо тяжкое преступление, совершённое женщиной, является преступлением корыстной направленности. Мужчины чаще совершают насильственные (39,1%), и корыстно-насильственные преступления (31%), реже корыстные особо тяжкие преступления (29,9%).

Данные об удельном весе лиц, совершающих преступления особой тяжести, распределённом по возрастным категориям, выглядят следующим образом.

Дальневосточный федеральный округ

Российская Федерация

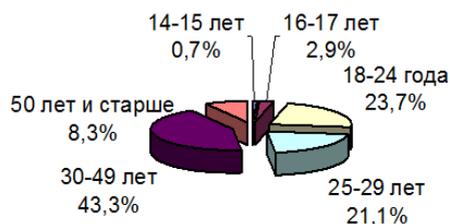

Рис. 1. Возрастная структура лиц, совершающих преступления особой тяжести в Российской Федерации и Дальневосточном федеральном округе [3]

Наибольшую долю среди преступников, совершающих особо тяжкие преступления в Магаданской области, составляют лица 18–24 лет (28%). На Дальнем Востоке этот показатель составляет 22,7%, а в РФ – 23,7%. В структуре общеуголовной преступности данная категория лиц стоит на втором месте после возрастной категории 25–29 лет [4, с. 625] (рис. 1). Недавние нейропсихологические исследования изменений критического мышления с течением времени (например, способности думать и предвидеть последствия своих действий) указывают на то, что с возрастом личность реже теряет самоконтроль в сложных или провоцирующих ситуациях. Таким образом, процесс взросления делает лицо менее склонным к совершению преступлений [5, с. 130]. Связь низкого самоконтроля с девиантным или преступным поведением была также установлена другим, масштабным исследованием, охватившим более полумиллиона человек по всему миру [6, с. 62].

Следующая по интенсивности совершения особо тяжких преступлений в Магаданской области – категория лиц, возраст которых составляет 25–29 лет (23%). Этот показатель также выше дальневосточного (19,7%) и общероссийского (21,1%) показателей. В структуре общеуголовной преступности лица этого возраста являются самыми частыми фигурантами уголовных дел.

Далее – группа лиц 30–49 лет. Для Магаданской области она разделена на четыре категории: лица, совершившие преступления в возрасте 30–34 лет (21%), 35–39 лет (10%), 40–44 лет (5%) и 45–49 лет (1%). На территории Дальнего Вос-

тока и России значительно больше лиц указанных категорий совершают преступления особой тяжести – 44,9 % и 43,3 % соответственно. Специалисты отмечают, что, по интенсивности совершения общеуголовных преступлений в целом, лица, совершающие преступления в возрасте старше 30 лет, уступают несовершеннолетним преступникам [4, с. 625].

Четвёртая возрастная группа – лица старше 50 лет, на территории Магаданской области их 9 %, на Дальнем Востоке 8 % и в РФ в целом 8,3 %. Среди всех зарегистрированных преступников в РФ доля лиц старше 50 лет составляет в среднем 5,1 %.

Доля лиц, совершающих особо тяжкие преступления в возрасте до 18 лет, в Магаданской области составляет 3 %, в ДФО 4,7 %, в РФ 3,8 %. Р.В. Журбин отмечает, что удельный вес выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, от общего количества выявленных лиц, совершивших преступления, сократился почти в 2 раза – с 10,2 % в 2000 г. и составил 5,4 % в 2014 г. [7, с. 279] (рис. 2).

Существенный отпечаток на поведение личности накладывает уровень образования, поскольку он, с одной стороны, формирует у индивидуума определенные жизненные ориентации, а с другой – свидетельствует о способности человека адаптироваться к существующим социальным канонам [8, с. 52].

Рис. 2. Структура лиц, совершивших преступления особой тяжести в 2009–2015 гг. в Российской Федерации в целом и Дальневосточном федеральном округе, по уровню образования [3]

Образовательный уровень лиц, совершающих особо тяжкие преступления на территории Магаданской области, невысок. Начальное и основное общее образование среди них имеют 30 %. В ДФО среди лиц, совершающих преступления особой тяжести, такое образование имеют 31,4 %, а в РФ – 24 %. Среди всех осужденных лица с начальным общим и основным общим образованием составляют 35,9 %.

Общее среднее образование имеют 41 % особо тяжких преступников в Магаданской области, 38,1 % в ДФО и 41,6 % в РФ в целом. Среднее специальное образование есть у 24 % лиц, совершающих особо тяжкие преступления в Магаданской области, 25,6 % на Дальнем Востоке и 27,6 % в России. С высшим образованием в

Магаданской области зарегистрировано 4 % лиц, совершивших преступления особой тяжести, в ДФО – 4,9 %, в РФ – 6,8 %.

Одной из особенностей личности лица, совершающего преступления особой тяжести, является отсутствие семейных связей. Наше исследование показало, что 78 % лиц, совершивших особо тяжкие преступления, не состояли в браке, 7 % сожительствовали и лишь 15 % состояли в зарегистрированном браке. Сравнивая эти данные с лицами, совершающими преступления небольшой тяжести, следует отметить, что последние характеризуются большим количеством граждан, состоящих в браке: 54 % [9, с. 42]. У 73 % преступников, совершающих преступления особой тяжести, не имелось детей, 20 % имели одного ребенка, 4 % – двух и 3 % – трёх и более детей.

Наличие положительных социальных связей является существенным антикриминогенным фактором, в том числе влияющим на тяжесть преступлений.

Трудовая занятость человека является одной из важнейших связей с обществом. Общественно полезная деятельность характеризует социализацию личности. По данным нашего исследования, 47 % лиц на момент совершения преступлений особой тяжести нигде не работали и не учились, трудоустроены были 46 % граждан. 25 % лиц, совершающих преступления особой тяжести, заняты неквалифицированным трудом, 17 % – квалифицированным, 4 % – предприниматели.

Если сравнить занятость лиц, совершающих преступления особой тяжести, с занятостью лиц, совершающих преступления небольшой тяжести, можно заметить, что количество нигде не работающих и не учащихся лиц среди осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести выше (64,9 %).

Примечательно, что для лиц без определенного рода занятий, совершающих преступления небольшой тяжести, характерно совершение преступлений против собственности, самыми распространенными среди которых являются кражи и мошенничество [9, с. 42]. А для не занятых в трудовом процессе лиц, осужденных за совершение преступлений особой тяжести, более характерно совершение преступлений насильственного характера (53,2 %), на втором месте – корыстно-насильственные преступления (25,5 %) и лишь на третьем – корыстные (21,3 %).

Учащиеся составляют 5 % лиц исследуемой категории. Они совершают меньше насильственных преступлений (40 %). Доля учащихся, совершающих преступления особой тяжести, выше, чем среди лиц, совершающих преступления небольшой тяжести (2 %), но ниже доли учащихся, совершающих общеуголовные преступления (8,3 %).

Не последнюю роль в криминальной активности населения играют место и условия проживания граждан. Исследование показало, что 74 % лиц, совершающих преступления особой тяжести в Магаданской области, проживают в городе и 26 % – в сельской местности. Приезжими совершается 64 % преступлений особой тяжести, местными жителями – 36 %. Лицами из других государств и регионов в

основном совершаются преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств (54 %), а лицами, приехавшими из поселков, преимущественно совершаются насильственные преступления (72 %).

В ДФО удельный вес местных жителей среди лиц, совершающих преступления особой тяжести, выше, чем в Магаданской области (52,3 %). В целом в России этот показатель также выше и составляет 48,27 %. По нашему мнению, это, в первую очередь, обусловлено такими особенностями Дальнего Востока, как существенная отдаленность населенных пунктов друг от друга. Это затрудняет миграцию жителей Дальневосточного региона внутри субъектов и между ними.

Лицами без определённого места жительства в ДФО совершается 1,8 % всех зарегистрированных преступлений особой тяжести. Это больше, чем в РФ в целом.

Среди лиц, совершающих преступления особой тяжести на Дальнем Востоке, граждане России преобладают над гражданами других государств и лицами без гражданства (97,8 % против 2,2 %). Для сравнения приведем общероссийский показатель уровня лиц, являющихся гражданами РФ и совершающих особо тяжкие преступления. Он составляет 94,3 %, а, соответственно, удельный вес граждан других государств и лиц без гражданства – 5,7 %.

Значительные потоки мигрантов оказывают существенное влияние на криминогенную обстановку Дальнего Востока, создают дополнительные трудности для оперативно-профилактической деятельности правоохранительных органов [8, с. 54–55].

Анализ социально-ролевой характеристики личности преступника, совершающего преступления особой тяжести на территории Дальнего Востока, необходим для выявления особенностей личности, проявляющихся в основных сферах жизнедеятельности человека.

Поведение по месту жительства исследуемой категории лиц характеризуется как посредственное у 33,7 %, отрицательное – у 30,6 % и положительное – у 27,6 %. Все лица, имеющие отрицательные характеристики, ранее привлекались к административной или уголовной ответственности. Следует отметить, что в основном характеристики от УМВД, имеющиеся в материалах уголовных дел, носят формальный характер.

Среди отрицательно характеризующихся по месту жительства лиц преобладают граждане, совершающие насильственные особо тяжкие преступления (56,7 %), а среди положительно и посредственно характеризующихся – совершающие преступления против собственности (45,5 %).

Социальная роль личности преступника как работника рассматривалась нами через анализ рода занятий этих лиц. Установлено, что среди исследуемой категории лиц 47 % нигде не работали и не учились на момент совершения преступлений. Нежелание трудиться, тунеядство определяют ослабление социально полезных связей у подобного рода лиц, выводят их из сферы контроля со стороны общества,

лишают легальных источников существования. Всё это стимулирует данных лиц к пренебрежительному отношению к другим людям и несоблюдению уголовно-правовых норм [10, с. 180].

Примечательно, что 82,9 % трудоустроенных лиц, совершающих особо тяжкие преступления, по месту работы характеризуются положительно, 2,9 % характеризуются отрицательно и посредственно. В остальных случаях характеристики отсутствуют. На наш взгляд, такой высокий процент положительно характеризующихся лиц обусловлен тем, что органы следствия и суд не всегда запрашивают характеристику личности с места работы. А привлекаемый к уголовной ответственности, в случае получения от работодателя отрицательной характеристики, не заявляет ходатайства о её приобщении к материалам уголовного дела.

Сравнивая характеристики исследуемой категории лиц с характеристиками граждан, совершающих преступления небольшой тяжести, отметим, что последние, в основном, характеризуются отрицательно по месту жительства и работы (40 %), в то время как у лиц, совершающих преступления особой тяжести, практически нет перевеса в сторону положительных или отрицательных характеристик по месту жительства. В рабочем коллективе, наоборот, они характеризуются положительно.

Из учащихся 40 % характеризуются положительно, 30 % – отрицательно, 30 % – посредственно. Каждый второй несовершеннолетний преступник воспитывается в неблагополучной либо неполной семье. В неполных семьях несовершеннолетние в основном воспитываются мамами, только 16,6 % – отцами. 10 % несовершеннолетних преступников, совершающих преступления особой тяжести, сироты, при этом на попечении детских домов находится 18,2 % исследуемой категории детей.

Для более глубокого анализа личности преступника, совершающего особо тяжкие уголовно наказуемые деяния, обратимся к выполнению им социальной роли в семье. Наше исследование показало, что большинство привлечённых к уголовной ответственности лиц, имеющих детей, фактически не исполняют своих обязанностей по их воспитанию (53,6 %). Из них 13,2 % в установленном законом порядке лишены родительских прав, что является крайней мерой при злостном уклонении родителя от воспитания несовершеннолетнего ребенка.

Отношения в семье характеризуют как неконфликтные 89 % осужденных и лиц, проживающих с ними. Полагаем, что к такому соотношению неконфликтных семейно-бытовых взаимоотношений следует отнести критически, поскольку часто, когда лицо становится объектом уголовного преследования, его близкие стараются помочь ему в меру сил, в том числе, давая не всегда объективные характеристики.

Мотивационная сфера лиц, совершающих преступления особой тяжести, в большинстве случаев имеет корыстную направленность (50,7 %). В основном это преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Стремление к «лёгкой и быстрой наживе» обуславливает этот вид преступности. Следует отме-

тить, что многие из опрошенных осужденных отмечали не какой-то один, единственный мотив их преступного поведения, а порой несколько. Даже корыстный мотив имеет свою различную окраску. Многие совершали накропреступления, чтобы улучшить свое плохое, порой бедственное материальное положение, прокормить семью, добыть деньги на очередную дозу наркотика и т.д., но некоторые – чтобы приобрести деньги на престижную одежду, жильё, автомашину [11, с. 70].

Следующие категории характерны для особо тяжких преступлений насильственной и корыстно-насильственной направленности: 6,7 % лиц, осужденных за совершение преступлений особой тяжести, совершали преступления для удовлетворения сиюминутных потребностей в приобретении алкогольной продукции. Из мести преступления совершаются в 12 % случаев. Часто такой мотив граничит с личной неприязнью к лицу, в отношении которого совершаются преступления особой тяжести. Личная неприязнь выступает мотивом в 8 % случаев. 10,7 % изученных нами преступников совершили преступление либо из-за желания поднять свой авторитет в глазах ближайшего окружения, либо чтобы помочь лицам, совершавшим преступления особой тяжести. Потребностно-мотивационный мотив встречается в 9,3 % случаев. Мотив ревности – в 1,3 %.

Изучение потребностно-мотивационной сферы лиц, совершающих убийства на Дальнем Востоке, позволяет выделить следующие основные мотивы, лежащие в основе преступного поведения: ревность, месть, состояние сильного душевного волнения, реже корыстные мотивы. Лица, совершающие такие деяния, в подавляющем большинстве, совершая преступление, тем самым разрешают сугубо личный внутренний конфликт, бросая вызов глубинам подсознания. На первое место выходит внутренний диалог, борьба индивидуальности с природными инстинктами [8, с. 57–58].

Среди лиц с отрицательным поведением, совершающих особо тяжкие преступления, 13,3 % состояли на учёте в наркологическом диспансере как лица, злоупотреблявшие спиртными напитками или употреблявшие наркотические вещества. Фактически же 36,9 % всех преступлений особой тяжести в Магаданской области были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Это больше, чем в России (33,4 %), но ниже, чем на Дальнем Востоке (42,5 %). Этот показатель значительно превышает удельный вес лиц, совершивших общеуголовные преступления в состоянии алкогольного опьянения, в общем количестве осужденных лиц в РФ (25,1 %). В состоянии алкогольного опьянения преступления небольшой тяжести совершают в среднем 18 % лиц.

Более половины исследуемых граждан в Магаданской области на момент совершения преступления имели неснятую или непогашенную судимость (53,7 %). Этот показатель ниже, чем в ДФО (56,9 %), но выше, чем в РФ (47,9 %). 70 % судимых лиц, совершающих преступления особой тяжести, ранее отбывали лишение свободы в исправительных учреждениях, 85,7 % из них были освобождены условно-досрочно. Условно отбывали наказание 15 % лиц, имевших судимость на мо-

мент совершения особо тяжкого преступления; 10 % были осуждены к исправительным работам и 5 % – обязательным. У 82,8 % лиц наблюдается увеличение степени тяжести совершенного преступления.

По мнению специалистов, совершение преступлений зависит, в том числе, от отношения лица к допустимости деяний, запрещённых уголовным законом. Если лицо придерживается взглядов, которые одобряют преступное поведение, то и соответствующие деяния не заставят себя ждать [12, с. 193].

Среди лиц, осужденных за особо тяжкие преступления, 16,3 % имели психические отклонения, не исключающие вменяемости. Среди них 37,5 % состояли на учёте в психоневрологическом диспансере.

Изложенное позволяет нам сформулировать следующие выводы о личности лиц, совершающих преступления особой тяжести.

Особо тяжкая преступность является преимущественно мужской, а её спецификой на Дальнем Востоке является более высокий уровень криминальной заряженности женского населения.

Возрастными особенностями лиц, совершающих преступления особой тяжести, является относительно высокий удельный вес лиц молодого трудоспособного возраста, совершающих такие преступления, 18–29 лет.

Очевидно, что образовательный уровень лиц, совершающих преступления особой тяжести, на территории Магаданской области ниже Дальневосточного и общероссийского уровней;

Социальные роли и статусы лиц, совершающих особо тяжкие преступления в ДФО, характеризуются деформациями в основных сферах – трудовой, досуговой, в учёбе и семье.

А анализ нравственно-психологической характеристики личности преступника, совершающего преступления особой тяжести на Дальнем Востоке, позволяет прийти к выводу о негативных изменениях психологических признаков, характеризующих осужденных изучаемой категории: убеждений, взглядов, интересов, стереотипов поведения, установок и др.

36,9 % всех преступлений особой тяжести в Магаданской области были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Этот показатель значительно выше, чем на Дальнем Востоке (42%, 47 %) и в России (33,37 %).

Более половины исследуемых граждан в Магаданской области на момент совершения преступления имели неснятую или непогашенную судимость (53,7 %). Этот показатель ниже, чем в ДФО (56,9 %), но выше, чем в РФ в целом (47,9 %). 70 % судимых лиц, совершающих преступления особой тяжести, ранее отбывали лишение свободы в исправительных учреждениях.

Таковыми являются наиболее типичные признаки личности лица, совершающего особо тяжкие преступления на Дальнем Востоке. Знания о криминологиче-

ских особенностях преступников исследуемого вида, в совокупности с криминологическими показателями и детерминантам особо тяжкой преступности, в дальнейшем могут быть использованы для эффективного снижения её уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Личность преступника: криминологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. – М. : Норма-Инфра-М, 2010. – 328 с.
2. Россия в цифрах. 2016 : крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 543 с.
3. Сведения о лицах, совершивших особо тяжкие преступления за 2009–2015 годы [Электронный ресурс] : Статистическая форма МВД России Ф. 492 КН. 703 [от 25.11.2016] // Сборник по Дальневосточному федеральному округу, г. Москва, 2016. – М., 2016. – Режим доступа: локальный доступ; БД ФКУ «ГИАЦ МВД России».
4. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник для магистров : в 2-х т. Т. I : Общая часть / В. В. Лунеев. – М. : Издательство Юрайт, 2012. – 1003 с. – (Магистр).
5. Pratt, T. C. A self-control/life-course theory of criminal behavior // *European Journal of Criminology*. – 2016. – Vol. 13, no. 1. – P. 129–146.
6. Vazsonyi, A. T. It's time: A meta-analysis on the self-control-deviance link / A. T. Vazsonyi, J. Mikuška, E. L. Kelley // *Journal of Criminal Justice*. – 2017. – Vol. 48. – P. 48–63.
7. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества : монография / П. В. Агапов, Г. В. Антонов-Романовский, В. К. Артеменков [и др.]; под общ. ред. Р. В. Журбина ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – М. : Проспект, 2016. – 656 с.
8. Варанкина, Ю. С. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых на Дальнем Востоке : монография / Ю. С. Варанкина, В. Д. Ларичев. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 152 с.
9. Рогова, Е. В. Криминологическая характеристика лиц, виновных в совершении преступлений небольшой тяжести // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – 2015. – № 2 (20) – С. 40–45.
10. Логвиненко, В. В. Личность преступника как одна из криминологически значимых характеристик в угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // *Пробелы в российском законодательстве*. – 2014. – № 3. – С. 177–181.
11. Киркина, Н. В. Особенности личности женщины-наркопреступницы и воздействия на неё : дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Киркина. – Саратов, 2016. – 213 с.
12. How is parenting related to adolescent delinquency? A between-and within-person analysis of the mediating role of self-control, delinquent attitudes, peer delinquency, and time spent in criminogenic settings / H. J. Janssen [et al.] // *European Journal of Criminology*. – 2016. – Vol. 13, no. 2. – P. 169–194.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. *Lichnost' prestupnika: kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie* [Criminal personality: criminology-psychological research]. Moscow: Norma-Infra-M Publ., 2010. 328 p.
2. *Russian Federation in numbers. 2016: Brief statistics digest* / Rosstat. Moscow, 2016. 543 p. (In Russian).
3. Main Information and Analysis Center of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (2009–2015 years). Collected volume on Far Eastern Federal District F.492 KN.703. Moscow, 2016. Available at: *Federal St. Inst. «Main information-analytical center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»* (accessed 25 November 2016). (In Russian).
4. Luneev V.V. *Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii : uchebnik dlya magistrrov. V 2 t. T. I. Obshchaya chast'* [World and Russian criminology course: magisters' manual, 2 Volumes. Vol. I. Generalpart]. Moscow: Urait Publ., 2012. 1003 p. (In Russian).
5. Pratt T.C. A self-control/life-course theory of criminal behavior. *European Journal of Criminology*, 2016, vol. 13, no. 1, pp. 129–146.
6. Vazsonyi A.T., Mikuška J., Kelley E.L. It's time: A meta-analysis on the self-control-deviance link. *Journal of Criminal Justice*, 2017, vol. 48, pp. 48–63.
7. Zhurbin R.V. general ed. *Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti na sovremennom etape razvitiya rossiiskogo obshchestva* [Theoretical bases of crime prevention in Russian society current status: monograph]. Moscow: Prospect Publ, 2016. 656 p.
8. Varankina Yu.S., Larichev V.D. *Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie ubiystv, sovershaemykh na Dal'nem Vostoke* [Criminological characteristics and prevention of homicide, committed in the Far East: monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2015. 152 p. (In Russian).
9. Rogova E.V. *Kriminologicheskaya kharakteristika lits, vinovnykh v sovershenii prestuplenii nebol'shoi tyazhesti* [Criminological characteristics of minor crimes personalities]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2015, no. 2 (20) P. 40–45.
10. Logvinenko V.V. *Lichnost' prestupnika kak odna iz kriminologicheskii znachimykh kharakteristik v ugroze ubiystvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu* [Criminal personality as one of the criminology significant characteristics in threat of homicide or causing grievous harm]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2014, no. 3, pp. 177–181.
11. Kirkina N.V. *Osobennosti lichnosti zhenshchiny-narkoprestupnitsy i vozdeistviya na nee* [Drug-related criminal women personality peculiarities and their correction]. Diss. Cand. (Legal Sci.). Saratov, 2016. 213 p.
12. Janssen H.J. et al. How is parenting related to adolescent delinquency? A between-and within-person analysis of the mediating role of self-control, delinquent attitudes, peer delinquency, and time spent in criminogenic settings. *European Journal of Criminology*, 2016, vol. 13, no 2, pp. 169–194.

УДК 349.22-049.65:001.83(5:265)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/141-150

Н. Р. Агаева¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: natella.vlad@yahoo.com

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИМОРСКОГО КРАЯ СО СТРАНАМИ АТР

Аннотация. Защита прав работодателей как субъектов предпринимательской деятельности является сложной многоаспектной проблемой. В последние годы к указанной проблематике наблюдается повышенное внимание со стороны государства и научного сообщества. Данный вопрос представляется особенно актуальным для Дальневосточного региона России, поскольку одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере социально-экономических отношений является развитие международного сотрудничества Российской Федерации со странами АТР, привлечение прямых иностранных инвестиций, реализация долгосрочных производственных и инфраструктурных проектов на территории Приморского края, в том числе с участием иностранных инвесторов-работодателей. В этих целях на территории Дальнего Востока России и, в частности, Приморского края внедряются особые экономические режимы, такие как территории опережающего социально-экономического развития, центр для развития внешней торговли со странами АТР Свободный порт Владивосток и иные механизмы инвестиционного сотрудничества.

Вместе с тем, в ходе предпринимательской деятельности многие субъекты, в том числе иностранные инвесторы-работодатели, сталкиваются с рядом административных барьеров, препятствующих эффективному ведению бизнеса на территории России и снижающих степень его привлекательности.

Поэтому создание необходимых правовых условий для развития предпринимательства, а также формирование эффективных механизмов защиты прав работодателей является весьма актуальным.

¹ Нателла Рустамовна Агаева, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и экологического права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Агаева Н.Р. Правовые аспекты защиты трудовых прав работодателей в условиях развития международного сотрудничества Приморского края со странами АТР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2017. № 4. С. 141–150.

В статье рассматриваются понятие и способы защиты трудовых прав работодателей в России и делается вывод о недостаточной проработке в трудовправовой науке указанных вопросов. Автор обращает внимание на необходимость дальнейшего исследования проблем защиты прав работодателей в сфере труда.

Ключевые слова: трудовые права и свободы, защита трудовых прав, интересы работодателя, работник, работодатель – иностранный инвестор, трудовые отношения, социальное партнёрство, международное сотрудничество.

Natella R. Agaeva¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: natella.vlad@yahoo.com

**LEGAL ASPECTS OF PROTECTING EMPLOYERS' LABOR RIGHTS
IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL COOPERATION
BETWEEN PRIMORSKY REGION AND ASIA PACIFIC COUNTRIES**

Protection of employers' rights is a complex multidimensional problem. In recent years, the Government and the academic community have been paying much attention to these issues. This issue is especially relevant for the Far-Eastern region of the Russian Federation since the promotion of international cooperation between Russia and Asian Pacific countries, attracting foreign direct investment, realization of long-term industrial and infrastructure projects in Primorsky territory have become the top priorities and important goals in the Russian State policy. In order to achieve these targets, the Far-Eastern region and the Primorsky territory have been implementing new special economic regimes such as the territory of social and economic development (growth), the center for development of foreign trade between Russia and Asian Pacific countries, and the Free port of Vladivostok, as well as other instruments of investment cooperation.

However, many employers including foreign investors have been facing administrative barriers to business activities in Russia. These obstacles are greatly decreasing the attractiveness of Russia for investors and business.

Therefore, creating the necessary legal environment for development of business and establishing efficient tools of protecting the employers' rights have remained particularly topical.

¹Natella R. Agaeva, PhD (Law), Associate professor, Department of labor and environmental law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Agaeva N. R. Legal aspects of protecting employers' labor rights in the context of international cooperation between Primorsky Region and Asia Pacific countries // Asia-Pacific RIM: Economics, Politics and Law. 2017. № 4. С. 141–150.

The article looks into the concept and ways of protecting employers' labor rights in the Russian Federation. The author concludes that this issue has yet to be satisfactorily studied in the area of Russian Labor Law. Thus, the issues related to these problems deserve an in-depth study.

Key words: labor law and freedoms, protection of labor rights, the employer's interests, employee, foreign investors-employers, employment relations, social partnership, international cooperation.

В условиях расширения международного сотрудничества, активного участия российского государства в мировых интеграционных процессах существенно возрастает роль правового регулирования общественных отношений. Эффективность данного регулирования зависит не только от формирования правовой базы, ориентированной на общепризнанные принципы и нормы международного права и адекватно отвечающей социально-экономическим преобразованиям, но и от создания реальных условий для самореализации личности в обществе.

Применительно к сфере наёмного труда государственная политика должна быть направлена на достижение такого уровня правового регулирования трудовых отношений, при котором бы максимально гарантировались закрепление, реализация и защита трудовых прав и свобод личности.

Законодательство о труде, являясь элементом механизма реализации социальной политики государства, должно обеспечить наряду с эффективным экономическим развитием достижение иных социально значимых целей. Именно поэтому основной целью и задачей трудового законодательства на современном этапе являются защита прав и интересов работников и работодателей, достижение оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений и интересов государства.

Вместе с тем, в контексте отношений «государство – труд – капитал» по-прежнему актуальным остается вопрос о противоречиях между потребностями рыночной экономики и социальными правами, где на первый план выдвигаются интересы и потребности государства, а потом – работодателя и наёмного работника.

Поэтому в условиях нестабильной рыночной экономики представляется необходимым в очередной раз обратить внимание на проблемы защиты прав и свобод субъектов трудовых правоотношений.

Современное состояние науки трудового права показывает, что проблемы социально-правовой защиты и защищённости в сфере наёмного труда получили достаточно глубокую теоретическую проработку [4; 1].

При этом большая часть исследований посвящена вопросам социально-правовой защиты работника как наиболее слабой в экономическом смысле стороны трудового правоотношения [2; 3; 7; 9]; в меньшей степени в трудовом праве науке

освещаются проблемы защиты прав работодателя как субъекта трудового правоотношения [5; 11].

Такой подход продиктован, прежде всего, тем, что изначально трудовое право формировалось как отрасль права, направленная на защиту трудовых прав и свобод граждан, вовлечённых в сферу несамостоятельного труда. Кроме того, анализ правоприменительной практики свидетельствует о существенных нарушениях трудовых прав работников, в связи с этим возникает необходимость их защиты и исследования соответствующих проблем.

Однако нельзя не признать, что работодатель как субъект трудового права также нуждается в правовой защите. Будучи субъектом гражданского оборота в ходе осуществления предпринимательской деятельности, работодатель берёт на себя значительные обязательства и риски и несёт ответственность за исполнение возложенных на себя обязательств, в том числе в сфере трудовых правоотношений.

Обращаясь к вопросу защиты трудовых прав работодателя, нельзя не отметить, что в юридической науке существуют различные подходы к определению данной правовой категории.

С точки зрения защитной функции трудового права широкая трактовка защиты трудовых прав предполагает включение условий труда, гарантий основных трудовых прав, предусмотренных трудовым законодательством; развитие производственной демократии, позволяющей работникам участвовать в установлении условий труда; широкую пропаганду трудового законодательства и обучение его основам и способам защиты прав работодателей и работников [6, с. 383–384].

Некоторые авторы в наиболее общем виде под защитой трудовых прав понимают деятельность, в результате которой обеспечено восстановление прав и законных интересов [2] либо деятельность компетентных органов по разрешению трудовых споров, которая охватывает все стадии процесса и направлена на пресечение трудовых правонарушений, восстановление нарушенных или оспариваемых прав [16]. Кроме того, защита трудовых прав работников может рассматриваться как любого рода деятельность, совершаемая субъектами в интересах работников и способствующая улучшению условий их труда [16].

В узком смысле под защитой трудовых прав понимают правореализующую деятельность, осуществляемую в установленном законом порядке работником и уполномоченными на то органами, которая выражается в применении правовых мер к работодателю, не выполняющему возложенные на него обязанности и (или) совершающему действия, препятствующие нормальному осуществлению прав работников [14, с. 570].

Как видно из приведённых определений, большая часть из них сформулирована с учётом необходимости защиты трудовых прав работника и в меньшей степени – работодателя.

Представляется, что выработанные наукой трудового права подходы к формулированию этого понятия продиктованы отдельными положениями основного закона о труде. Достаточно обратиться к разделу XIII Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), посвящённому защите трудовых прав и свобод. Так, ст. 352 ТК РФ устанавливает перечень способов защиты трудовых прав и свобод, к числу которых относятся самозащита работниками трудовых прав; защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами; государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативно-правовых актов, содержащих нормы трудового права; судебную защиту.

Следует заметить, что указанные в данной норме способы не ограничиваются приведённым перечнем, а дополнение, внесённое федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ в ст. 352 ТК РФ, о праве каждого на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещёнными законом, позволяет судить и об иных способах защиты трудовых прав и свобод [4, с. 121–122].

Действительно, существуют также другие способы и формы защиты трудовых прав, некоторые из которых отражены в соответствующих нормах ТК РФ; иные же регламентированы другими нормативно-правовыми актами. Так, к числу способов защиты трудовых прав можно отнести защиту трудовых прав с использованием института Уполномоченного по правам человека в РФ, Общественной Палаты РФ, разрешение индивидуальных трудовых споров в комиссии по трудовым спорам (КТС), использование процедуры медиации при урегулировании разногласий, международные механизмы защиты трудовых прав и свобод [4, с. 122].

Очевидно, что отмеченные способы в большей степени ориентированы на защиту трудовых прав работников, чем работодателя.

Поэтому, на наш взгляд, подход к определению защиты трудовых прав, из содержания которого просматриваются, главным образом, элементы защиты одной из сторон трудовых отношений – работника, нельзя назвать удачным, поскольку, исходя из ст. 1 ТК РФ, одной из основных целей трудового законодательства является в том числе защита прав и интересов работников и работодателей; а одной из основных задач трудового законодательства – создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства.

Исходя из этого, приходится констатировать, что на законодательном уровне недостаточно сформирована правовая база и созданы правовые условия для защиты прав работодателя, а ст. 352 ТК, несмотря на положение о праве каждого на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещёнными законом, носит «однобокий» характер.

Таким образом, представляется необходимым установление более чёткой правовой регламентации способов защиты трудовых прав и свобод не только работни-

ков, но и работодателя на законодательном уровне в целях обеспечения равных возможностей сторон трудовых правоотношений в вопросах защиты нарушенных трудовых прав, свобод и законных интересов.

Рассматривая способы защиты трудовых прав и интересов работодателя, кроме права на обращение в суд за восстановлением нарушенных прав, отметим, что существует возможность их защиты с использованием института Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей [13], защиты своих прав и интересов через институт социального партнёрства; право на создание общественных объединений работодателей, в частности, Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) [15] и др. Кроме того, в РФ действует Арбитражный Центр при Институте современного арбитража, который в сентябре 2017 г. открыл первое региональное отделение – Дальневосточное отделение в г. Владивосток. Представляется, что создание данной структуры обусловлено необходимостью решения ряда социально-экономических задач по реализации производственных и инфраструктурных проектов на территории Дальнего Востока, в том числе и с участием иностранных инвесторов-работодателей и необходимостью защиты их прав.

Анализ деятельности указанных выше институтов позволяет судить о различной степени эффективности некоторых из них. Вместе с тем, несмотря на создание достаточно «новых» для российского государства способов и форм защиты прав работодателей, хотелось бы обратить внимание на некоторые классические, традиционно устоявшиеся в правоприменительной практике России и стран АТР институты, к числу которых относится социальное партнёрство.

Несмотря на достаточно чёткую законодательную регламентацию вопросов социального партнёрства в действующем российском трудовом законодательстве и попытками его продвижения в правоприменительной практике, данный институт не является столь популярным и эффективным способом защиты трудовых прав работодателей в России, в то время как в Республике Корея и в Японии институт социального партнёрства является одним из значимых инструментов защиты трудовых прав работодателей и способов разрешения коллективных разногласий.

Так, с целью развития системы социального партнерства в Республике Корея «предусмотрено создание двух органов: совместных производственных советов на предприятиях, основанных на двустороннем сотрудничестве предпринимателей и работников, и комитетов по труду – органов трёхстороннего сотрудничества профсоюзов, организаций предпринимателей и государства (правительственных органов)» [10, с. 362]. Выступая в качестве органа государственной администрации, хотя и весьма своеобразного по функциям и составу, комитеты по труду выполняют в Республике Корея и судебные функции по разрешению индивидуальных и коллективных трудовых споров, как юридические, так и экономические, осуществляют функции примирения и посредничества, а также арбитража [10, с. 363].

Применительно к Японии можно отметить, что это государство «являет пример постепенного перехода от формальных трудовых отношений, регулирование которых осуществляется коллективными переговорами, к неформальным с проведением совместных консультаций предпринимателей и профсоюзов. Важную роль в этом сыграли профсоюзы, проявившие готовность адекватно реагировать на социально-экономические и политические перемены. Их позиция придаёт трудовым отношениям гибкость, а отношениям с предпринимателями – характер согласованных действий» [12]. Приведённый пример, в частности, позволяет судить о наличии разных подходов в регулировании вопросов защиты трудовых прав работодателей в законодательстве России и некоторых стран АТР.

Вместе с тем, актуальность данной проблематики связана не только с недостаточностью правовой регламентации механизмов защиты прав работодателя в сфере несамостоятельного труда, но и, в первую очередь, обусловлена социально-экономическими процессами, происходящими в стране, расширением международного сотрудничества со странами АТР, политикой российского государства, направленной на привлечение на территорию Дальнего Востока страны, в том числе территорию Приморского края, инвестиций, обеспечивающих реализацию долгосрочных проектов, создание новых рабочих мест и пр.

Развитие Дальнего Востока России в данном ключе ставит на повестку дня необходимость создания иностранных работодателей – юридических лиц, которые осуществляли бы предпринимательскую деятельность по «правилам игры», предусмотренным российским законодательством.

Однако наличие многочисленных административных барьеров для ведения бизнеса, чрезмерный контроль и надзор со стороны соответствующих государственных структур, отсутствие должных эффективных механизмов защиты прав затрудняет предпринимательскую деятельность на территории России не только российских работодателей, но и зарубежных. Об этом неоднократно отмечал в своих ежегодных докладах Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей [8]. Кроме того, всё сказанное, помноженное на иной менталитет, необходимость адаптации к совершенно иным – незнакомым правилам игры, к российскому законодательству, которое принципиально отличается от законодательства стран АТР, недостаточность правового регулирования отдельных правоотношений и непонимание ряда вопросов применения российского законодательства снижает степень привлекательности ведения бизнеса для иностранных граждан на территории России и является препятствием притоку иностранного капитала.

И хотя основные трудности, с которыми сталкиваются работодатели, связаны с применением гражданского, административного, налогового, таможенного и иного законодательства, тем не менее нельзя умалять значимость проблем, вытекающих из трудовых правоотношений, поскольку, будучи вовлечёнными в сферу наёмного

труда, в процессе производственной деятельности работодатели вступают не только в трудовые правоотношения с работниками, но и с достаточно широким кругом субъектов, обеспечивающих в той либо иной степени предпринимательскую деятельность.

Поэтому успешное решение вопросов совершенствования действующего российского законодательства по обеспечению трудовых прав работодателей и защиты их интересов в сфере предпринимательства позволит достижению значимых для российского государства социально-экономических задач по реализации масштабных экономических проектов, направленных на развитие дальневосточных территорий РФ. В связи с этим, отмеченная проблематика представляется весьма актуальной и требует дальнейшей научной проработки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышникова, Т. Ю. Формы и способы защиты трудовых прав и охраняемых законом интересов в российском трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук / Т. Ю. Барышникова. – Ярославль, 2005. – 235 с.
2. Барбашова, Т. П., Миронов В. И. Защита трудовых прав работников и ее особенности // Трудовое право. – 2007. – № 7. – С. 5–8.
3. Васильева, Е. В. Защита профсоюзами социально-трудовых прав работников в условиях рыночной экономики : дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Васильева. – Челябинск, 2006. – 179 с.
4. Герасимова, Е. С. Государственные гарантии защиты трудовых прав и свобод // Актуальные проблемы трудового законодательства в условиях модернизации экономики : монография / отв. ред. проф. Ю. П. Орловский. – М. : Юстицинформ, 2012. – С. 119–147.
5. Головина, С. Ю. Защита интересов работодателей средствами трудового права // Бизнес, менеджмент и право. – 2004. – № 1. – С. 93–99.
6. Гусов, К. Н. Трудовое право России : учебник для вузов / К. Н. Гусов, В. Н. Толкунова. – М. : ТК Велби, Проспект, 2006. – 492 с.
7. Дворецкий, А. В. Защита персональных данных работника по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Дворецкий. – Томск, 2005. – 222 с.
8. Доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2017/pdf/1.pdf>.
9. Жерукова, А. Б. Обеспечение права работников на защиту своего достоинства в период трудовой деятельности : дис. ... канд. юрид. наук / А.Б. Жерукова. – М., 2011. – 180 с.

10. Киселев, И. Я. Сравнительное и международное трудовое право : учебник для вузов / И. Я. Киселев. – М. : Дело, 1999. – 728 с.
11. Липковская, В. В. Интересы работодателя в трудовом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Липковская. – М., 2011. – 26 с.
12. Молодякова, Э. Механизм регулирования трудовых отношений в Японии // Проблемы теории и практики управления. – 1997. – № 3. – С. 58–62.
13. Об Уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации : федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2305.
14. Трудовое право России : учебник / под общ. ред. Е. Б. Хохлова, В. А Сафонова. – М. : Изд-во Юрайт, ИД Юрайт, 2012. – 570 с.
15. Устав Общероссийского объединения работодателей «Российский союз промышленников и предпринимателей» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://media.rspp.ru/document/1/3/2/32d4b6ca555f81e955c599626ed4275c.pdf>.
16. Чибисов, В. А. Понятие, формы и способы защиты трудовых прав и свобод // Трудовое право в России и за рубежом. – 2010. – № 2. – С. 2–5.

REFERENCES

1. Baryshnikova T.Yu. *Formy i sposoby zashchity trudovykh prav i okhranyaemykh zakonom interesov v rossiiskom trudovom prave* [The forms and methods of labor rights protection and protected interests in the Russian law]. Diss. Cand. (Legal Sci.). Yaroslavl, 2005. 235 p.
2. Barbashova T.P., Mironov V.I. *Zashchita trudovykh prav rabotnikov i ee osobennosti* [The employees' labor rights protection and its features]. *Trudovoe parvo*, 2007, no. 7, pp. 5–8.
3. Vasilieva E.V. *Zatchita profsoyuzami socialno-trudovykh prav rabotnikov v usloviyakh rynochnoi ekonomiki* [The social and labor employees' rights protection by trade unions in a market economy]. Diss. Cand. (Legal Sci.). Chelyabinsk, 2006. 179 p.
4. Gerasimova E.S. *Gosudarstvennye garantii zashchity trudovykh prav i svobod* [The state guarantees of labor rights and freedoms protection]. *Aktualinye problem trudovogo zakonodatelstva v usloviyakh modernizatsii ekonomiki* [Actual problems of labor legislation in the context of the modernization of the economy: monograph]. Moscow: Yustitsinform Publ., 2012, pp. 119–147.
5. Golovina S.Yu. *Zashchita interesov rabotodatelei sredstvami trudovogo prava* [The employers' interests protection by labor law]. *Biznes, menedzhment i pravo*. 2004, no. 1, pp. 93–99.
6. Gusov K.N., Tolkunova V.N. *Trudovoe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov* [Russian labour Law]. Moscow: TK Velbi, Prospekt Publ., 2006. 492 p.

7. Dvoretiskii A.V. *Zatchita personalinykh dannykh rabotnika po zakonodatelstvu Rossiiskoi Federatsii* [The employee's personal information protection under the Russian laws]. Diss. Cand. (Law Sci.). Tomsk, 2005. 222 p.

8. *The Ombudsman's report of Entrepreneurs' Rights protection*. Available at: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2017/pdf/1.pdf> (accessed 11 August 2017). (In Russian).

9. Zherukova A.B. *Obespechenie prava rabotnikov na zashchitu svoego dostoinstva v period trudovoi deyatel'nosti* [Ensuring the employee's right for protection their dignity during the work]. Diss. Cand. (Legal Sci.). Moscow, 2011. 180 p.

10. Kiselev I. Ya. *Sravnitelnoye i mezhdunarodnoye trudovoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Comparative and international labor law: textbook]. Moscow, 1999. 728 p.

11. Lipovskaya V.V. *Interesy rabotodatelya v trudovom prave* [The employer's interests in labor law]. Diss. Cand. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2011. 26 p.

12. Molodyakova E. *Mekhanizm regulirovaniya trudovykh otnoshenii v Yaponii* [Mechanism of regulation of labor relations in Japan]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 1997, no. 3. Available at: http://vasilievaa.narod.ru/11_3_97.htm.

13. On the Ombudsmen for the entrepreneurs' rights protection v Rossiiskoi Federatsii: Federal Law of May 7, 2013 № 78-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 2013, no. 19, art. 2305. (In Russian).

14. Khokhlov E.B., ed. *Trudovoe parvo Rossii: uchebnik* [Russian Labour Law]. Moscow: Yurait Publ., 2012. 570 p.

15. Charter of All-Russian Association of Employers «Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs». Available at: <http://media.rspp.ru/document/1/3/2/32d4b6ca555f81e955c599626ed4275c.pdf> (accessed 11 August 2017). (In Russian).

16. Chibisov V.A. *Ponyatie, formy i sposoby zashchity trudovykh prav i svobod* [The concept, forms and methods of protecting labor rights and freedoms]. *Trudovoe parvo v Rossii i za rubezhom*, 2010, no. 2. Available at: http://psj.ru/saver_magazins/detail.php?ID=67472 (accessed 11 August 2017). (In Russian).

УДК 347.4:336.5(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2017-4/151-160

М.В. Белобородов¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: beloborodov.mv@dvfu.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА НА ПОСТАВКУ ТОВАРОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД В СЛУЧАЕ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИХ ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию института исполнения обязательств участников контрактной системы, в том числе при возникновении разногласий на стадии исполнения контракта. Рассматриваемая ситуация касается правовой природы дополнительного соглашения о замене характеристик поставляемого товара (оборудования) другими функциональными характеристиками, в случае выявления некорректности составленного заказчиком технического задания. В статье обосновывается позиция возможного поведения поставщика – как на стадии досудебного порядка урегулирования спора, так и в судебном процессе. Помимо анализа характерных особенностей добросовестности поведения участников гражданских правоотношений, в сравнении с требованием о недопустимости злоупотребления правом, даётся анализ положений статьи 10 ГК РФ (пределы осуществления гражданских прав) в сравнении с положениями Федерального законодательства о контрактной системе. Рассматриваемая проблема осложняется существованием противоречий между общими положениями Гражданского кодекса РФ и введённым в действие с 2014 г. законодательством в области заключения и исполнения контрактов в сфере закупок для государственных нужд. Дополнительная сложность исследования заключается в том, что со стороны государственного заказчика, в случае предъявления требований о поставке товара (производимого оборудования) с несуществующими характеристиками, поставщик, согласившийся заключить контракт без детального исследования рынка оборудования, оказывается незащищённым со стороны закона перед требованием заказчика на исполнение контракта. Законодательство о

¹ Максим Владимирович Белобородов, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Белобородов М.В. Правовые аспекты изменения условий договора на поставку товаров для государственных нужд в случае выявления недостатков, препятствующих исполнению обязательств // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2017. № 4. С. 151–160.

контрактной системе предусматривает возможность замены товара на другой, с улучшенными функциональными техническими характеристиками, однако это возможно исключительно по соглашению сторон и товар должен быть значительно лучшего качества. Однако данное поведение может быть невыгодно заказчику, который, в случае расторжения контракта по собственной инициативе, получает необоснованное обогащение за счёт поставщика в виде штрафных санкций и взыскания обеспечения по независимой банковской гарантии, а также ставит вопрос о включении информации об исполнителе в реестр недобросовестных поставщиков. В этой связи спор может быть решён исключительно в судебном порядке, однако не удалось найти судебную практику, опираясь на которую поставщик обосновывает добросовестность своего поведения в сфере контрактной системы. Сложившаяся судебная практика в сфере гражданских правоотношений является условно применимой. Таким образом, главный вывод исследования касается необходимости внесения изменений в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», регламентирующих обязанность заказчика отменить торги в указанном случае либо заключения сторонами дополнительного соглашения на замену товара с похожими функциональными техническими характеристиками.

Ключевые слова: ответственность поставщика, государственный контракт, добросовестность поведения участников гражданских правоотношений, злоупотребление правом, дополнительное соглашение, замена товара, поставщик, заказчик.

M.V. Beloborodov¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: beloborodov.mv@dvfu.ru

**LEGAL ASPECTS OF CHANGING THE CONDITIONS
OF THE CONTRACT FOR DELIVERY OF GOODS FOR STATE
NEEDS IN CASE OF REVEALING OBSTACLES
TO THE PERFORMANCE OF OBLIGATIONS**

Abstract. The article is devoted to a comparative legal study of the institution of obtaining the obligations for participants of the contract system, including, in case of disagreement at the stage of contract execution. This situation concerns the legal nature of the

¹Maxim V. Beloborodov, Candidate of Economic Science, Head of the Department of Civil Law and Process, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Beloborodov M.V. Legal Aspects of Changing the Conditions of the Contract for Delivery of Goods for State Needs in Case of Revealing Obstacles to the Performance of Obligations // Asia-Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2017. № 4. С. 151–160.

supplementary agreement on the replacement of the characteristics of the delivered goods (equipment) with other functional characteristics, in case if the technical task formulated by the customer is incorrect. The article justifies the position of the possible behavior of the supplier, both at the stage of the pre-trial order of the dispute settlement, and in the judicial process. In addition to analyzing the characteristics of good faith in the participants behavior in civil legal relations, in comparison with the requirement of the inadmissibility of abuse of right, an analysis of the provisions of Article №10 of the Civil Code of the Russian Federation (limits of the exercise of civil rights) is given; in comparison with the provisions of the Federal Law on the contract system. This problem is complicated by the existence of contradictions between the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation and enacted in 2014 by the legislation in concluding and executing contracts in the field of procurement for state needs. An additional complexity of the research is that from the side of the state customer, in the case of demands for the delivery of goods with non-existent characteristics (manufactured equipment), the supplier agreeing to conclude a contract without a detailed study of the equipment market is unprotected by the law before the customer's requirement to execute the contract.

Keywords: supplier responsibility, state contract, good behavior of participants in civil legal relations, abuse of law, additional agreement, supplier, customer.

Существование подлинного демократического государства невозможно без развитых конкурентных отношений в сфере закупок товаров для нужд государственных учреждений. Именно такие отношения получили законодательное закрепление, первоначально в Федеральном законе от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», а впоследствии – в пришедшем на его смену Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о закупках) [1]. Отличительной особенностью реализации положений параграфа 7 Закона о закупках, где регламентирован порядок исполнения, изменения условий либо процедура расторжения контракта, является доминирующее положение указанного закона в сравнении с правовыми нормами главы 30 Гражданского кодекса РФ, которые закрепляют лишь общие принципы исполнения контракта по результатам торгов. В этой связи участники договорных отношений при возникновении спорных ситуаций попадают в противоречие между гражданским кодексом и специальным федеральным законом. Сложнее всего становится исполнителю контракта, который связан своими обязательствами, даже в том случае, если заключён контракт на поставку несуществующего товара, с характери-

ками, которые не выпускаются. Проблема исполнения контракта заключается в возращении заказчика против расторжения договора по обоюдному согласию, либо отказе изменить условия контракта путём замены характеристик оборудования на другие, не ухудшающие функционального назначения. Безусловно, имеется и вина поставщика, который согласился на закупку без проверки правильности технического задания. В этой связи заказчик, который некорректно составил техническое задание, указав товар с несуществующими характеристиками, в случае его расторжения по вине другой стороны, взыскивает с поставщика штрафные санкции в виде штрафа и обеспечения независимой гарантии, а также направляет в антимонопольный орган данные о внесении сведений об исполнителе в реестр недобросовестных поставщиков. В этой связи автор статьи ставит вопрос о возможности защиты интересов поставщика как добросовестного участника гражданских правоотношений, от действий злоупотребляющего своим правом лица.

Интересная особенность заключается в том, что термин «государственный контракт» в Гражданском кодексе РФ отсутствует и понимается как синоним договора. Так, современный экономический словарь под ред. Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева определяет контракт как «юридически обязательное соглашение между двумя или несколькими лицами, в котором определяются действия, подлежащие исполнению с их стороны, и ответственность за выполнение (невыполнение) этих действий» [2].

В российском законодательстве также нет единой трактовки понятия товара. В Гражданском кодексе РФ (ст. 454 и ст. 455), применительно к договору купли-продажи, товаром является любая вещь, если она произведена или приобретена и отвечает признакам оборотоспособности (ст. 129 ГК) [3]. Согласно ст. 38 Налогового кодекса РФ товаром признается любое имущество, реализуемое либо предназначенное для реализации, а в соответствии с п. 1 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) под товаром понимается объект гражданских прав, предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот.

При этом, согласно п. 3 ст. 4 Закона о защите конкуренции, законодатель вводит понятие взаимозаменяемых товаров, под которыми понимаются товары, которые могут быть сравнимы по их функциональному назначению, применению, качественным и техническим характеристикам, цене и другим параметрам таким образом, что приобретатель действительно заменяет или готов заменить один товар другим при потреблении.

Согласно ст. 34 Закона о закупках, контракт на поставку товара заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки или приглашением принять участие в определении поставщика, документацией о закупке, заявкой, окончательным предложением участника закупки, с которым заключается кон-

тракт. В контракт включается обязательное условие об ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, однако сторона освобождается от уплаты неустойки (штрафа, пени), если докажет, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, предусмотренного контрактом, произошло вследствие непреодолимой силы или по вине другой стороны.

В соответствии с частью 7 ст. 95 Закона о закупках, при исполнении контракта по согласованию заказчика с поставщиком допускается поставка товара, качество, технические и функциональные характеристики (потребительские свойства) которого являются улучшенными по сравнению с качеством и соответствующими техническими и функциональными характеристиками, указанными в контракте. В этом случае соответствующие изменения должны быть внесены заказчиком в реестр контрактов, заключённых заказчиком.

Таким образом, Законом о закупках предусмотрена возможность по согласованию сторон изменить условия контракта на поставку товара, технические и функциональные характеристики которых улучшены, по сравнению с указанными в контракте.

Аналогичная позиция нашла своё отражение в руководящем Письме Министерства экономического развития РФ от 10 июня 2015 г. № Д 28и-1691 «Об отдельных вопросах, связанных с осуществлением закупок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд» [4].

Кроме того, в Письме Руководителя ФАС России от 01.07.2016 № ИА/44536/16 «Об установлении заказчиком требований к составу, инструкции по заполнению заявки на участие в закупке» сказано, что значения, предусмотренные в документации, не должны противоречить положениям стандарта. В этом случае положения документации (извещения) не должны позволять участнику указать значение, которое не соответствует стандарту [5].

Таким образом, руководствуясь п. 1 ст. 450 Гражданского Кодекса РФ и частью 7 ст. 95 Закона о закупках, стороны вправе заключить дополнительное соглашение на изменение товара с улучшенными фактическими техническими характеристиками. При этом сам предмет поставки, как и сроки исполнения контракта, являются существенными условиями и изменению не подлежат.

Обязанность по правильному и корректному формированию технического задания, являющегося неотъемлемой частью документации об аукционе, возложена на Заказчика и пунктом 1 части 1 статьи 64 Закона о закупках, где сказано, что документация наряду с информацией, указанной в извещении о проведении аукциона, должна содержать информацию о наименовании и описании объекта закупки, условия контракта в соответствии со статьёй 33 настоящего Федерального закона, в том числе обоснование начальной (максимальной) цены контракта.

В этой связи интересен спор, который сейчас рассматривается в одном из арбитражных судов Поволжского региона [6]. Заказчик разместил извещение о про-

ведении аукциона на поставку медицинских аппаратов. Поставщик, полагая, что заказчиком правильно указаны технические характеристики товара, подал заявку, в которой согласился с требованиями технического задания, стал единственным участником торгов, и с ним был заключен государственный контракт.

По утверждению поставщика, заказчик при формировании технического задания допустил ошибку, описав характеристики медицинского аппарата, под которые не подходит ни один из аппаратов, производимых как в Российской Федерации, так за рубежом. Проанализировав техническое задание и проведя анализ сегмента рынка аппаратов, поставщик нашёл другой аппарат, который имеет некоторые отклонения от заявленных технических показателей. Указанные отклонения являются незначительными, не влияют на лечебный процесс, а по некоторым параметрам даже улучшают технические показатели оборудования.

Ссылаясь на положения ч. 7 ст. 95 Закона о закупках, он обратился к Заказчику с предложением заключить дополнительное соглашение об изменении характеристик оборудования на иное, по некоторым позициям даже лучшее, либо расторгнуть контракт по соглашению сторон, однако заказчик ответил отказом, настаивая на исполнении контракта.

При этом перечень случаев одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств конкретизирован следующим образом:

- отказ поставщика передать заказчику товар или принадлежности к нему (п. 1 ст. 463, абзац второй ст. 464 ГК РФ);
- существенное нарушение поставщиком требований к качеству товара, а именно обнаружение заказчиком неустранимых недостатков, недостатков, которые не могут быть устранены без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляются неоднократно, либо проявляются вновь после их устранения, и других подобных недостатков (п. 2 ст. 475 ГК РФ);
- невыполнение поставщиком в разумный срок требования заказчика о доукомплектовании товара (п. 1 ст. 480 ГК РФ);
- неоднократное нарушение поставщиком сроков поставки товаров (п. 2 ст. 523 ГК РФ).

Как видно из описанной ситуации, Заказчик не вправе в одностороннем порядке расторгнуть контракт на поставку несуществующего товара. В то же время, на основании ч. 10 ст. 95 Закона о закупках, при возникновении сомнений в достоверности характеристик предложенного товара, Заказчик вправе провести экспертизу для сравнения оборудования с нужными характеристиками и выявления его улучшенных показателей.

В соответствии с положениями контракта, поставщик обязан незамедлительно информировать Заказчика обо всех обстоятельствах, препятствующих исполнению Контракта, а все споры и разногласия разрешаются путём переговоров. В том слу-

чае, если Заказчик не желает заключать дополнительное соглашение, стороны вправе, руководствуясь п. 1 ст. 450 ГК РФ, ч. 8 ст. 95 Закона о закупках, расторгнуть контракт по соглашению сторон.

Часть 4 ст. 34 Закона прописывает, что в контракт включается обязательное условие об ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. К ним, в частности, относятся поставка оборудования ненадлежащего качества, обнаружение неустраняемых недостатков, нарушение сроков поставки либо отказ передать документы к поставляемому товару.

Кроме того, в случае расторжения контракта по инициативе заказчика либо по решению суда, информация о Поставщике подлежит внесению в Реестр недобросовестных поставщиков, с возмещением причинённых Заказчику убытков. Однако указанная ответственность Поставщика наступает лишь в случае нарушения своих обязательств, к которым расторжение контракта по соглашению сторон не относится.

Аналогичным образом сформирована и позиция Верховного Суда РФ.

Так, в «Обзоре судебной практики применения законодательства Российской Федерации о Контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 28.06.2017 г. суд указал, что описание объекта закупки должно носить объективный характер. В том случае, если в ходе исполнения контракта обнаружатся неучтённые обстоятельства, в связи с чем возникла необходимость немедленных дополнительных действий в интересах Заказчика, Исполнитель контракта обязан об этом сообщить Заказчику с обоснованием своих действий [7].

Указанная позиция соответствует положениям ст. 10 ГК РФ (пределы осуществления гражданских прав), где сказано, что «не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются».

Своими действиями по заблаговременному предупреждению заказчика о наступающих неблагоприятных последствиях, с приобщением подтверждающих документов, поставщик своевременно известил сторону о необходимости изменить условия контракта либо расторгнуть его, предоставив заказчику возможность внести изменения в техническое задание и объявить повторные торги. Позиция Истца сводится к утверждению, что в соответствии с Гражданским законодательством и Законом о закупках ответственность участников контрактной системы наступает исключительно в случае нарушения сторонами своих обязательств, к которым расторжение контракта по соглашению сторон не относится. В случае добросовестного поведения сторон ответственность может быть исключена.

Таким образом, ответив отказом на предложение истца, ответчик создал истцу условия, при которых истец не имеет возможности добросовестно и в срок исполнить принятые на себя обязательства.

Согласно ст. 10 ГК: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке».

Как следует из п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах»: «В случаях, когда будет доказано, что сторона злоупотребляет своим правом, вытекающим из условия договора, отличного от диспозитивной нормы или исключаящего её применение, либо злоупотребляет своим правом, основанным на императивной норме, суд с учётом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает этой стороне в защите принадлежащего ей права полностью или частично либо применяет иные меры, предусмотренные Законом» [8]. Аналогичной позиции придерживается и сложившаяся судебная практика.

Таким образом, отказ ответчика от приведения условий договора в соответствие с существующими параметрами оборудования свидетельствует о нарушении Ответчиком положения ст. 10 ГК РФ, поскольку контракт на поставку несуществующего оборудования не может быть исполнен, что в итоге приведёт не только к невозможности исполнения Истцом обязательств, но и позволит ответчику совершить факт необоснованного обогащения в виде взыскания обеспечения исполнения контракта, штрафных санкций за просрочку исполнения поставки и направить в антимонопольный орган информацию для внесения данных в реестр недобросовестных поставщиков.

Юридической обязанности стороны возратить всё полученное за счёт другого лица без оснований, установленных законом, иными правовыми актами или сделкой, посвящена ст. 1102 ГК РФ. Право стороны обратиться в суд с требованием изменить договор при получении другой стороной отказа на данное предложение закреплено в ч. 2 ст. 452 ГК РФ. В этой связи представляется правильным обращение поставщика в суд с иском об изменении условий договора, что соответствует позиции ст. 10 ГК, на основе общепризнанных правил поведения участников гражданских правоотношений с целью защиты нарушенных прав.

В свою очередь, представляется необходимым предусмотреть в ст. 95 Закона о закупках дополнительное положение, предоставляющее право поставщику в одностороннем порядке отказаться от исполнения контракта в случае выявления факта некорректности требований заказчика по поставке товара, который не производится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федеральный закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Российская газета. – 2013. – 12 апр., № 6056 (80).

2. Современный экономический словарь / под ред. Б. А. Райзберга. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 512 с.

3. Чваненко, Д. А. К вопросу о толковании формулировки «товары, работы, услуги» // Юрист. – 2014. – № 10. – С. 25–29.

4. Об отдельных вопросах, связанных с осуществлением закупок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 10 июня 2015 г. № Д28и-1691. – Режим доступа: http://goszakaz.gov-murman.ru/documents/npra224/pismo_minek_rf_10.06.2015_d28i_1691.pdf

5. Об установлении заказчиком требований к составу, инструкции по заполнению заявки на участие в закупке [Электронный ресурс] : письмо Руководителя ФАС России от 01 июля 2016 г. № ИА/44536/16. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71366262/>.

6. Дело А49-13710/2017 АС Пензенской области [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/card/307874ba-4c02-48e3-af98-ee1906944058>.

7. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : обзор Президиума Верховного Суда России от 28 июня 2017 г. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218867/.

8. О свободе договора и её пределах [Электронный ресурс] : постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/106573.html.

REFERENCES

1. On the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services for the Provision of State and Municipal Needs. Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ. *Rossiiskaya gazeta*, 2013, 12 apr., no. 6056 (80). (In Russian).

2. Raizberg B.A., ed. *Sovremennyyi ekonomicheskii slovar'* [Modern Economic Dictionary]. 6th ed., revised and additional. Moscow: INFRA-M Publ., 2011. 512 p.

3. Chvanenko D.A. K voprosu o tolkovanii formulirovki «tovary, raboty, uslugi» [To the Question of the Interpretation of the Wording "Goods, Works, Services"]. *Yurist*, 2014, no. 10, pp. 25–29.

4. *On Certain Issues Related to the Procurement of Goods (Works, Services) for State and Municipal Needs*. Letter of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of June 10, 2015 No. D28i-1691. Available at: http://goszakaz.government.ru/documents/npa224/pismo_minek_rf_10.06.2015_d28i_1691.pdf (accessed 14 August 2017). (In Russian).

5. *On the Establishment by the Customer of the Requirements for the Content, Instructions for Completing the Application for Participation in the Procurement*. Letter of the Head of the Federal Antimonopoly Service of Russia No. IA / 44536/16 of 01.07.2016 Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71366262/> (accessed 14 August 2017). (In Russian).

6. *Case A49-13710 / 2017 // The Website of the Arbitration Court of the Penza region*. Available at: <http://kad.arbitr.ru/card/307874ba-4c02-48e3-af98-ee1906944058> (accessed 14 August 2017). (In Russian).

7. *Review of the Judicial Practice of Applying the Legislation of the Russian Federation on the Contract System in the Procurement of Goods, Works, Services to Ensure State and Municipal Needs*. Review of the Presidium of the Supreme Court of Russia of June 28, 2017. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218867/ (accessed 14 August 2017). (In Russian).

8. *On Freedom of Contract and its Limits Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 14.03.2014 No. 16*. Available at: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/106573.html (accessed 14 August 2017). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Айриш Чарльз Роберт, директор Восточноазиатского центра правовых исследований Университета Висконсин-Мэдисон, профессор Юридической школы Университета Висконсин-Мэдисон, США.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор географических наук, директор Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Белкин Виктор Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Жариков Евгений Прокофьевич, доктор экономических наук, профессор, Школа экономики и менеджмента ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Князев Сергей Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда России, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

Коробеев Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы ДВФУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Владивосток, Россия.

Ли Се Ун (Lee Se Ung), Председатель Совета Shin Il Educational Foundation, Seoul Cyber University, г. Сеул, Республика Корея.

Пак Ноенг, декан Юридического факультета Университета Корё, г. Сеул, Республика Корея.

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, Восточный институт – Школа региональных и международных исследований ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Присекина Наталья Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент Юридической школы ДВФУ, заместитель директора Юридической школы по науке и инновациям, почетный консул Республики Чили, г. Владивосток, Россия.

Снайдер Дэниел (Sneider Daniel), заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, США.

Фу Куен-чен, профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, г. Шанхай, КНР.

Хуан Даосю (Huang Daoxiu), председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, г. Пекин, КНР.

EDITORIAL BOARD'S DATA

Charles R. Irish, Senior Director, East Asian Legal Studies Center, Volkman-Bascom Professor of Law (emeritus), University of Wisconsin-Madison, USA.

Peter Y. Baklanov, the Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor in Geographical Sciences, Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Victor G. Belkin, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Evgeny P. Zharikov, Doctor in Economics, Professor, School of Business and Public Administration, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Sergey D. Knyazev, Doctor in Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.

Alexander I. Korobeev, Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chair of Criminal Law and Criminology Department, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Professor, Honorary University Educationalist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia.

Lee Se Ung, Chair of the Board, Shin IL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Republic of Korea.

Nohyoung Park, Ph.D., Dean, School of Law, Director of Cyber Law Center, Korea University, Seoul, Republic of Korea.

Vladimir F. Pecheritsa, Doctor in Historical Sciences, Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Natalia G. Prisekina, Ph.D. in Law, Associate Professor, Honorary Consul of the Republic of Chile, Vice Director for Research and Innovation, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Daniel C. Sneider, Associate director for research at the Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, USA.

Kuen-chen FU, Ko Guan Chair, Professor in Law, Ko Guan Law School, Shanghai Jiao Tong University, PRC.

Huang Daoxiu, Professor, Chairman of the Research Centre for the Study of Russian law, Beijing, PRC.

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ
РЕГИОН**

**ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ПРАВО**

**Научный
и общественно-политический
журнал**

2017

№ 4

Главный редактор

В.И. Курилов, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Редакционная коллегия

Ч.Р. Айриш, П.Я. Бакланов, В.Г. Белкин,
Е.П. Жариков (зам. гл. ред.), С.Д. Князев, А.И. Коробеев (зам. гл. ред.),
Ли Се Ун, Пак Ноенг, В.Ф. Печерица, Н.Г. Присекина,
Дэниел Снайдер, Фу Куен-чен, Хуан Даосю

Ответственный за выпуск

В.В. Короченцев

Редактор *Т.Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н.В. Бетанкурт*

Редактор References *Т.В. Поликарпова*

Компьютерная вёрстка *С.А. Прудкогляд*

Подписано в печать 15.07.2018 г.
Дата выхода в свет 12.10.2018 г.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 13,22.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1-50). Заказ 562.

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Издательстве
Дальневосточного федерального университета
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10